

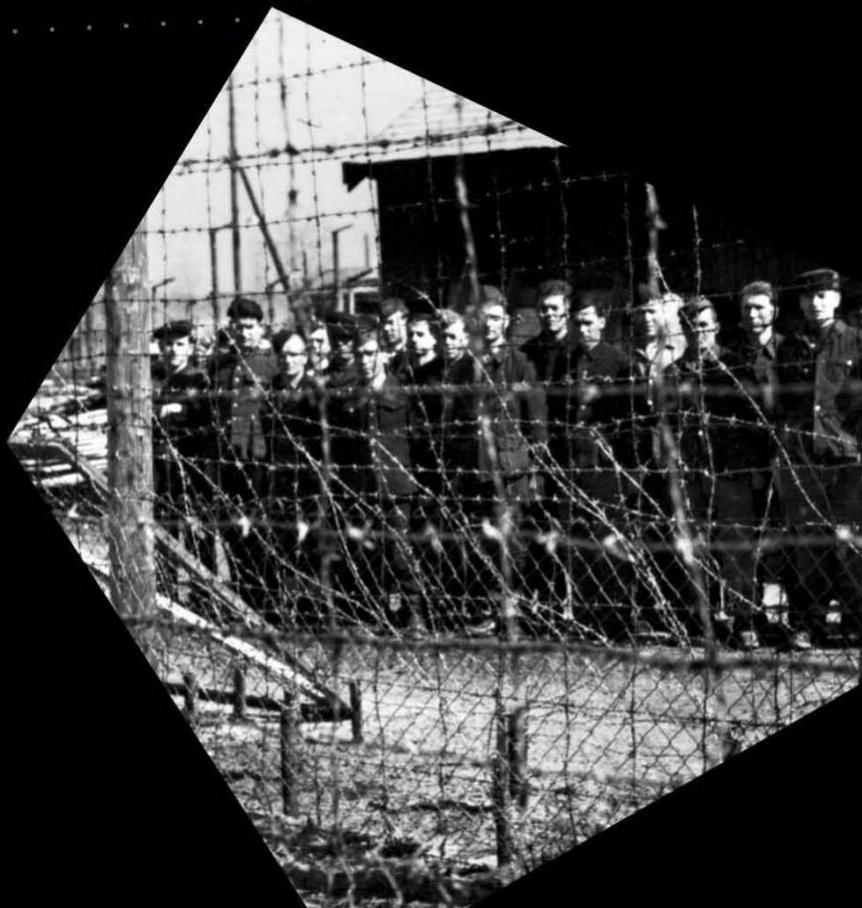

Г. Н. Сатиров

Рейх

Воспоминания
о немецком плене
(1942–1945)

РОССИЯ В
МЕНУАРАХ

Россия в мемуарах

Георгий Сатиров

**Рейх. Воспоминания о
немецком плене (1942–1945)**

«НЛО»

Сатиров Г. Н.

Рейх. Воспоминания о немецком плене (1942–1945) /
Г. Н. Сатиров — «НЛО», — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482102-2

Плен во время войны – событие, которое ставит солдата в сложное положение, часто подразумевающее угрозу со стороны не только противника, но и своего государства, и в то же время делает его обладателем уникальной точки зрения. Мемуары Георгия Николаевича Сатирова (1904–1981), воевавшего в народном ополчении в Крыму и попавшего в немецкий плен в самом начале гитлеровского наступления, содержат его воспоминания о пребывании в трудовых лагерях для военнопленных в Германии в 1942–1945 годах. Автор подробно описывает быт лагерей, отношение пленных к выполняемой работе, к сотрудникам лагерей и местному населению, взаимоотношения в среде заключенных, конфликты на национальной почве, готовность некоторых сотрудничать с нацистами. Фигуры пленных, фашистских надсмотрщиков и представителей лагерной администрации выписаны им очень выразительно, а эрудиция, наблюдательность и талант рассказчика делают эти мемуары не только ценным свидетельством, но и чрезвычайно увлекательным чтением.

ISBN 978-5-44-482102-2

© Сатиров Г. Н.
© НЛО

Содержание

ТЕМА ПЛЕНА В НЕПОДЦЕНЗУРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВРЕМЕН	5
РЕЙХ	26
ГОД 1942	26
ГОД 1943	71
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Г. Н. Сатиров

Рейх. Воспоминания о немецком плене (1942—1945)

ТЕМА ПЛЕНА В НЕПОДЦЕНЗУРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВРЕМЕН

Плен – неизбежная составляющая любой войны. Отношение государства к своим плененым воинам, которые оказались (иногда только временно) в положении не способных помочь Родине на поле боя, достаточно определенно характеризует любой общественно-политический строй.

Известно, что накануне гитлеровской агрессии против СССР советская пропаганда, опираясь на директивные документы и речи руководителей государства, настойчиво и громогласно убеждала население страны в том, что «броня крепка и танки наши быстры», а коль придется воевать, то будем бить врага на его территории и обойдемся при этом «малой кровью». Однако после 22 июня 1941 г., в условиях быстро развивавшегося наступления гитлеровской Германии и ее союзников, в пропагандистских материалах появились ранее не звучащие темы. Одной из них стала тема плена, которая была порождена суровой и непредвиденной реальностью¹. Реакцией на поражения в приграничных сражениях и угрозу военной катастрофы стал известный приказ Ставки Верховного главного командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г., фактически приравнивавший сам факт попадания в плен к измене Родине².

Напомним, что в УК РСФСР, положения которого действовали в годы войны, текст статьи 193-22 гласил: «Самовольное оставление поля сражения во время боя, *сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой*, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля влекут за собою – высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества»³. Употребление термина «сдача», а не «попадание» предполагало некое сознательное, активное действие и свидетельствовало об обвинительном уклоне⁴. Выяснение вопроса

---

¹ Тема плена не могла не быть затронута, конечно, в период Советско-финской войны 1939–1940 гг. Так, историк О. С. Смыслов упоминает об изданной Политуправлением Ленинградского военного округа брошюре Н. Брыкина и Н. Толкачева «Боец Красной армии не сдастся», в которой военнослужащим разъяснялось, что, исходя из военной присяги, плен – это «измена Родине» и, следовательно, величайшее преступление и позор для советского бойца (см.: Смыслов О. С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2014. С. 79).

² Впервые полностью приказ был опубликован в «Военно-историческом журнале» (1988. № 9). Помимо всего прочего приказ предусматривал арест семей сдавшихся в плен командиров и политработников, семьи же сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Не лишним будет упомянуть и о том, что Г. К. Жуков, тогда командующий Ленинградским фронтом, отправил в штаб Балтфлота шифрограмму за № 4976, на основе которой начальник политического управления Балтфлота 28 сентября 1941 г. издал соответствующую директиву № 110/с. В шифрограмме сообщалось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны» (РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 18, Л. 18–19). Эта мера вполне соотносится с мнением будущего маршала в отношении военнопленных, высказанным им Д. Эйзенхауэру после того, как он услышал от него, что американцы обеспечивали попавших в плен солдат вермахта по rationам, принятым для американских военнослужащих, в том числе и по причине нежелания дать противнику предлог плохо обходиться с пленными из Великобритании и США. По словам Эйзенхауэра, Жуков был поражен и воскликнул: «Но что вам до солдат, захваченных немцами?! Они попали в плен и уже все равно не могли дальше сражаться!» (цит. по: Dwight D. Eisenhower. Crusade in Europe. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1997. С. 510).

³ Цит. по: Арзамаскин Ю. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001. С. 7. Курсив мой.

⁴ Ср. с формулировками Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», где фигурируют

о том, позволяла ли боевая обстановка продолжать сопротивление, предоставляло следствию широкие возможности для обвинительных интерпретаций.

Неудивительно, что в условиях развивающегося немецкого наступления центральная пресса уже с августа 1941 г. начала регулярно помещать публикации с характерными заголовками: «Фашистские звери живыми закапывают раненых красноармейцев» (Красная звезда. 1941. № 189. 13 авг.); «Ужасы фашистского плена» (Там же. 1941. № 244. 16 окт.); «Документы о расстреле немцами пленных красноармейцев в Волоколамске» (Там же. 1941. № 300. 21 дек.); «Фашистский плен хуже смерти» (Там же. 1942. № 163. 14 июля); «Что я пережил в плену у немцев» (Там же. 1942. № 197. 22 авг.); «Немцы заковывают пленных в цепи» (Правда. № 86. 1943. 1 апр.) и др.⁵ Газеты устами очевидцев (настоящих или вымышленных) подводили читателя (в первую очередь из числа военнослужащих) к выводу: «В тысячу раз лучше смерть в бою, чем фашистский плен!»⁶

Вот один из ранних и весьма красноречивых примеров – опубликованная в сентябре 1941 г. заметка фронтового корреспондента «Известий» литератора Виссариона Саянова с названием, отражающим официальную установку: «Советский воин в плен не сдается». «В какую бы обстановку ни попал советский боец, – говорится в первых же строках, – в каких бы трудных условиях ни находился, всегда он помнит о том, что большевики в плен не сдаются, и старается найти такой выход, который дает ему возможность вырваться из рук врага. А если уж положение безвыходное, он умеет принять решение, избавляющее от унижительного и позорного для воина плена». Какое это решение – прямо не сказано, однако намек высказан вполне очевидный (о расхожей рекомендации политработников бойцам беречь последний патрон для себя хорошо известно). Впрочем, заключительная из трех рассказанных В. Саяновым историй не дает повода для каких-либо сомнений, подводя читателя к правильному выводу. В ней экипаж подбитого советского танка, израсходовав боеприпасы, взорвал вместе с собой машину. Как при отсутствии боекомплекта, способного сдетонировать, могли погибнуть «многие из окружавших машину белофиннов», было известно только автору⁷. Остается лишь догадываться, как относились к подобным пропагандистским сочинениям фронтовики. В дневниковой записи лейтенанта В. Стеженского от 28 июня 1942 г., к примеру, встречаем такие строки: «Прочитал новую повесть Панферова. Бездарная вещь. Хотя и называется “Своими глазами”. Вряд ли он все это видел в действительности. <...> Попадание комиссара Левченко в плен и вся его дальнейшая история до такой степени неправдоподобны и надуманы, что не выдерживают никакой критики»⁸. Действительно, панферовский персонаж, случайно захваченный противником, стойко переносит все страшные пытки, а вскоре его освобождают боевые товарищи, которые, попав в немецкую засаду, успевают передать ослабевшего комиссара партизанам. А через несколько месяцев военнопленный-краткосрочник, потерявший, как выяснилось, после пыток зрение, вновь оказывается в своей части⁹.

словосочетания «оказаться в плену», «попасть в плен», упоминается о таких обстоятельствах пленения, как истощенность средств к сопротивлению, ранение, контузия и проч. (ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. П. 1753. Л. 41–46).

⁵ В 1943 г. вышел даже систематический указатель сообщений о «немецких зверствах», опубликованных в советской печати с 22 июня 1941 г. по 30 июня 1942 г. См.: «Нам запретили белый свет...»: альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / Сост. П. Полян и Н. Поболь. М., 2006. С. 13.

⁶ Ужасы фашистского плена // Красная звезда. 1941. № 244. 16 окт.

⁷ Саянов В. Советский воин в плен не сдается // Известия. 1941. № 212. 7 сент. А. Шнеер приводит свидетельство главного редактора «Красной звезды» Д. Ортенберга о полученном за день до публикации статьи В. Саянова указании и молниеносной реакции газеты: «В передовой со всей остротой был поднят вопрос, о котором до сих пор упоминали глухо, – о плене, отношении к нему советских воинов. “Сдача в плен немецко-фашистским мерзавцам – позор перед народом, перед своими товарищами, своими женами, детьми, преступление перед родиной” – таков был ответ газеты» (Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. М.; Иерусалим. 2005. С. 109–110).

⁸ Стеженский В. И. Солдатский дневник: военные страницы. М., 2005. С. 34.

⁹ Панферов Ф. Своими глазами. М., 1942. С. 22–35, 59–60.

Итак, что же рекомендовали устав, приказы и основанные на них пропагандистские материалы? Сражаться до последнего патрона, а затем известным способом избавиться «от унижительного и позорного» попадания в плен. К тем же, кто не сумел его избежать, не предъявляются претензии только в случае пребывания в расположении противника самое непродолжительное время. Освобожденные через несколько суток или совершившие быстрый побег – вот те, кто наряду со «зверски замученными» не попадают в категорию подозрительных и не покрывают себя позором.

Любопытное свидетельство о том, как глубоко вышеописанные установки, растиражированные армейской пропагандой, проникали в сознание бойца Красной армии, содержится в обнаруженном в одной из братских могил дневнике рядового А. Галибина, попавшего в финский плен 5 сентября 1941 г. После изложения обстоятельств пленения, которого он не мог избежать, оставшись без оружия и патронов, автор заключает: «Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед Родиной. Сдался в плен»¹⁰.

Это убеждение многие военнослужащие не только пронесли через все годы войны, но и сохранили в последующий период до хрущевских времен. Так, в своем письме от 15 января 1952 г., адресованном И. В. Сталину и его сыну Василию, штурман ИЛ-2 А. А. Егорова-Тимофеева, попавшая в плен после того, как ее самолет был сбит залпом немецких зениток летом 1944 г., писала, пытаясь добиться восстановления в партии: «...меня выбросило из кабины летчика. Горящий самолет <...> упал на землю возле немецких танков и там догорел, а я на раскрывшемся парашюте приземлилась неподалеку от него. *Руки мои обгорели настолько, что я не могла ими вынуть свой пистолет, чтобы покончить с собой*, обгорелые ноги заставили меня лежать в невменяемом состоянии. Меня без труда могли взять в плен не только вооруженные немцы-фашисты, но и безоружные дети»¹¹.

Случалось, что бывшим военнопленным об их «вине» напоминали и в соответствующих инстанциях. В протоколе допроса бывшего военнопленного рядового Л. Антракова в Пермско-Сергинском районном отделе МГБ Молотовской области от 24 марта 1947 г. читаем: «... 27/І-45 г. я попал в 2 часа дня в плен немцев в районе г. Краков, километров 50 пройдя [от] г. Краков (Польша). <...>

Вопрос: Вы принимали присягу?

Ответ: Да, я принимал присягу 18 августа 1944 г.

Вопрос: Вы признаете, что нарушили присягу, тем самым изменили Родине?

Ответ: Да, если я оказался живым в плену у немцев, этим самым я нарушил присягу и изменил Родине»¹². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что речь идет о ситуации конца января 1945 г., когда для подозрений в добровольной сдаче противнику, поражение которого уже не вызывало никаких сомнений, весьма трудно найти разумные основания.

Понятно, что чувство вины, которое испытывали многие из тех, кто принял эти обвинительные установки, не способствовало их желанию делиться воспоминаниями о годах, проведенных в плену. А вот попытки оправдать себя и других, восстановить справедливость – были.

Любопытна судьба опубликованного М. Ф. Шумейко документа о плене, датированного 1943 г. и отложившегося в фонде Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) БССР¹³. Это 73-страничная рукопись военврача, кандидата медицинских наук Л. А. Атанасяна «Правда о немцах (20 месяцев в плену у немцев. Х.41 – V.43)». Текст написан в расчете на

¹⁰ Галибин А. «Год, который, не задумываясь, можно было бы вычеркнуть из жизни...»: дневник военнопленного, извлеченный из его могилы (26 июня 1941 г. – 5 сентября 1942 г.) // «Нам запретили белый свет...». С. 344.

¹¹ Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. М., 2015. С. 35. Курсив мой.

¹² Война глазами военнопленных: красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг.: сб. документов. 2-е изд., с изм. и доп. Пермь, 2008. С. 629.

¹³ Шумейко М. Ф. Нацистские лагеря для военнопленных в Белоруссии глазами военврача Красной Армии Л. Атанасяна // https://www.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/Shumejko_ru.pdf (дата обращения 25.08.2022).

публикацию в виде брошюры. В его основе авторские наблюдения и размышления, сделанные в плену. После освобождения из лагеря для военнопленных, работы в одной из больниц в Бобруйске и трехмесячного пребывания в партизанском отряде, где и была написана рукопись, Атанасяна вывезли на Большую землю, после чего 17 сентября 1943 г. он был арестован «по подозрению в пособничестве немецким оккупационным властям», а позже осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Воспоминания его были пересланы 23 сентября 1943 г. в Москву секретарю ЦК КП(б) БССР П. К. Пономаренко. Отправитель – секретарь Полесского обкома КП(б) БССР И. Д. Ветров – усматривал их ценность исключительно в том, что приведенные факты «частью могут быть использованы как показывающие зверства немцев с русскими военнопленными», то есть отнесся к тексту как к пропагандистскому материалу. Но, очевидно, не только осуждение автора стало препятствием для использования написанного, а и «неудобное» содержание, не ограничивающееся расхожими газетными штампами.

В связи с вышесказанным следует напомнить и об известной ноте В. М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», опубликованной в «Известиях» от 26 ноября 1941 г. Эта нота явно преследовала цель дискредитировать противника перед лицом «международной общественности», но она не стала тем инструментом, который помог бы по-настоящему облегчить положение военнопленных. Тяготы плена и преступления нацистов дали лишь очередной повод для международной и внутренней пропаганды.

Помимо рукописи Атанасяна во время войны появляются и первые попытки художественного осмысления темы плена. В 1943 г. по свежим следам писатель Константин Воробьев создал автобиографическую повесть «Это мы, господи!...», которая в 1947 г. поступила в редакцию журнала «Новый мир». Однако не только сама тема плена, но и уровень правды в передаче событий войны надолго исключили возможность ее публикации¹⁴. Повесть «Пропавшие без вести» Степана Злобина, другого писателя из категории бывших военнопленных, была изъята у автора в 1947 г., и только в 1962 г. двухтомный роман «Пропавшие без вести», написанный на ее основе, увидел свет. Показательно и то, что некоторые свидетельства 1945–1947 гг., отложившиеся в фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), стали публиковаться только в последние десятилетия¹⁵.

В своих записях, относящихся к 1988 г., Ф. И. Чумаков пишет о начале своей работы над мемуарами: «Я давно собирался, но все откладывал. Лучшее время было уже упущено. Следовало начинать писать в 1946–1947 гг., когда я имел инвалидность и не работал. Именно тогда можно было восстановить в памяти гораздо более детально самые интересные события 1941–1945 гг. Я же приступил к мемуарам, когда близилось 70-летие <...>. Я понимал, что самая важная часть мемуаров, которая к тому же может иметь значение и для исторической науки, это рассказ о войне и плене»¹⁶.

Так или иначе, но воспоминания и автобиографические повествования, написанные в первые послевоенные годы, единичны.

Хрущевская оттепель внесла значительные перемены в судьбы многих бывших военнопленных. 17 сентября 1955 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Однако только через год – 20 сентября 1956 г. – появилось постанов-

¹⁴ Повесть впервые была опубликована в журнале «Наш современник» (1986. № 10. С. 96–153).

¹⁵ См., например, опубликованный П. М. Поляном «Дневник военнопленного Сергея Воропаева» (Знамя. 1996. № 6. С. 156–176).

¹⁶ Чумаков Ф. И. Мемуары. Ч. V. Хроника семейной жизни конца XX века (первый вариант, нуждающийся в выверке и редактировании). [2000] // ОПИ ГИМ. Ф. 501. Не обработано. С. 69–70.

ление, разъясняющее, что текст указа распространяется и на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен врагу¹⁷. Еще раньше – 19 апреля 1956 г. – по постановлению Президиума ЦК КПСС была создана Комиссия ЦК по изучению положения бывших военнопленных¹⁸, а 29 июня 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», в котором осуждались практика «огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника», широкое применение необоснованных репрессий и незаконное ограничение их прав.

Постановление, в частности, предписывало Министерству культуры СССР по согласованию с Министерством обороны СССР «включить в тематические планы издательств, киностудий, театров и культурно-просветительных учреждений подготовку художественных произведений, посвященных героическому поведению советских воинов в фашистском плену, их смелым побегам из плена и борьбе с врагом в партизанских отрядах».

Обращает на себя внимание рекомендуемая тематика, предопределившая основные линии будущих повествований: героизм, побеги, участие в партизанском движении. К самым известным произведениям, порожденным новыми веяниями, относится рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» (1956), опубликованный в двух номерах «Правды» (!) и экранизированный в 1959 г. На новом витке разоблачений сталинизма вышел на экраны кинофильм Г. Чухрая «Чистое небо» (1961). Появилась литература, рассказывающая об антифашистском сопротивлении в немецком тылу, в том числе посвященная М. Джалилю, Ф. Полетаеву, В. Порику и др. Однако несмотря на то, что тема судьбы советских военнопленных перестала быть для общества закрытой, подходы к ней продолжали сохранять следы односторонности и содержали стереотипы сталинских времен: получалось, что советскому военнопленному нельзя было предъявить претензий только при условии, если он помышлял о побеге или занимался подпольной работой. Так, герой шолоховского рассказа Соколов не просто совершает побег, а, усиливая с помощью писательского воображения реабилитирующие его аргументы, захватывает вместе с собой ценного «языка» и важную документацию¹⁹.

Наступившие перемены привели к тому, что со второй половины 1950-х гг. началась публикация мемуаров, дневников, автобиографической прозы, авторами которых выступали бывшие военнопленные²⁰. Эта категория свидетельств и стала надолго той основной источниковой базой, которая формировала представления общества о судьбах военнопленных.

Авторы изданий конца 1950–1960-х гг. прежде всего пытались снять с военнопленных клеймо предателей, убедить читателя, что попадание в плен не содержит состава преступления. Так, побывавший в плену один из персонажей повести, изданной в 1962 г., в диалоге с приютившей его хозяйкой патетически восклицает: «Клеймо на мне, понимаешь, клеймо! <... > У меня душа горит, я сейчас фрицев зубами грыз бы. Ты знаешь, что такое честь солдатская!

¹⁷ Постановление Верховного Совета СССР от 20 сентября 1956 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. “Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.” к военнослужащим Советской Армии и Флота, сдавшимся в плен врагу в период Отечественной войны» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 615–616.

¹⁸ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2. С. 73.

¹⁹ См.: Шолохов М. А. Собр. соч. М., 1986. Т. 7. С. 547–549.

²⁰ См.: Голубков С. А. В фашистском лагере смерти: воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск, 1958 (2-е изд. 1963); Бондарев В. И. Военнопленные (Записки капитана). М., 1960; Волынский Л. Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1. С. 113–143 (отд. изд.: М., 1974); Сабуров С. П. Всегда солдат / Лит. запись Ю. Новикова. М., 1963; Кобытев Е. С. Хорольская яма. Красноярск, 1965 (переизд. с доп.: Харьков, 1989); Злобин С. П. Пропавшие без вести. М., 1962. 2 т. (2-е изд. 1964, далее ссылки на это изд.); Злобин С. В Минском лагере военнопленных: из записных книжек 1941–1942 гг. // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1966. Кн. 2. С. 134–157. Характеристику некоторых мемуарных произведений хрущевской эпохи см.: Ерин М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941–1945 гг.: проблемы исследования. Ярославль, 2005. С. 14–18.

Кровью с нее позор смывается, кровью <...>». – «Да не убивайся так, Сеня! – утешает его собеседница, чьими устами разбиваются старые стереотипы. – Не один ты в плену был, не по своей воле <...>»²¹.

Вторая отличительная черта – развенчание мнения, что самоубийство лучше сдачи в плен. В автобиографическом романе С. Злобина один из героев страстно убеждает собеседника: «Я понимаю, что плен – позор для меня, командира. А принял я этот позор. Ты думаешь, что я должен был застрелиться? А что же, это ведет к нашей победе над Гитлером? Нет! Так зачем же? Что ты за самурай японский?! <...> Банкроты кончают с собою, а мы не банкроты! На земле еще с нас многое спросится <...>. Нам еще надо из плена выбраться и до Берлина дойти с победой!»²² Реабилитируя тех, кто не оставил для себя последнюю пулю, автор находит оправдание в том, что и в плену можно бороться, а при случае бежать к своим, чтобы продолжить сражаться.

Л. Волынский также вынужден специально останавливаться на такой детали, как отсутствие у него – младшего лейтенанта – на вооружении пистолета, который заменяла выданная винтовка. «При желании, – поясняет автор, – можно застрелиться и из винтовки: надо разуться и нажать большим пальцем ноги, как это делали и делают самоубийцы и самострелы. Почему я не сделал так – то ли времени не достало, то ли решимости или силы совершить в такую минуту столько физических действий, то ли попросту сработал инстинкт, – сказать со всей определенностью не могу»²³.

Говоря о других сюжетах, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Одна из самых важных задач в работе с мемуарными текстами – оценка их достоверности. Вплоть до 1995 г., а тем более в хрущевско-брежневскую эпоху в наибольшей степени это касалось ряда «опасных» сюжетов, связанных с нормами закона, положениями уставов и анкетными вопросами, на которые вынуждены были отвечать освобожденные советские военнопленные на сборных пунктах и в проверочно-фильтрационных лагерях, а также в процессе повторных следственных действий по возвращении на родину. Понятно, что эти сюжеты в мемуарных повествованиях являются самыми сложными для верификации.

Первый среди них – описание обстоятельств попадания в плен, которое должно было убедить читателя в отсутствии вины. Симптоматично, что в воспоминаниях В. И. Бондарца, упомянувшего о своем ранении (причем весьма неконкретно), вслед за изложением процедуры сжигания документов следует не рассказ о непосредственном пленении (который опущен), а сцена нахождения под охраной на сборном пункте²⁴. Преувеличение тяжести ранений и контузий, очевидно, также стало у некоторых авторов одним из способов самозащиты.

Уничтожение партийных и комсомольских документов, сокрытие принадлежности к полит- и начальствующему составу также заставляли объясняться с читателем и находить оправдания (документы уничтожали якобы из-за опасения их использования врагом)²⁵. Сохранение в плену комсомольского билета некоторые из бывших военнопленных рассматривали как реабилитирующее обстоятельство. Так, В. Т. Варягин, уличенный следователем проверочно-фильтрационного лагеря в обмане, показал: «Я думал, что если скажу, что я хранил

²¹ Гришин Е. И. Золотые коронки. Волгоград, 1962. С. 4.

²² Злобин С. П. Пропавшие без вести. Т. 1. С. 395.

²³ Волынский Л. Указ. соч. С. 122.

²⁴ Бондарец В. И. Указ. соч. С. 14.

²⁵ Так, С. А. Голубков, сожалеющий о том, что не сумел перед пленением застрелиться, уничтожение своего партбилета объяснял желанием предотвратить его использование диверсантами, забрасываемыми в советский тыл (Голубков С. А. Указ. соч. С. 6–7, 21, 24). Что же касалось сокрытия принадлежности к политсоставу, то он предлагал читателю удовлетвориться следующим заявлением: «Мне тяжело было отказываться от того, чем я гордился, – от своей причастности к политическим работникам, но отказ этот был внешним, внутренне я им оставался все это время» (Там же. С. 46).

комсомольский билет, то меня скорей отсюда отпустят домой»²⁶. Поэтому характерно, что в романе С. Злобина партийные и комсомольские билеты преподносятся читателю в качестве якобы особо оберегаемой в плену ценности²⁷.

В литературе периода хрущевской оттепели советских военнопленных представляли людьми несломленными, сохранившими чувство собственного достоинства и презрения к поработителям и их прислужникам. «Фашистов бесит непокорность нашего человека, – писал о своем пребывании в немецком пересыльном лагере Е. С. Кобытев. – Она видна во взглядах, в репликах из толпы, в поведении узников. Палачей выводит из себя чувство собственного достоинства у советских людей, отсутствие у них раболепия»²⁸. С. П. Сабуров рисует сцену, в которой он отказался взять буханку хлеба у знакомого лагерного полицейского, раздавив ее ногой и пристыдив незнакомых солагерников за попытку эту буханку подобрать²⁹.

Сложной для мемуариста задачей было описание трудовой деятельности, которая могла быть истолкована как работа на противника.

Авторы предисловия к документальному сборнику материалов «Война глазами военнопленных...» (2008) совершенно справедливо обращают внимание на то, что в протоколах допросов бывшие военнопленные в целях самозащиты «очень скупно рассказывали о работе на военном производстве, охотно вспоминали о голоде, холоде и унижениях, которым подвергались в лагере», хорошо зная следовательскую «логику»: «Если был занят на военном заводе, значит, помогал врагу делом. Если трудился подмастерьем у ремесленника, значит, имел какие-то заслуги перед немецким командованием и т. д. и т. п.»³⁰

В воспоминаниях М. В. Яковенко – врача из числа бывших военнопленных – упоминается о судьбе коллеги, с которым автор совершил побег и находился в партизанском отряде. После переправки на Большую землю этот коллега был отправлен врачом в штрафбат. В рассказе Яковенко беседа со следователем протекала следующим образом: «“Кого вы лечили?” – “Пленных”. – “Вылечили для кого? Куда они пошли потом?” – “На работу”. – “На кого?” – “На немцев”. – “Вот видите, значит, пособничали врагу!”»³¹ Подобные обвинения часто падали на подготовленную почву. Сознание собственной вины встречается, например, в воспоминаниях И. К. Яковлева при описании одного из этапов пребывания в плену: «Так началась моя работа в шахте Рура по добыче угля для великой Германии, помогая фашистам разорять мою Родину, убивать соотечественников. <...> Шли дни, успешно продвигались на запад наши войска, освобождая от врага города и села, а я, пленный, помогаю врагу, ежедневно добываю для него вагон угля. Это же явное предательство своему народу»³². У Д. А. Небольсина, поработавшего в Германии в различных рабочих командах, читаем: «Острой болью пронизывало от сознания того, что мы в какой-то мере стали невольными пособниками врага...»³³. Не стоит искать других объяснений, почему в воспоминаниях бывших военнопленных нередок явный акцент на рассказах о саботаже и вредительстве. Нехватка фактов у некоторых авторов легко заменяется высокопарной патетикой: «Мы должны вредить. <...> Мы дали себе клятву. Наше счастье, что враг не мог читать в душах, иначе нас всех тут же отправили бы на виселицу»³⁴. В желании изобразить себя в выгодном свете некоторые авторы не замечают некой двусмыс-

²⁶ Война глазами военнопленных. С. 191–192.

²⁷ Злобин С. П. Пропавшие без вести. Т. 1. С. 388, 425, 645; Т. 2. С. 177.

²⁸ Кобытев Е. С. Хорольская яма. Красноярск, 1965.

²⁹ Сабуров С. П. Указ. соч. С. 57.

³⁰ Война глазами военнопленных... С. 8.

³¹ Яковенко М. В. Воспоминания времени Отечественной войны // <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>.

³² Яковлев И. К. Мой рок в войне: воспоминания о трех месяцах войны и четырех годах плена // <http://warplen.chat.ru/>.

³³ Небольсин Д. А. Дважды младший лейтенант. М., 1998. С. 146.

³⁴ Васильев А. С. Мемориал. М., 1986. С. 87.

ленности написанного. Так, в воспоминаниях С. А. Голубкова рассказывается о том, как их патриотическая группа выпускала в Рославльском лагере листовки с призывом к сокамерникам не ходить на работу, а если соглашаться, то заниматься вредительством³⁵. Однако авторы призывов не могли не понимать: работа за пределами лагеря давала возможность страдающему от жесточайшего голода военнопленному выжить, получая дополнительное питание.

К этой же категории рассказов о трудовой деятельности можно отнести сокрытие своей квалификации и предпочтение «грязной работы» (вплоть до ассенизаторской), которые также встречаются у мемуаристов:

«— Привезут на завод, поставят к станку. Что тогда? Откажешься?

— Откажусь.

— И подхватишь пулю в лоб. <...> Лучше уж г... возить. Руки грязные, зато совесть чистая»³⁶.

Тот же автор описывает, как отобранные для квалифицированной работы военнопленные отказались работать в чертежной мастерской, после чего их заставили заниматься тяжелой работой по перетаскиванию бревен в лесу, грозящей быстрым истощением со всеми вытекающими последствиями. И только уверения сокамерников в том, что в «чертежке» за некоторым малым исключением все отлынивают от работы и откровенно саботируют, убедило отказников переменить решение. Вот как в книге выглядит монолог одного из лагерных старожилов: «Я такой же русский и, смею говорить, такой же честный человек, как и вы. В свое время тоже таскал проклятые бревна. А потом оказалось, что это вовсе не нужно. Чертежка – ширма. Она создает лишь видимость нашей деятельности. На ее фоне стушевывается работа нескольких продавшихся сволочей <...>»³⁷. Естественное желание идти на уловки, чтобы избежать жесточайшей эксплуатации в рабочих командах при скудном питании, не компенсирующем расход физических сил, могло также преподноситься как идеологически мотивированный саботаж.

Многие советские военнопленные жили в тяжелых условиях. При этом упоминания о любых послаблениях и доброжелательном отношении со стороны отдельных представителей лагерной администрации и охраны могли быть расценены как аргумент в пользу обвинения в предпочтении этих условий угрозе жизни и здоровью в боевой обстановке на фронте. Отсюда часто встречающиеся преувеличения «зверств» и замалчивания случаев «либерализма», стремление разубедить тех, кто считал плен легко переносимым. Не случайно своеобразным рефреном воспоминаний Л. А. Атанасяна является фраза, с которой автор и начинает свое повествование: «Только тот, кто побывал в плену у немцев, может с полным правом сказать, что он действительно познал предел человеческого страдания, предел тех физических, моральных и душевных мук, которые в силах вынести человек»³⁸.

Минули десятилетия, прежде чем со второй половины 1980-х гг., когда ослабла необходимость «солидарной» защиты от упреков в предпочтении «легкой жизни» в плену фронтовыми опасностями, мемуаристы заговорили о дифференцированных условиях пребывания в неволе. «Не следует всех бывших военнопленных причислять под одну гребенку, – писал Ю. Апель. – Плен, как и сама жизнь, очень многообразен. Лагеря военнопленных сильно разнятся по своему назначению, режиму, обращению, кормежке и возможностям в них выжить. Эта сторона или особенность плена как массового явления в нашей литературе практически не нашла отражения даже в тех произведениях, которые целиком посвящены проблеме советских военнопленных»³⁹. Д. Чиров, попавший на работу в крестьянское хозяйство в Австрии, уже не

³⁵ Голубков С. А. Указ. соч. С. 57–58, 63–64.

³⁶ Бондарец В. И. Указ. соч. С. 59–60.

³⁷ Там же. С. 63–67.

³⁸ Шумейко М. Ф. Указ. соч. С. 190.

³⁹ Апель Ю. Доходяга: воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М., 2009. С. 14.

боится признаться, что «лучших условий <...> для военнопленных не было и быть не могло»⁴⁰. Иным образом обстояло дело с воспоминаниями, не рассчитанными на публикацию. Н. П. Ундольский, писавший в начале 1980-х гг. для семейного круга, мог позволить себе упомянуть о лагере в Демблине (1942): «Охрана в этом лагере состояла только из немцев, а комендант его строго запретил рукоприкладство, и не было случаев, чтобы кого из нас ударили». И далее: «К моему счастью, в Германии мне не пришлось побывать в тех лагерях, в которых издевались над пленными. Большинство немецких солдат, унтер-офицеров, вахт-майстеров и младших офицеров, которых я знал, относились так же, как и немецкие крестьяне, к нам по-человечески»⁴¹.

Главными факторами, способствующими реабилитации, долгое время считались побеги и подпольная внутрилагерная работа.

Установка на обязанность совершения побега при малейшем ослаблении контроля со стороны охраны (без учета реальных возможностей: физического состояния, удаленности от фронта, запаса продовольствия, отношения населения, знания языка и проч.) долго порождала явно надуманные, самооправдательные пассажи. Например, А. С. Васильев описывает, как он в период пребывания в немецком плену на территории Германии был направлен из «рабочей команды» в городской госпиталь под конвоем. Затем конвойный удалился навести справки, и он остался один. «Несколько минут я стоял никем не охраняемый, – повествует А. С. Васильев, – и мог бы спокойно уйти, убежать, скрыться <...> “Свобода!” Может быть, еще минута-другая, и я решился бы <...>. Но вышел из домика пост, поманил меня пальцем»⁴². Похожий фрагмент встречаем в других воспоминаниях: «Я уже мог подниматься с постели, делать несколько шагов без посторонней помощи. И снова мысли о побеге овладели мной. Может быть, именно здесь я смогу их осуществить? Ведь я не в лагере, городская больница, наверное, не охраняется. Когда в палате, кроме больных, никого не было, я решил добраться до окна. Хватаясь руками за спинки коек, с трудом передвигая ноги, подошел к окну, заглянул во двор. За оградой из темного штaketника чернели мундиры полицаев: больница усиленно охранялась. Я вернулся и лег. Товарищ по койке посмотрел на меня понимающим взглядом, отвернулся к стене. Оказывается, не один я мечтал о свободе»⁴³.

Отметим, что побеги преподносились, как правило, в качестве идеологически мотивированных действий, хотя часто они были продиктованы осознанием гибельности условий содержания, угрозой голодной смерти. Например, Анатолий Деревенец вспоминал: «Я с каждым днем слабел, но чувство голода было как-то притуплено <...>. Ведь ясно, что ни селедка, ни горсть овса не спасут от медленного, но верного умирания. Было только одно спасение – бежать!»⁴⁴ О моральной стороне побега, то есть о том, что опасные последствия могут грозить проявляющим сочувствие конвоирам, начальникам работ, другим солагерникам и т. п., вопрос долгое время даже не ставился⁴⁵. Проявления обычной человеческой порядочности:

⁴⁰ Чиров Д. Т. Среди без вести пропавших: воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайк-сендорф: 1941–1945 гг. М., 2010. С. 166–167.

⁴¹ «...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад»: из воспоминаний бывшего военнопленного Н. П. Ундольского (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 1. С. 112, 116.

⁴² Васильев А. С. Указ. соч. С. 49. Пост – здесь: часовой, охранник (от *Posten*, нем.).

⁴³ Друзин И. Л. Клятву сдержали / Лит. обработка А. А. Костюченко. Минск, 1975. С. 46.

⁴⁴ Деревенец А. Сквозь две войны: записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага...: воспоминания советских военнопленных и остовцев / Сост. П. Полян, Н. Поболь. М., 2007. С. 169. О побегах из-за «нетерпимой жизни», стремления «любимыми средствами изменить обстановку» см.: Цыганков Д. С., Цыганков В. Д. Отец: дневник майора Красной Армии 7 октября 1941 г. – 12 сентября 1945 г. М., 2000. С. 46–47 и др. Подробнее об историографических спорах относительно форм и характера Сопротивления, содержания самого термина см.: Ерин М. Е., Хольный Г. А. Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне. 1941–1945 гг.). Ярославль, 2000. С. 81–88; Ерин М. Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 158–159.

⁴⁵ Обрысьба Н. И. Судьба ополченца. М., 2005. С. 170 и др.; Небольсин Д. А. Указ. соч. С. 105; Анель Ю. Указ. соч. С. 185–186. В. Решетников вспоминает о том, как им в лагере зачитали приказ о расстреле в случае побега кого-либо из военнопленных каждого десятого из оставшихся (Решетников В. Защитник своей Родины: реальная история 20-летнего парня.

сокрытие евреев, комиссаров, высших офицеров, выдававших себя за рядовых, – квалифицируются как опять-таки акт идеологического противостояния, что верно только отчасти. Преувеличение массовости сопротивления создавало искаженное представление об идейно-политической ориентации военнопленных, верности их советским идеалам; описания проявлений товарищеской взаимопомощи преобладали над картинами розни, конфликтов (в том числе и на национальной почве), воровства, доноительства, предательства, порожденных жесточайшей борьбой за выживание⁴⁶. Внутрilaгeрная меновая торговля, покупка тех или иных услуг явно не вписывались в привычно изображаемую картину, где царили сплоченность, солидарность, дружеская поддержка и взаимопомощь⁴⁷. «На эти сцены торговли нельзя было смотреть без жалости, отвращения и гнева», – читаем в изданных в 1963 г. воспоминаниях С. П. Сабурова, говорившего сокамернику, что нужно «прекратить эту позорную торговлю, повлиять на людей, разбудить в них чувство собственного достоинства»⁴⁸.

Освещение темы внутрilaгeрного сопротивления является весьма непростой проблемой. Участие в подпольной работе, как уже говорилось, представляло собой один из важнейших факторов, позволяющих добиться ослабления подозрительности и негативного отношения к оказавшимся в плену. Немецкие исследователи Р. Отто и Р. Келлер справедливо замечают, что, подчеркивая свое участие в Сопротивлении, бывшие военнопленные в ходе фильтрационной проверки органами НКВД стремились несколько улучшить отношение к себе. Характеризуя советскую мемуаристику, авторы пишут: «Сохранились многочисленные воспоминания военнослужащих Красной армии, особенно офицеров, которые сообщали, что пытались организовать Сопротивление в лагерях военнопленных и концлагерях. Однако во многих случаях эти свидетельства оказываются сильно преувеличенными»⁴⁹. Помимо намеренного преувеличения существовали и случаи самообмана. Логика проста: если провинившемуся перед лагерными властями пленному помогали, значит, была организация. Вот один из примеров. Ю. Д. Кузнецов вспоминает, как ему с товарищем, прибывшим в штрафной лагерь и не поставленным на довольствие, заключенные, пройдясь по баракам, собрали кусочки хлеба. И вслед за изложением этого эпизода автор делает обобщение: «Начиная с этого лагеря и до окончания своего пребывания в плену, в любых лагерях я чувствовал себя на каком-то особом положении. Дело в том, что окружающие очень заботились о беглецах и вообще о всех тех, кто открыто выступал против нацистского режима. Они помогали не только едой, но и старались скрыть беглеца от разъяренных немцев. Причем эта помощь была организованной. Значит, в каждом лагере, как и в этом, была своя подпольная организация. С руководителями ее мне познакомиться не пришлось, да в принципе и не пытался»⁵⁰. Для целей реабилитации использовался и прием демонстрации отказа от возможностей облегчить свою лагерную и послелагерную судьбу: встать на путь предательства или сотрудничества с лагерной администрацией, выполнять обязанности полицейского, переводчика, канцеляриста, работника пищеблока и проч.

Эпоха горбачевской гласности открыла новый этап в историографии военного плена, а 1995 г. значительно расширил возможности для издания целого ряда мемуарных повествований. Усилиями исследователей и публикаторов, по инициативе самих мемуаристов или их род-

2-е изд. М., 2005. С. 65). О похожем случае можно прочесть у Л. Волинского (см.: *Волинский Л.* Указ. соч. С. 138).

⁴⁶ По этому поводу Ю. Апель, в частности, пишет: «Доводилось мне читать, что в лагерях военнопленных были и действовали группы сопротивления, группы помощи ослабевшим. В лагерях, в которых пришлось побывать мне, таких групп или не было вовсе, или они на меня не обращали внимания» (*Апель Ю.* Указ. соч. С. 64).

⁴⁷ У некоторых авторов, публиковавшихся в хрущевский период, все же встречаются описания лагерных базаров, но с характерной оговоркой о том, что они «пришлись фашистам не по душе», призванной придать этому явлению оттенок непокорности. См.: *Голубков С. А.* Указ. соч. С. 167–168.

⁴⁸ *Сабуров С. П.* Указ. соч. С. 36.

⁴⁹ *Отто Р., Келлер Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Пер. с нем. М., 2020. С. 239. См. также с. 18, 263.

⁵⁰ *Кузнецов Ю. Д.* Без вести пропавший. М., 2005. С. 122.

ственников многое из того, что лежало на архивных полках, хранилось в музейных собраниях и домашних архивах, пришло, наконец, к читателю (см. Приложение на с. 373–374). Правда, как правило, без подробных вводных статей, источниковедческих и археографических комментариев. С уходом из жизни многих лиц, побывавших в плену, поток мемуаров на эту тему постепенно ослабевал и почти иссяк. Рассчитывать можно только на счастливые случайные находки и издание в полном объеме текстов, ранее опубликованных лишь во фрагментах или сильно искаженных правкой, купюрами и проч. в процессе редакторской работы.

Одна из «привилегий» профессии историка заключается в том, что она порой дает возможность ее обладателю испытать чувство удовлетворения от возвращения к жизни того, что, казалось бы, навсегда выброшено на помойку Истории. И это относится отнюдь не только к археологам, для которых мусорная яма древнего поселения – желанная находка, но и к историкам Новейшего времени, способным обнаружить любопытные письменные свидетельства, судьба которых, казалось бы, обрекала их на полное забвение. Историк-исследователь зачастую отнюдь не пассивно пользуется предоставленными в его распоряжение историческими источниками, формируя источниковую базу, но иногда самостоятельно, нередко неожиданно открывает их для себя, делая доступными как для специалистов, так и для широкой публики.

Характеризуя богатство фондов Государственного исторического музея (ГИМ), его руководители в свое время не случайно придумали для издаваемых сборников «Забелинских научных чтений» подзаголовок: «Исторический музей – *энциклопедия (!)* отечественной истории и культуры» (курсив и восклицательный знак мои). В разговорах же между собой музейные сотрудники иногда выражают ту же мысль, но не столь академично. Работая над новой выставкой в отделах хранения и неожиданно в своих поисках обнаруживая ранее не известный никому из коллег экспонат, они с удивлением, смешанным с гордостью, восклицают: «В ГИМе есть всё!» Так случилось и с темой, связанной с судьбами советских военнопленных, которая до середины 1990-х гг. не являлась предметом специального изучения и не включалась в планы комплектования музейных коллекций. Но сегодня в собраниях Отдела письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ) хранятся два обширных, информативно ценных мемуарных повествования, написанных бывшими советскими военнопленными. Воспоминания одного из них – Ф. И. Чумакова, военврача, путь которого в немецкую неволю начался в августе 1942 г., готовятся к изданию. Здесь же мы дадим слово второму свидетелю печальных событий минувшей войны...

Мемуары Георгия Николаевича Сатирова (1904–1981) были переданы на хранение в ГИМ его племянницей Элеонорой Сергеевной Никольской в декабре 1994 г. при посредничестве ведущего сотрудника отдела картографии кандидата исторических наук А. К. Зайцева. К тексту приложена составленная ею биографическая справка об авторе на трех машинописных листах, датированная 6 апреля 1993 г.⁵¹ В музейные фонды поступили и некоторые личные документы Г. Н. Сатирова (военный билет офицера запаса и др.). Позднее, в 2005 г. этот небольшой архивный комплекс был дополнен еще 40 предметами (часть которых была принята в научно-вспомогательный фонд). Все материалы сегодня находятся в необработанной части фонда 459 ОПИ ГИМ.

Согласно имеющимся документальным сведениям (включая автобиографические детали, которые содержатся в воспоминаниях) можно восстановить основные вехи биографии мемуариста.

Георгий Николаевич Сатиров родился 2 мая 1904 г. в семье священника в г. Геокчае (Азербайджан)⁵². По национальности он грек-цалкинец. Его предки были когда-то вывезены

⁵¹ Никольская Э. С. Сатиров Георгий Николаевич (1904–1981) // ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 1–3.

⁵² По сведениям из удостоверения офицера запаса – в г. Варгенис Ардаганского округа Карсской области.

из завоеванной Греции в Турцию, где стали заниматься медеплавильным ремеслом. Со временем они забыли родной язык, но сохранили православную веру. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. потомки греков помогали русским войскам, за что впоследствии Николай I предоставил им для жительства земли в высокогорной части Грузии. Так образовалось греческое поселение Цалка. Любопытно, что фамилия, доставшаяся мемуаристу от отца, писалась через *о* – Сотиров (от Сотириди – Спаситель). Но при выписке каких-то документов была допущена ошибка. Так вместо *о* в фамилии появилась буква *а*. Молодому человеку эта забавная ошибка понравилась, и он не стал настаивать на ее исправлении.

Отец мемуариста окончил Тифлисскую семинарию и получил приход в г. Геокчае. Во время Первой мировой войны его направили на фронт. Опасаясь межэтнических конфликтов, жена и шестеро детей переехали на Северный Кавказ, в г. Георгиевск. В 14-летнем возрасте Георгий остался без матери, которая во время Гражданской войны умерла от холеры.

Окончив реальное училище, он мечтал о профессии горного инженера, однако социальное происхождение помешало этому. «С ранних лет, – утверждает Э. С. Никольская, – самым дорогим для Г. Н. была книга»⁵³. Он занимался самообразованием, много читал, изучал древние и новые языки, штудировал книги древнегреческих и немецких философов. В одном из писем отцу 12 декабря 1938 г. Георгий Николаевич писал: «Я не нахожу никакого удовлетворения в сытой, обеспеченной, но безынтеллектуальной, растительной жизни. Поэтому меня нисколько не страшит смерть под забором, только бы с книгой в руках»⁵⁴.

Вместе с тем он совершенствовал себя и физически: закалял тело, вырабатывал выносливость. В тексте воспоминаний есть такой пассаж: «Помню, во дни юности мне приходилось часто голодать. Моя студенческая жизнь была перенасыщена голодовками. В те годы я ел три, а иногда два раза в неделю. Голодал я и позже, но уже, правда, с целью закаливания. Однажды, это было в Свердловске в 1932 году, я в течение 10 суток ничего не ел и не пил. Перенес голодовку легко, на ногах, не бросая работы на Верх-Исетском заводе, куда каждый день ходил пешком из центра города» (с. 74)⁵⁵.

В 1922 г. Сатиров переехал в Москву и поступил в Институт физической культуры, который и окончил в 1926 г. Но постоянно пополняемые знания в области литературы, истории, философии позволили ему одновременно экстерном сдать госэкзамены на педфаке 2-го МГУ (очевидно, по программе литературно-лингвистического отделения). В конце 1926 г. он был призван на военную службу, проходил курсы одногодичников при 82-м стрелковом полку 28-й Горской дивизии, с 1927 по 1929 г. преподавал литературу в школах Москвы и подмосковного Воскресенска, с 1929 по 1931 г. – на рабфаке Дальневосточного университета. До 1934 г. он успел поработать методистом культотдела, инструктором физкультуры и проч. В 1934 г. Сатиров переехал в Крым. До 1938 г. он занимался экскурсионно-туристической работой в Гурзуфском санатории РККА⁵⁶, много путешествовал, исследуя природу и памятники истории полуострова, затем увлекся пушкинской темой. Ему представлялось интересным все, что было связано с пребыванием поэта на Крымской земле. По его инициативе в Гурзуфе был открыт дом-музей А. С. Пушкина, в котором мемуарист с 8 апреля 1939 г. работал научным руководителем. В № 7 журнала «Крокодил» за 1938 г. (с. 14) опубликовано письмо Сатирова по поводу происходившей ведомственной борьбы, связанной с открытием музея. В альбоме «Артек» (М.: Медгиз, 1940), вышедшем к 15-летию детского лагеря, можно увидеть фотографию «Экскурсанты в Пушкинском музее», на которой Георгий Николаевич запечатлен со школьной группой.

⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁵⁴ Копия письма – ГИМ 111581, НВ 6660/1.

⁵⁵ Здесь и далее ссылки на страницы настоящего издания.

⁵⁶ В письме родственникам в Москву от 10 октября 1938 г. он сообщает о своем уходе из санатория и поступлении на работу в Госкурорт (см.: ГИМ 111581/7).

В нескольких сохранившихся письмах Сатирова предвоенной поры содержатся интересные биографические детали, описание продовольственных трудностей и иные подробности быта⁵⁷. В одном из них, отправленном родственникам в Москву 12 ноября 1938 г., Георгий Николаевич рассказал о намерении поступить на исторический факультет МГУ или ЛГУ, куда направил запросы, но получил ответ лишь из Ленинграда. «Видно, в Ленинграде более любезная и приветливая публика», – выносит он свое заключение⁵⁸.

Война застает его в Гурзуфе. 3 сентября 1941 г. он пишет сестре в Пятигорск: «Через несколько дней обещают взять в армию <...>. Неудобно как-то сидеть в тылу в такой момент»⁵⁹. Будучи младшим лейтенантом запаса, он еще в июле 1941 г. записался в Ялтинскую бригаду народного ополчения и получил назначение на должность адъютанта старшего (начальника штаба) батальона. «Я руковожу Всевобучем⁶⁰ и команду батальоном народного ополчения», – сообщает он в почтовой открытке племяннице Элеоноре в Пятигорск 23 октября 1941 г.⁶¹ При прорыве в Крым наступающих немецких войск в конце октября 1941 г. ополченцы в районе Ялты попали в окружение, и 9 ноября 1941 г. Сатиров раненым был захвачен в плен⁶². До 26 марта 1945 г. он находился в лагерях для советских военнопленных в Германии, несколько раз пытался бежать. После освобождения войсками союзников и перемещения в советскую зону оккупации, пройдя спецпроверку при 1-й запасной стрелковой дивизии, приказом по Смоленскому военному округу № 0331 от 15 декабря 1945 г. Сатиров был восстановлен в воинском звании младший лейтенант, а на основании следующего приказа № 0332 в тот же день уволен в запас.

Учитывая, что близких в Крыму не осталось, Георгий Николаевич решил поселиться у родственников в Москве. Состояние его здоровья, очевидно, не оставляло иного выбора. В последний период пребывания в одном из германских лагерей Сатиров был сброшен охранником в шахту и только чудом остался жив. К счастью, искусство пленного хирурга-чеха, сумевшего справиться с серьезнейшей черепно-мозговой травмой, возвратило его к жизни. Для этого врачам потребовалось восстановить утраченную костную ткань черепа площадью 10–15 кв. см⁶³.

15 июля 1945 г. из Германии пришла в Москву открытка Сатирова – первая за четыре года войны. В ней он, обращаясь к родным, писал: «Четыре долгих и страшных года прошло с тех пор, как мы расстались. Едва ли Вы считали меня в числе живых, да и сам я не верил в свою звезду. Вижу, что ошибся: я в рядах баловней судьбы. Итак, спешу сообщить. Я жив и почти невредим. Надеюсь скоро свидеться и рассказать обо всем, что пережил...»⁶⁴.

Первый год после возвращения из Германии он не мог работать и жил на пенсию по инвалидности, раз в три месяца подтверждая ее во ВТЭК. Клеймо бывшего военнопленного препятствовало трудоустройству на работу в области литературоведения. Только в 1958 г. ему

⁵⁷ Их обзор предпринят в публикации старшего научного сотрудника Музея А. С. Пушкина в Гурзуфе А. В. Вертелы: *Вертела А. В. Гурзуф довоенный глазами Георгия Николаевича Сатирова (по письмам к родным) // «Приду ли вновь, поклонник муз и мира...»: А. С. Пушкин и Крым. СПб.; Гурзуф, 2008. С. 145–149.*

⁵⁸ ГИМ 111581/8.

⁵⁹ ГИМ 111581/10.

⁶⁰ По постановлению Государственного комитета обороны № ГКО-690 от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», вступившему в силу 1 октября 1941 г., была введена обязательная 110-часовая военная подготовка без отрыва от работы для граждан мужского пола от 16 до 50 лет.

⁶¹ ГИМ 111581/11.

⁶² Архивная справка Центрального архива Министерства обороны РФ № 11/13688 от 21 февраля 2001 г. (архив публикатора); в военном билете есть запись о ранении в правую руку и левую ногу. Отметим, что сам Сатиров пишет в мемуарах о ранении и пленении не под Ялтой, а под Севастополем (с. 50).

⁶³ Сам автор упоминает о врачебном осмотре на советской территории, на котором врач определил, что «костный дефект черепа» составил 13 × 9 см (с. 308).

⁶⁴ ГИМ 111581/12.

удалось устроиться на должность заместителя главного редактора журнала «Физическая культура в школе». Сатиров публиковал статьи, участвовал в составе коллектива авторов в написании учебника для факультетов физического воспитания педагогических вузов «Теория и методика гимнастики» (М., 1971) и проч. Выйдя в 1970 г. на пенсию и оставив работу, он продолжал свои литературные занятия дома. Тяжелая болезнь, с которой он мужественно боролся, не прекращая трудиться почти до самых последних дней, привела к уходу из жизни 20 ноября 1981 г.

Близким и окружающим Сатиров запомнился как очень добрый, очень нежный и ласковый человек, одновременно сильный и мужественный. Он был эрудированным, умным и интересным собеседником, общение с которым доставляло неподдельное удовольствие. Георгий Николаевич «много мог рассказать о событиях, в гуще которых всегда старался быть, начиная с первых дней революции и кончая последними годами его жизни, – вспоминает Э. С. Никольская. – Он слышал всех поэтов 20-х годов, ценил Мейерхольда, очень любил Блока, лично видел и слышал всех наших государственных и общественных деятелей <...>. Обо всем у него было собственное суждение, всегда не лишенное логики и объективности»⁶⁵. Не случайно в плену некоторые немцы принимали его за профессора.

Г. Н. Сатиров оставил после себя датированный 1947 г. труд «Систематика физического воспитания и педагогическая классификация физических упражнений», а также книгу для учителей и родителей о физической культуре, физическом воспитании и образовании, которые не были изданы. Автор был человеком совершенно «непробивным» и беспомощным по части устройства своих личных дел.

Мемуары о годах, проведенных в Германии, Сатиров, по утверждению его племянницы, начал писать вскоре после возвращения из плена. Не рассчитывая на то, что они могут быть в ближайшем будущем опубликованы, он не стремился в своем изложении увиденного и пережитого держаться в рамках цензурных требований. Работая над текстом много лет, Сатиров добивался литературного совершенства мемуаров. Будучи человеком исключительной требовательности к себе, он в конце концов счел, что все написанное им слишком далеко от идеала, и уничтожил рукопись. Но первоначальный вариант текста по счастливой случайности все же сохранился.

Вся эта история, по устным воспоминаниям Э. С. Никольской (13 мая 2001 г.), выглядит следующим образом. Сатиров проживал в одной квартире с племянницей до тех пор, пока не возникла необходимость ухаживать за пожилым близким родственником. Решено было отселить Георгия Николаевича в отдельную квартиру. Подготовка к переезду и связанные с этим сборы, как водится, сопровождались суетой. В один из моментов Э. С. Никольская увидела, что на полу валяется рассыпанная рукопись воспоминаний о плене. Опасаясь, что Сатиров может ее уничтожить, она подобрала ее и припрятала. Это был, по ее утверждению, первый вариант воспоминаний, подвергшийся позднейшим переработкам (в тексте появились отсутствовавшие ранее чертежи и проч.). С новыми редакциями мемуаров Г. Н. Сатиров знакомил Э. С. Никольскую у себя на квартире. Текст хранился в отдельной папке. Когда же после смерти автора она нашла и открыла эту папку, в ней лежали другие материалы, искомой же рукописи она так и не обнаружила.

Сохранившийся экземпляр Элеонора Сергеевна в декабре 1994 г. передала на хранение в ГИМ (вариант № 1), предварительно сделав с него машинописные копии. В архиве публикатора имеется сканированный текст перепечатки (вариант № 2), полученной от Э. С. Никольской. Очевидно, один из экземпляров, как упоминалось выше, и был передан в Гурзуф⁶⁶. Фрагмент воспоминаний был в 2004 г. опубликован⁶⁷.

⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 3.

⁶⁶ В беседе с сотрудницей Музея А. С. Пушкина в Гурзуфе Д. М. Биньковской 26 августа 2022 г. выяснилось, что

Воспоминания охватывают события с лета 1942 г. до момента отъезда в СССР из Франкфурта-на-Одере в конце августа 1945 г. В тексте варианта № 1 имеются годовые хронологические разграничения: 1943, 1944, 1945, более подробные хронологические ориентиры отсутствуют, но частично восстанавливаются по упоминаемым событиям. Более подробная датировка появляется только в конце повествования, рассказывающего о последних днях пребывания в плену и репатриации. Не исключено, что автор мог вести в последние месяцы плена и после освобождения дневниковые записи (в тексте при изложении событий иногда встречаются слова «сегодня», «вчера», «третьего дня»).

На первом листе, который отличается от остальных сортом бумаги, имеется надпись: «Сатиров Г. Н. Райш. 1946–1950 г.». Автор использовал в названии транскрипцию гессенского диалекта, характерного для произношения тех немцев, с которыми он продолжительное время общался, находясь в рабочей команде в г. Дармштадте. Объяснения особенностей этого диалекта автор подробно дает в тексте рукописи. Публикатор посчитал допустимым, оставляя авторскую транскрипцию в тексте произведения, в названии все же дать привычное «Рейх» с тем, чтобы потенциальные читатели не затрудняли себя решением загадки при взгляде на обложку книги на магазинной полке. С этой же целью название дополнено подзаголовком.

Воспоминания беллетризованы, в них встречаются отдельные лирические отступления, эссе, иногда прямая речь передает диалоги, которые автор явно не мог слышать⁶⁸. Это дает основание рассматривать текст и как мемуарное повествование, и как произведение документальной прозы, написанное хорошим литературным слогом, порой весьма образным и метафоричным.

Одна из особенностей изложения Сатирова – передача речи персонажей на языке оригинала (латиницей или в транскрипции кириллицей (с последующим переводом⁶⁹)). При этом автор весьма искусно передает языковое своеобразие лагерной среды. Историк А. В. Конопатченков применительно к другому типу лагерей – концентрационных – справедливо отмечает появление таких лингвистических конструкций, в которых для общения между узниками различных национальностей используются слова и выражения из разных языков – немецкого, испанского, русского, итальянского, польского⁷⁰.

Мемуарист – музейный работник, преподаватель и лектор (о чем лишний раз свидетельствуют многочисленные цитаты, ссылки, сравнения, употребления сложных понятий, оставленных без комментариев в расчете на эрудицию читателя), владел немецким, французским, некоторыми восточными языками. Отсюда большой круг общения в многонациональной лагерной среде, более обширная и разносторонняя информация. Он пересказывает содержание статей из немецких газет, агитматериалов, американских листовок на немецком языке, публикаций из французского журнала для военнопленных и проч. Очень любопытны описания немецких рабочих, мастеров, инженеров, охранников, медсестер, с которыми он имел возмож-

---

текст мемуаров Г. Н. Сатирова в музейных фондах отсутствует. Поскольку музей до 1999 г. был филиалом Ялтинского историко-литературного музея, мемуары могли быть отправлены туда.

⁶⁷ «Русский человек и перед лицом смерти не пасует»: из воспоминаний военнопленного Г. Н. Сатирова / Подгот. текста, вводная статья и коммент. М. Г. Николаева // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 58–92. См. также: Николаев М. Г. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. (по воспоминаниям Г. Н. Сатирова) // Труды Государственного исторического музея. М., 2004. Вып. 143. С. 209–224.

⁶⁸ См., например, с. 199. Иногда погоня за литературной образностью, очевидно, увлекает мемуариста, нанося ущерб достоверности в передаваемых деталях. Так, описывая свой путь в здание дармштадтского гестапо, когда по дороге конвоир жаловался ему на превратности судьбы, автор пишет: «Так в лунную летнюю ночь исповедовался передо мной Тайный. И хотя мистическая цитра его мятушейся души стенала и рыдала, он не отводил дула револьвера от моего затылка» (с. 230). Такие замечания, конечно, не следует воспринимать буквально.

⁶⁹ В своем автобиографическом романе С. П. Злобин также часто передает немецкую речь на языке оригинала, причем иногда, как и Г. Н. Сатиров, ссылаясь на особенности диалекта (в его случае – саксонского), сохраняет отличающиеся от литературного немецкого языка особенности произношения. См.: Злобин С. П. Пропащие без вести. Кн. 1. С. 678.

⁷⁰ Конопатченков А. В. Концлагерь Маутхаузен 1938–1945. М., 2015. С. 53.

ность достаточно откровенно беседовать, а также соллагерников, включая иностранцев (французов, голландцев, поляков и др.).

Название, выбранное автором, свидетельствует о том, что главный акцент его повествования смещен в сторону раскрытия и показа сущности нацистского режима. На примере судебных военнопленных, остарбайтеров, немецкого окружения он разъясняет предполагаемому читателю, «каков этот расчудесный Райш». Можно только предполагать, что, весьма вероятно, за этим стоит желание облегчить возможность публикации своего труда, затрагивающего запретную тему плена. Написанное Сатириным относится к той группе мемуаров доперестроечного времени, которые не прошли через сито советской цензуры. И если они и обнаруживают в себе самоцензурные ограничения, то в гораздо большей мере содержат информацию, не вписывающуюся в нормы политиздатовской и воениздатовской литературы.

По степени достоверности они близки мемуарам, авторы которых хорошо понимали, что их тексты не отвечают привычным канонам. Так, Ф. И. Чумаков в предисловии к своим воспоминаниям (1989), фрагмент которых был опубликован на страницах «Отечественных архивов»⁷¹, писал: «В моих мемуарах нет “лакировки действительности”, как нет и “социалистического реализма”, что приводит к диссонансу по отношению ко многим произведениям о войне и плене, особенно плене»⁷². Другой мемуарист – Б. Н. Соколов – также считал нужным предупредить читателя: «В этой повести для себя я старался держаться истины. Поэтому как о народе, так и о себе я говорю не только хорошее. Это не так просто. Насколько мне известно, так обычно не пишут»⁷³.

Одно из самых ценных качеств Сатирова как мемуариста – способность в условиях жесткого военного противостояния не руководствоваться в оценке людей и явлений категориями «свой» – «чужой», умение критически относиться ко всему, что попадает в поле внимания, вне зависимости от общепринятых установок, честность и мужество в описании некоторых случаев поведения соотечественников, неприглядных черт национального характера (с. 198, 281–282).

К немцам и их порядкам он способен относиться непредвзято. Так, рисуя обстановку на фабрике «Дунлоп», ранее принадлежавшей английской фирме, но позже национализированной, он описывает идеальную чистоту производственных помещений, механизацию, электрификацию и автоматизацию производственных процессов, наличие для рабочих раздевалок, шкафчиков, душа и заканчивает признанием: «Да, ничего не скажешь: в этом отношении есть чему поучиться у немцев» (с. 223). Перемещаясь пешим порядком по дорогам Германии в советской оккупационной зоне, он не может скрыть своего восхищения: «Что за диво эта немецкая автострада! Ей-богу, трудно даже представить что-нибудь более совершенное» (с. 303).

Еще ранее, попав в госпиталь, где медсестры-немки ухаживали как за военнопленными, так и за немецкими солдатами, автор делится в отношении них следующим наблюдением: «Я не могу сказать дурного слова о наших медсестрах. Особенно нравится мне одна хорошая черта, присущая всем им: у них нет любимчиков. Одинаково добросовестно и пунктуально обслуживают они всех и каждого из раненых пленяг, независимо от цвета их глаз. Как это ни странно, нам они уделяет не меньше внимания, чем немцам» (с. 262).

Э. С. Никольская характеризует мировоззрение Сатирова следующим образом: «Г. Н. был настоящим патриотом своей Родины. Родиной он считал Россию – Россию в дореволюци-

⁷¹ Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 67–88.

⁷² Чумаков Ф. И. Война и плен. Машинопись. 1989 // ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. Предисловие. [Страница не пронумерована.]

⁷³ Соколов Б. Н. Указ. соч. С. 8. Воспоминания, написанные, очевидно, в середине 1970-х гг. (см. с. 222), к сожалению, изданы без полноценного источниковедческого комментария. При отсутствии декларируемого противопоставления, но по сути непривычно откровенно для своего времени написаны в 1981–1982 гг. воспоминания Н. П. Ундольского, создававшего их для родственного круга (см.: «...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад»).

онных границах, которая стала Советским Союзом. Он не принимал сталинский режим, объективно оценивал все хорошее и плохое, происходящее в стране»⁷⁴. Заметим, что в составе небольшого комплекса документов из его архива, поступившего в ГИМ, содержатся такие материалы, распространяемые в самиздате, как текст песни «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...», статья Аугусто Панкальди, опубликованная в итальянской газете «Унита» 19 января 1963 г. и посвященная обзору положения советского изобразительного искусства после посещения Н. С. Хрущевым выставки «XXX лет МОСХа» в Манеже 1 декабря 1962 г., письмо Л. И. Брежневу, подписанное группой деятелей науки и искусства, встревоженных слухами о готовящейся реабилитации Сталина на XXIII съезде КПСС (14 февраля 1966 г.), «Открытое письмо» Ф. Ф. Раскольникову И. В. Сталину от 17 августа 1939 г. и др. Вместе с ними – малодоступная литература: сброшюрованная кустарным способом подборка журнальных вырезок и отдельные газетные страницы со стихотворениями Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Зенкевича, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Брюсова, И. Бунина, А. Крученых, В. Хлебникова, В. Каменского, И. Северянина, Т. Готье, Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо и т. п.

Г. Н. Сатиров, конечно же, не предстает в воспоминаниях критиком сложившегося к началу войны общественно-политического строя (в тексте мемуаров, повторяю, легко можно обнаружить, наряду с возможно искренней симпатией идеалам Октября 1917 г., проявления самоцензуры), и тем не менее тот уровень правды, который содержится в его изложении, фактически ставит его в оппозицию к сталинской системе. Ну вот хотя бы такая картинка периода, предшествующего плену, которую рисует автор: «Нет, не забыть мне трагической маски солдата, отступавшего с нами на Севастополь. Помню, как подрался он с двумя матросами и как помирился с ними, как обнимались они втроем и плакали навзрыд, без конца повторяя все одну и ту же фразу:

– Продали нас, братки, продали. Продали нас Сталин, продали генералы и комиссары. Никому-то мы не нужны: все отступились от нас, все покинули нас. И остались мы одни: без генералов и комиссаров, без командиров и политруков, без танков и самолетов, без пушек и патронов. Продали нас, братки, продали.

Этот плач разносился над берегом, сливаясь с элегическим рокотом волн. Это горе не залить вином, шумными потоками низвергавшимся в те дни в черное-черное море.

Потом кончился драп и началась фаза окружения. И снова тот же лейтмотив прозвучал над морем: “Продали нас, братки, продали”. Но он звучит глуше, потому что боль сильнее.

И вот, наконец, третья фаза: пленение и рабство. И опять этот плач, перешедший потом в тихий стон бессловесных животных (ибо плен лишил нас почти всего человеческого).

Нет, не забыть тех трагических дней. Воистину, это была трагедия, то есть песнь о козлах, влекомых в Райш на заклятие» (с. 132)⁷⁵. Не поостерегся автор привести в тексте

⁷⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 459. Ед. хр. 2. Л. 2.

⁷⁵ Ср. с позицией С. Злобина, который подобные стенания постарался объяснить стремлением попавших в плен снять с себя личную ответственность за случившееся: «Пленник не хочет взять на себя вину за то, что он не сумел защищать родину. Ему необходимо как воздух найти объяснение вне себя. И как ответ на мучительные поиски этого объяснения кем-то недобрым снова посеяны были слова “измена”, “продажа”» (Злобин С. П. Пропавшие без вести. Т. 1. С. 349). Для полноты картины приведем здесь и дневниковую запись И. Г. Генова (1896–1970), заведующего орготделом Крымского ЦИК, во время войны – командира второго района партизанских отрядов Крыма, члена подпольного обкома партии. Размещенная в интернете его рукопись отличается от опубликованного в советское время текста (Генов И. Г. Четыре времени года (дневник партизана). М., Воениздат, 1969). Вот не вошедший в книгу фрагмент про отступление нашей армии в 1941 г. в Крыму: «3–XI—41. Никогда не забуду отступление наших войск в эти дни. (Если беспорядочное бегство [вообще] можно назвать отступлением) [нрзб] из-за отсутствия бензина по дороге стоят десятки брошенных автомашин, брошенных искалеченных лошадей, разбитых повозок брошенных с кручи в овраг пушек и полевые кухни. Мимо все время идут в разброд группами и в одиночку, грязные, оборванные, обросшие, измученные, уставшие и обозленные солдаты. Все [они] идут еле ноги волочат и никого из них никакого военственного вида идут не как солдаты, а как колхозники после работы. Каждый думает только о своем собственном благополучии, им кажется, что действительный секрет спасения от опасности – это спешить и они спешат: одни на Керчь, а другие на Севастополь. Вот неделю, как я наблюдаю за этим позорным зрелищем, и до сих пор я ни разу не видел, нигде не видел старших офице[р]ов, а тем боле генералов их как будто в армии у нас не было и нет. Одни только лейтенанты да капитаны,

мемуаров и один из типичных образчиков скудоумия, свойственного иным политработникам, выставив обладателей этой военной профессии в довольно непривлекательном виде (с. 315). Явную оппозицию он составляет подозрительности и жестокосердию в отношении репатриантов, когда вспоминает: «В пути потеряли шестерых. Нет, они не убежали, не дезертировали. Они ушли из жизни навсегда: двое утопилось, двое повесилось, один отравился, один перерезал себе горло бритвой. Когда старшему лейтенанту, командовавшему нашим батальоном, сообщили о шести самоубийцах, он сказал, не задумываясь: “Собакам – собачья смерть. Раз покончил с собой, значит, виноват перед Родиной. Туда им дорога!” Но старший лейтенант – невежда: он не знает психологии, не понимает и не хочет понять, что творится в душе бывшего пленяги, пережившего ужасы Райша и бредущего сейчас к пенатам своим. Нет, закоренелый негодяй, подлый изменник и предатель, всякого рода продажная тварь цепко держится за жизнь. Человек, лишенный моральных устоев, никогда не решится учинить над собой насильственную смерть. Легко расстанутся с жизнью только невинные души, чувствительные натуры, идейные люди. Именно такими и были эти шестеро, покинувшие нас в пути» (с. 305). Не умалчивает Сатиров и о таком характерном феномене, как нежелание большинства репатриантов после освобождения спешить сообщать о себе родным, что вызывалось боязнью их расстроить, если вдруг волею судьбы они последуют в направлении Колымы (с. 318).

Не скрывает он и случаев проявления отнюдь не патриотичного отношения к пленным со стороны местного населения в первые месяцы войны: «Нахватавшие всякого советского добра колхозники издевательски кричали вслед нам: “Что, навоевались, сталинские иксососы? С голоду теперь подыхаете? Так пусть вас Сталин кормит!”» (с. 188). Наряду с комплиментами национальному характеру Сатиров имеет мужество высказать и горькие критические суждения в отношении соотечественников (с. 198), упоминает о случаях национальной вражды в среде военнопленных, оскорбительного отношения русских к представителям нацменьшинств. В тексте встречаются факты, не только иллюстрирующие взаимопомощь лагерников, но и свидетельствующие об острых конфликтах на бытовой почве. Все это также не соответствовало общепринятым канонам.

В период послевоенной кампании борьбы с «космополитизмом» автор безбоязненно пишет о сердечности швейцарских пограничников, пытавшихся препятствовать выдаче беглецов-военнопленных немецким властям, с симпатией отзывается об американских солдатах, с которыми сталкивался в зоне оккупации Германии. Упоминает о возникших на исходе войны сильных проамериканских и антиколхозных настроениях главным образом у пленных украинцев из села, осуждает так называемый «квасной патриотизм» (с. 175, 292, 237, 317).

К фрагментам, к которым могли быть предъявлены самые жесткие цензурные требования, относится и описание «свободной, легкой, веселой, гульливой» жизни советских военнопленных в период после освобождения и до репатриации. В этой связи абсолютно цензурно непроходимыми представляются рассказы о случаях уступки и даже продажи репатриантами сожительствующим с ними русских девушек американским солдатам и о сочувственном отношении слушателей этих рассказов к персонажам, совершившим эти «торговые сделки» (с. 320). Не менее «колоритны» и другие непубликабельные эпизоды. Данная часть воспоминаний заслуживает особого внимания. Весьма симптоматично, что самый большой фрагмент – 23 страницы отсутствующего (утраченного) текста – относится к изложению событий данного периода. Без всякого сомнения, это досадная и невосполнимая, увы, потеря. Но даже то, что

вот кого солдаты видят возле себя. Этим видимо и нужно объяснить ту их исключительную злобу, с какой солдаты провожают старших офицеров когда они [как угорелые] мчатся [мимо них] на своих “эмках”. Что может быть позорне[е] пьяного офицера. Пьянка приняла массовое распространение, а это главная [причина] ослабления дисциплины. Рыженко Гриша и Коновалов Сергей мне рассказывают, как они сегодня доставали у солдат оружие. За одну флягу вина – винтовку, за флягу спирта – автомат. Таким образом они набрали десятки винтовок и несколько автоматов. Если солдат [а тем более [нрзб]] пропивает свое оружие это уже не солдат!! Коновалов говорит “Хорошо, что бегут, а не остаются и в плен не здаются. А то что бегут это ничего: побегут, побегут, да где небудь остановятся!”» (https://vk.com/wall-194495149_355) (дата обращения 25.08.2022).

уцелело, в известной мере заполняет лакуны, оставленные многими мемуаристами, предпочитавшими не слишком откровенничать и обходить стороной щекотливые темы.

Вместе с тем у автора встречаются и такие пассажи: «В нашем русском бараке настроение в общем хорошее. Ребята мигом раздолбают всякого пленягу, в словах которого почуют хоть легкий привкус антисоветчины» (с. 105). Однако, сообщая о случае согласия одного из военнопленных, вошедшего в доверие к гестаповскому начальству, получить статус фольксдойча, Сатиров не изображает отношение к такому поступку как всеобщее безоговорочное осуждение. Авторская фразеологическая конструкция предполагает, что мнения разделились приблизительно поровну (с. 198).

Мемуары содержат характерные для времени написания «оправдательные пассажи», связанные с вынужденной работой советских военнопленных в германской промышленности. Мотив «жизнь в плену хуже смерти» – также характерное проявление защитной реакции от государственного и общественного осуждения. Этот мотив, возможно, сказался и в передаваемом отношении к условиям лагерного содержания французских военнопленных, где сквозит некоторая доля пренебрежения, чуть ли не упрека, притом что они, безусловно занимая более высокую строчку в немецкой расовой «табели о рангах» и получая поддержку из дома и от Красного Креста, находились в привилегированном положении по сравнению с русскими пленными⁷⁶.

Саботаж и уклонения от работы на производстве описаны в таких сценах, которые заставляют усомниться в полной неспособности администрации наладить учет и контроль за трудовыми процессами. Иногда проявления либерализма со стороны лагерного начальства автор объясняет идеологической мотивацией (с. 93) и т. п. С другой стороны, мемуарист не обходит стороной тот факт, что после бомбежек и разрушений начальство госпиталя, где он находился на излечении, приняло решение разместить в одном помещении вместе с ранеными немецкими военнослужащими и их союзниками русских «пленяг» (с. 253). Отношение военнопленных к агитаторам РОА⁷⁷ также, очевидно, показано с несколько преувеличенной долей неприятия со стороны подавляющего большинства пленных. И это несмотря на то, что, действительно, процент тех, кто согласился вступить во «власовскую армию», был очень небольшим. Среди аргументов агитаторов отсутствуют действительные преступления сталинского режима, активно ими используемые, зато присутствуют легко разоблачаемые ложь и обман.

Автор иногда чуть-чуть «пересаливает» в демонстрации своей «советскости» (вне всякого сомнения искренней). Так, об открытии второго фронта он пишет: «У меня он вызывает двойственное чувство. С одной стороны, приятно и радостно: второй фронт приближает победу, уменьшает число жертв. С другой стороны, досадно, что не Советская армия перешагнет Рейн» (с. 223).

Текст не содержит того набора критических сентенций, который стал допустим в годы борьбы с культом личности, что свидетельствует в пользу того, что он писался до разоблачений преступлений сталинского режима на XX съезде КПСС (1956). Еще одно наблюдение. Вот как описывает автор гитлеровский режим: «Весь Райш усеян тюрьмами и каторжными концлагерями. В Немечине каждый шаг, любая мысль поставлены под контроль гештапо. Немец не может ни охнуть, ни вздохнуть без соизволения начальства. Слежка идет непрерывная: на заводе, на улице, в театре, в кино, в квартире, в поезде <...>. Явных и тайных полицаев “тьматмущая” <...> не говоря уже об огромном штате секретных агентов. Немец по улице-то идет

⁷⁶ Например: «Вообще, как посравнить да посмотреть положение французских и русских пленяг, – невольно приходит в голову мысль: разве наши милые “жабеды” – в плену, они – в раю... Ну чем не завидная жизнь у французского пленяги, если он, конечно, не штрафник?» (с. 220).

⁷⁷ Русская освободительная армия (РОА) – в расширительном толковании название вооруженных формирований, созданных из числа советских военнопленных и воевавших на стороне Германии и ее союзников в 1942–1944 гг.

содрогаясь и озираясь» (с. 195). Если бы автор писал эти строки после хрущевских разоблачений, он, очевидно, не мог не задуматься о том, что этот фрагмент будет воспринят как аллюзия.

Другой характерный эпизод. Мемуарист передает слова одного из своих сокамерников по штрафному лагерю в Ганау: «Лучше 10 лет в советском концлагере, чем полгода в Ганау». После этого сообщает, что вынесший такое заключение собеседник имел опыт пребывания в советском исправительно-трудовом лагере. Однако далее выясняется, что он получил свой десятилетний срок за убийство родственника, а за ударную работу освобожден лет через пять (с. 206). Оставляя открытым вопрос об обоснованности такого предпочтения при сравнении двух режимов, отметим то обстоятельство, что автор не находит возможным вспомнить о политических, а не уголовных сидельцах.

Встречаются строчки, в которых Сатиров с искренней симпатией вспоминает о Ленине, в то время как для «руководителя победоносной Красной армии» Сталина повода высказать аналогичные чувства не находится⁷⁸. В тех случаях, когда его имя все же упоминается, оно не сопровождается восторгами и славословиями. В одном из них автор употребляет по отношению к вождю ироническую «тителатуру» «наш родной отец» (с. 315), однако предметом этой иронии служит незадачливый политработник с его убогим лексиконом.

Если придерживаться версии о создании рукописи в 1946–1950 гг. (следы более поздних редакций не обнаруживаются)⁷⁹, то следует признать, что автор очень сильно удалился от тех канонов изображения минувших трагических событий, которые установились в официальной советской литературе в послевоенный период. Можно предположить, что процессы переосмысления недавнего исторического прошлого, начавшиеся после XX съезда КПСС, заставляли его испытывать неудовлетворение написанным. Отсюда, возможно, и постоянные переделки, о чем посчитала нужным упомянуть племянница.

Г. Н. Сатиров, убежденный гуманист и интернационалист, очевидно, в период плена симпатизировал и панславистской идее, которую он и его единомышленники обсуждали в своем кругу. Но более значимыми для понимания личности мемуариста являются не его идеологические и мировоззренческие установки, а избранная им моральная линия лагерного поведения, обнаруживаемая в конкретных делах и поступках.

В плену автор не по обязанности и не из расчета на весьма призрачное поощрение в трудно прогнозируемом будущем, а исключительно в силу искренних антифашистских убеждений воздействовал на умы и души соотечественников, поддерживал в слабых и колеблющихся веру в торжество дела борьбы с нацизмом. Не призывами и увещаниями, а собственным примером утверждал он идеалы справедливости и товарищеской солидарности против «волчьей морали», культ которой торжествовал в лагерной обстановке. Наблюдая жизнь в немецкой неволе, автор не скрывает неутешительных выводов (опять-таки не соответствующих пропагандистским установкам, проводником которых служила и советская проза). Г. Н. Сатиров при всей верности долгу, предпринимаемых побегах, уклонении от работы, а при случае и саботаже не пытается представить себя участником организованного Сопротивления, как это делали некоторые авторы, имея целью усилить реабилитирующие доводы для оправдания своего пребывания в плену. В его изложении кружок единомышленников хоть и ведет исподволь

⁷⁸ В одном из фрагментов автор допускает похвалу сталинскому заявлению о том, что «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» (с. 241). Однако трудно согласие с этим, безусловно, правильным соображением истолковать как приятие Г. Н. Сатириным сталинской политики.

⁷⁹ В пользу такой датировки свидетельствует, например, авторский перевод термина *Untermensch* и как «недочеловек», и как «подчеловек», когда, очевидно, в советской литературной традиции еще прочно не утвердился исключительно первый вариант. То же можно сказать и о нередко предпочитаемом термине *SS-ман* (или эсэсман) вместо привычного «эсэсовец» (с. 202, 203, 215, 218, 226, 227). О хронологии написания текста говорит также и использование термина «доходяка» вместо общепринятого «доходяга», часто встречавшегося в лагерной прозе хрущевского периода (при публикации слово «доходяка» заменено на «доходягу»).

обработку пленных в патриотическом духе, но не изображается как какая-то организационная структура чуть ли не с уставом и правилами.

Весьма показательна для Сатирова реакция на увиденную в пути в период возвращения на родину толпу немцев, изгнанных поляками из Силезии. Вспоминая слова оскорбленной осенью 1941 г. насмешками двух молодых немецких солдат русской женщины, которая предсказала, что ее судьбу – голодной и скитающейся с малыми детьми – скоро разделят и немецкие женщины, мемуарист замечает: «И все-таки мне почему-то невесело от того, что исполнилось пророчество женщины из Ангары» (с. 323).

Подобная позиция позволяет нам гордиться подлинным величием духа, которое проявилось в мыслях и поступках таких наших соотечественников, как Г. Н. Сатиров, в обстановке, когда многие в своих действиях руководствовались своеобразно понятым «правом войны».

Мемуары Г. Н. Сатирова дают весьма богатый материал для тех, кто изучает проблемы, связанные с жизнью и бытом советских военнопленных в Германии. Особенно ценны зарисовки, характеризующие духовные помыслы, идеологические и нравственные ориентиры, определявшие их лагерное поведение. Представляет интерес и послевоенное осмысление феномена режима нацистской Германии, предпринятое русским интеллигентом не по заказу, а самостоятельно, по внутреннему побуждению, без использования идеологических штампов, на основании своего личного опыта.

М. Г. Николаев

РЕЙХ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМЕЦКОМ ПЛЕНЕ (1942–1945)

ГОД 1942

[Первые семь страниц текста отсутствуют, восьмая, очевидно, продолжает описание пребывания автора в рабочей команде на фабрике МАД (г. Дармштадт), выпускавшей оборудование для пивоваренной промышленности.]

...жженым желудем). С 12-00 до 12-30-миттаг⁸⁰ (0,75 литра баланды, состоящей из воды, соли и прогнившей сушеной капусты). После 18-00 ужин (та же баланда). В 20-00 тагшишт⁸¹ загоняется в сарай-барак и запирается на замок до утра.

Крадучись и озираясь, подходит ко мне немец-токарь.

– Во зинд зи хер?⁸²

– Фон Кавказус⁸³.

– Зо? Сталин аух фон Кауказус, гелът?⁸⁴

– Я, я⁸⁵.

– Сталин гут, нет вар? Роте арме аух гут. Кайн агент, Фриц Штайнбрешер ист кайн ферретер^{86 87}.

– А кто вас знает!

Весь цех заставлен станками и верстаками, монтирующейся и готовой продукцией. Всюду шнеки, триеры⁸⁸, подъемники, конвейеры, котлы, какие-то трубо- и воронкообразные аппараты. Все это скоро отправят на Brauerei und Malzfabriken⁸⁹, а пока используется нами для маскировки: сидишь в котле, пока мастер пинком не выгонит тебя из ферштека⁹⁰. Моя работа называется Transport: погрузка и выгрузка, переноска и перевозка. Все прочие мои товарищи работают у токарных станков и верстаков.

---

⁸⁰ Обед (Mittag, нем.).

⁸¹ Дневная смена на предприятии (нем.).

⁸² Откуда вы?

⁸³ С Кавказа (нем.).

⁸⁴ Сталин тоже с Кавказа, не так ли?

⁸⁵ Да, да (нем.).

⁸⁶ Сталин – это хорошо, не правда ли? Красная армия тоже хорошо... Не бойтесь, Фриц Штайнбрешер не может быть предателем.

⁸⁷ В адресных книгах Дармштадта за 1941 и 1942 гг. среди жителей пригородного Пфунгштадта (Pfungstadt) (далее сам персонаж сообщает Г. Н. Сатирову о том, что там находится его дом) фамилия Штайнбрехер не упоминается. Несколько лиц с такой фамилией проживало в самом Дармштадте, но ни одного с именем Фриц.

⁸⁸ Шнек – стержень со сплошной винтовой поверхностью вдоль продольной оси, здесь: транспортирующее устройство для сыпучих материалов; триер – машина для разделения зерна и примесей.

⁸⁹ Пивоваренные заводы.

⁹⁰ Укрытие.

Работа каторжная, а паек голодный. Все пленяги потеряли человеческий облик, выглядят призраками. Не слышно смеха, оживленной речи, шуток. Даже брани никогда не услышишь. Лишь одна мысль непрестанно сверлит мозг, лишь одно чувство гложет сердце: жрать, жрать!

Не умывшись, хлебаем вечернюю баланду. Потом, не раздеваясь, влезает на койки. В 20-00 нас запирают.

Спим ли? Нет, светлых, обновляющих снов не ведаем. Скорее это забытие, полубредовое состояние, а не сон.

Разговоров мало, да и те лишь о еде. «Ридна маты»⁹¹ часто на устах. Но образ матери всегда ассоциируется с чем-нибудь вкусным, аппетитным, съедобным, что изготовлено ее руками. Например: «Ах, какие вареники варила моя мамочка!» Скажет и загрустит сердешный.

Да, гастро-элегические настроения – характерная черта нашего душевного состояния.

Слесарь Адам вертится около меня.

– Ну ви, гут?.. Я, я шлимм. Шлеште цайт. Аллес гет капут... Ну ви ин Русслянд?!⁹²

– Прима⁹³.

– Зо-о? Вифиль гельд руссише арбайта фердинт?⁹⁴

– Генуг. Бис цвайтаузенд рубель^{95 96}.

– Цвайттаузенд! Ист маглишь?⁹⁷

– Яволь!.. Унд дойче арбайтер?⁹⁸

– Гелернта арбайта фуфцишь марке про вохе... Унд вас кёнен зи дафир кауфен?⁹⁹

– О, айне менге шене динген¹⁰⁰.

– Вифиль костет гуте зонтаганцуг?¹⁰¹

– Бис хундерт рубель^{102 103}.

– Нет тойер. Бай унс аух бис хундерт марке¹⁰⁴.

– Я, абер руссише арбайтер мер фердинт¹⁰⁵.

– Фрайлишь. Альзо зи майнен, дас руссише арбайта бесса лебт альс дойче?¹⁰⁶

– Бин иберцойгт¹⁰⁷.

Из бюро вышел обермайстер. Адам поспешно отошел от меня.

⁹¹ Родная мать (*укр.*).

⁹² Ну как, хорошо? Да, да, плохо. Плохие времена. Все гибнет. Ну, как в России?

⁹³ Прекрасно.

⁹⁴ Вот как? Сколько зарабатывает русский рабочий?

⁹⁵ Достаточно. До двух тысяч в месяц.

⁹⁶ Согласно классической советской работе А. Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1948. С. 116–117), среднемесячная зарплата рабочих в союзной промышленности в 1940 г. составляла 375 руб. в месяц.

⁹⁷ Две тысячи! Возможно ли это?

⁹⁸ Конечно... А немецкий рабочий?

⁹⁹ Квалифицированный рабочий – до 50 марок в неделю... А что вы можете купить на эти деньги?

¹⁰⁰ О, множество хороших вещей.

¹⁰¹ Сколько стоит праздничный костюм?

¹⁰² До ста рублей.

¹⁰³ В 1941 г. мужской костюм в среднем стоил 367 руб. См.: Скрытая правда войны: 1941 год: неизвестные документы. М., 1992. С. 293.

¹⁰⁴ Недорого. У нас тоже до ста марок.

¹⁰⁵ Да, но русский рабочий больше зарабатывает.

¹⁰⁶ Разумеется. Итак, вы считаете, что русский рабочий живет лучше немецкого?

¹⁰⁷ Я убежден.

Длинный высокий корпус глаголем. С другой стороны трехметровый каменный забор. Штахельдрат¹⁰⁸ по верхушке забора и по кровле корпуса. Узенькая дорожка, окаймленная с обеих сторон колючей проволокой. Она ведет из барака-сарая в кухню-столовую. Асфальтированный двор со штабелями железа, с газкоксом и брикетом. И нигде ни кустика, ни травинки. Так выглядит наш двор – wahrhaftige Gefängnis¹⁰⁹.

Вот схематический план¹¹⁰:

А – цех

Б – шмиде¹¹¹

В – вахштубе¹¹²

Г – кладовая

Е – эссштубе¹¹³

Ж – кантине¹¹⁴.

З – аборт¹¹⁵.

И – целле¹¹⁶.

К – наша камера.

Л – склады.

М – каменная стена (высота 3 м, по верху колючая проволока с козырьком).

За забором неведомая, невидимая жизнь. Слух улавливает гудки, топот, шелест, лепет. От взора скрыты даже печные трубы.

В углу – чудным видением – березка. И как затерявшегося в песках бедуина влечет к далекой пальме, так и мы тянемся к чахлой березке. Но, увы, перед нами преграда: кудрявая окружена штахельдратом.

Не потому ли, что русская?

Вытаскивали из цеха вагон с готовой продукцией. Распахнулись ворота Кристаллине-верке¹¹⁷, будто открылся сезам в сказочный мир.

У нас во дворе МАД¹¹⁸ – ни былинки, ни крапивы. Здесь – деревья в цвету, сочный газон, пышные розы и пионы. Зачарованный глаз «мысью»¹¹⁹ перескакивает с ветки на ветку. Но немцы миглом пресекают наши попытки сорвать хоть один листочек.

– Лё-о-ос, сакраменто нох эмоль! Ауф! Феста!¹²⁰

---

¹⁰⁸ Колючая проволока.

¹⁰⁹ Истинная тюрьма.

¹¹⁰ Автором даны только обозначения. Сам план на странице отсутствует.

¹¹¹ Кузня.

¹¹² Комната вахманов.

¹¹³ Столовая.

¹¹⁴ Немецкая столовая.

¹¹⁵ Уборная.

¹¹⁶ Карцер.

¹¹⁷ Cristaline-werke Darmstadt – завод компании, зарегистрированной 20 октября 1933 г. химиком Джоном Питером Вилемсом недалеко от Трира. В 1937 г. компания получила название Deutsche Cristalline Motoroele, с 1940 г. Deutsches Cristalline-Werk Peter Willems, Trier. Основное направление деятельности – нефтепереработка и продажа продуктов собственного производства. В 1941 г. штаб-квартира компании переехала в Дармштадт. Завод известен производством высококачественных моторных масел и специальных смазочных материалов.

¹¹⁸ M. A. D. Maschinenfabrik und Apparatebauanstalt Darmstadt – промышленное предприятие в Дармштадте, выпускавшее оборудование для пивоваренной промышленности.

¹¹⁹ Мысь – белка (*устар. рег.*). Отсылка к «Слову о полку Игореве», где есть выражение «мысью по древу».

¹²⁰ Давай, дважды проклятые, нажми! Крепче!

Возвращаясь обратно, тайком собирали цветы и травы. Конечно, не из любви к чистому искусству, а... на потребу чреву. Вечером из собранных листиков и цветиков варили баланду. Многие страдали животами. Одному Варенику всё нипочем. Он ест да похваливает:

– Добрая баланда!

Вечером к бараку подошел бетрибсобманн^{121 122} Монн.

– Ну ви, камараден?¹²³

– Никс гут¹²⁴.

– Варум денн?¹²⁵

– Никс эссен, иммер клёпфен¹²⁶.

– Я, я. Гляубишь. Аба канн никс махен. Кришь ист никс гут. Нет вар, камераден... Аба варум кришь, варум кришь? Русише арбайта унд дойче арбайта – вир мюссен зо. Гельт¹²⁷.

Правой рукой он сжимает левую – символ дружбы и единства.

– Ну ви, Дармштадт гефельт инен?¹²⁸

– Никс гут, – наш вечный рефрен.

– О-о, зи хабен кайн решт! Фрюер вар шёне штатт¹²⁹.

– Шен-шен, гут-гут! Лопоче, як той попка. Мини нема чого исты, а вин каже шен. Тоды шен, коды вин капут!

Тихий звездный вечер. Откуда-то издалека долетают до меня мягкие, робкие звуки. Прислушиваюсь... Ах, да это ветер доносит шепот напаши Рейна, дыхание спящей Лорелеи¹³⁰.

И вспомнился другой вечер. Здесь же, в этих местах. Вот так же сияли звезды, когда певец великой женственности бродил на берегах Рейна. Он тоже был скован, но скован лишь чувствами. Здесь он встретил чудесную русскую девушку, но не узнал в ней свою единственную любовь. Она ушла навсегда, а он, стена и грустя, бросал в ночь тревожные призывы:

– Ася! Ася!

Никто не отозвался¹³¹.

И мне в порыве чувств хочется крикнуть:

– Ася! Ася!

Но вместо отзыва:

– Аб! Лёс! Алле райн ине бараке. Шнелль, ду дрекише сау!¹³²

¹²¹ Уполномоченный Арбайтсфронта.

¹²² Дойче арбайтсфронт – Германский трудовой фронт (*нем.*), общенациональная организация, заменившая в 1933 г. профсоюзы.

¹²³ Ну как, товарищи?

¹²⁴ Нехорошо.

¹²⁵ Почему же?

¹²⁶ Пищи нет никакой, всегда бьют.

¹²⁷ Да, да. Верю. Но ничего не могу сделать. Война – нехорошее дело. Не правда ли, товарищи?... Но почему война, почему война? Русский рабочий и немецкий рабочий – вот как должны жить! Не так ли?

¹²⁸ Ну как, нравится вам Дармштадт?

¹²⁹ О, вы неправы! Раньше это был красивый город.

¹³⁰ Лорелея (*нем.* Lore Lay) – дева-чаровница, речная фея, героиня немецких легенд. Ее образ связан с высокой скалой на правом берегу Рейна у города Санкт-Гоарсхаузена. В одной из баллад (1801) К. Брентано изобразил Лорелею нимфой на скале, расчесывающей свои золотистые волосы и увлекающей своим пением корабли на скалы. Этот миф о Лорелее был развит в стихотворении Г. Гейне «Лорелея» (1824).

¹³¹ Речь идет о персонажах повести И. С. Тургенева «Ася». Замысел повести возник в период пребывания писателя на лечении в немецком городке Зинциг на реке Рейн, приблизительно в 25 км к юго-востоку от Бонна.

¹³² Прочь! Давай! Все – в барак. Живее там, ты, грязная свинья!

Во время миттага в дверях эсбраума¹³³ появились две молоденькие немки. Их привел сам вахман¹³⁴. Видимо, для того, чтобы показать унтерменшей¹³⁵ – русских.

Стоя или сидя на полу и, реже, на скамейке (их 2, а нас 50), мы вылизывали свою баланду, пользуясь иногда ложкой, а чаще языком, губами и пальцами.

Мы неприязненно смотрели на немок, они на нас с некоторой долей сентиментальности. Потом немки переглянулись, и одна сказала другой:

– Аух ди меншен. Ганц нетте гезихте¹³⁶.

Другая:

– Генау зо ви бай унс¹³⁷.

Рано утром загремел засов, распахнулись железные ворота и раздался крик:

– Тавай!

Это наш коммандофюрер¹³⁸, прозванный Самураем. Он три года жил в России (конечно, шпионил) и знает несколько русских слов: тавай (т. е. «давай», иногда «вставай»), тикай, клеб, руки верш, бистро, малё ропота, кушать нет (сие последнее обрекает на голод).

Вахманы построили нас «драй-унд-драй» (ум драй, по три) и повели. Стук кандалов, истощенные и бледные лица, взгляд голодных, загнанных зверей – все это привлекло внимание прохожих. Немецкие чистоплюи презрительно смотрят на дрекише руссен¹³⁹. Едва заскрипели ворота энглязунганштальта¹⁴⁰, как вся наша орда ринулась во двор. В углу гора лушпаек и прочего мусора. Откуда только взялись силы – все наперегонки бросились к ней. Первым добежал самый старый – 50-летний Вареник. Он с размаху плюхнулся на кучу очисток и распростер свои руки-крылья.

– Мое, усе мое!

Его тянут за ноги, за руки, мнут его бока, а он свое:

– Нэ дам никому ни трохи. Усе мое!

Едва его оттащили в сторону.

Крик, шум, брань сменяются хрустом, чавканьем и прочими губно-язычными звуками. Карманы наполняются картофельными лушпайками, гнилыми капустными листиками.

Стою в сторонке. Из кочегарки выходит немец в бляуанцуге (спецовке).

– Вер зинд зи фон беруф?¹⁴¹

– Арбайтер¹⁴².

– Гляубе нет. Зи зинд интелигенте менш. Заген зи маль: зинд зи коммунист?¹⁴³

– Найн¹⁴⁴.

Он не верит. Спрашиваю: почему?

Он:

– Разве беспартийный интеллигент может получить работу в России?

---

¹³³ Помещение для приема пищи.

¹³⁴ Вахман – охранник в лагерях различного типа.

¹³⁵ Унтерменш – «недочеловек» (нем.); так национал-социалисты называли представителей «низших рас» – евреев, цыган, славян.

¹³⁶ Ведь это тоже люди. У них приятные лица.

¹³⁷ Как и у нас.

¹³⁸ Начальник команды военнопленных.

¹³⁹ Грязные русские.

¹⁴⁰ Вошебойка, дезинфекционное заведение.

¹⁴¹ Кто вы по профессии?

¹⁴² Рабочий.

¹⁴³ Не верю. Вы – интеллигентный человек. Скажите, вы – коммунист?

¹⁴⁴ Нет.

– Конечно, может. Большинство русских учителей, врачей, инженеров не состоит в партии.

– У нас не так. Если учитель, инженер или даже машинист паровоза не состоит в NSDAP¹⁴⁵ – его увольняют.

Продолжает расспрашивать. Я отмалчиваюсь.

– Зайен зи унбесоргт. Ишь бин кайн феррертер. Ишь бин коммунист¹⁴⁶.

Рассказывает о себе: звать – Макс, 35 лет, состоял в KPD¹⁴⁷ и был партработником. Четыре года сидел в кацете¹⁴⁸, а сейчас под гласным надзором гештапо¹⁴⁹. Из разговора с Максом я убедился, что он хорошо знает классиков марксизма-ленинизма.

Скрывшись на минуту в кочегарке, он вынес бутерброд.

– Кушайте скорей, чтоб не заметили вахманы или банщик Ганс. (За передачу русскому пленяге кусочка хлеба немца сажают в тюрьму.)

– Знаете ли вы что-нибудь, – спросил Макс, – о битве под Харьковом? (немцы говорят: «Шарков»).

– Ровным счетом ничего. Газет нам не дают, найдут у кого-либо из нас немецкую газету – бьют.

Передаёт новости. Хвалит Тимошенко, считая его великим полководцем. Спрашивает:

– Нишът вар?¹⁵⁰

– Филляйт, абер¹⁵¹... в Красной армии есть и более талантливые полководцы, а в ходе войны развернутся новые дарования.

– Я, я. Одно ясно, Германия потерпит поражение. Дойчлянд гет капут¹⁵².

Подходит Ганс. Макс шепчет:

– Зайен зи форзиштишь. Эр ист фашист¹⁵³.

Ганс возмущен:

– Саурай¹⁵⁴. Эти русские свиньи едят всякую пакость.

– Зи хабен хунгер, – отвечает Макс, – Унзере дойче камераден ин руссише гефангеншафт филляйт махен дасзельбе¹⁵⁵.

Ганс подозрительно взглянул на Макса, потом на меня и, видно, что-то намотал себе на ус.

Адам многозначительно подмаргивает, хитровато улыбается. Иногда, проходя мимо, шепчет как бы невзначай:

¹⁴⁵ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

¹⁴⁶ Не беспокойтесь. Я не предатель. Я – коммунист.

¹⁴⁷ У автора ошибочно – КРД. Имеется в виду Коммунистическая партия Германии (Kommunistische Partei Deutschlands, KPD).

¹⁴⁸ Кацет (от аббревиатуры KZ) – концентрационный лагерь.

¹⁴⁹ Гестапо (Gestapo, сокращение от Geheime Staatspolizei) – тайная государственная полиция Третьего рейха. Создана сначала в Пруссии декретом Г. Геринга 26 апреля 1933 г. Декретом от 17 июня 1936 г. ей был придан законный статус, имперским руководителем назначен Г. Гиммлер. После создания 27 сентября 1939 г. Главного управления имперской безопасности (РСХА) гестапо вошло в него в качестве IV управления (глава – Г. Мюллер). Нюрнбергским трибуналом признана преступной организацией. С лета 1941 г. к функциям гестапо добавились акции «отбора» советских военнопленных, а затем и выявление ячеек Сопротивления среди военнопленных. В 1941–1942 гг. в Германии имелось 20 управлений, которым подчинялись 40 отделений государственной полиции с 11 филиалами. Все без исключения пленные, лишённые вермахтом по самым различным причинам своего статуса, передавались гестапо, а оттуда в большинстве случаев попадали в концлагеря. См.: *Otto P., Keller P.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Пер. с нем. М., 2020. С. 41–43.

¹⁵⁰ Не правда ли?

¹⁵¹ Может быть, но...

¹⁵² Германия идет к гибели.

¹⁵³ Будьте осторожны. Он фашист.

¹⁵⁴ Свинство.

¹⁵⁵ Наши немецкие товарищи, может быть, делают то же самое в русском плену.

– Эс лебе коммунизм!¹⁵⁶
Своими намеками и экивоками он хочет, видимо, показать:
«Я, я, ишь вайс бешайд. Ду бист агент фон Сталин»¹⁵⁷.
Сегодня мимоходом он шепнул:
– Ишь аух коммунист¹⁵⁸.
– Я, я, ганц гевис, зи зинд нацист¹⁵⁹.
– Цум тойфель ден нацизмус, фардамте цойш. Ман мус Хитлер ауфхенген, ден феррюкте керль!¹⁶⁰
– Ви дюрфен зи ире фюрер бешимпфен!¹⁶¹
– Ист нет майн фюрер. Ишь бекенне мишь ден коммунизм¹⁶².
За стеной, в немецкой кантине¹⁶³ бравурная радиомузыка.
– Вас ист нойес, Фалдин?¹⁶⁴
– Вайс нет. Ум цвёльф зондерберихт ОКВ. Филляйшт Москау геноммен^{165 166}.
Сергей показывает ему кукиш.
– На, выкуси, альта гауна¹⁶⁷.
Гудок на обед. В кантине фанфарный марш, потом напыщенный голос диктора;
– Ахтунг, ахтунг. Хир ист Франкфурт-ам-Майн. Севастополь ист гефаллен!¹⁶⁸
Трагический финал второй Севастопольской эпопеи.
Но... как говаривал Н. Г. Чернышевский:
«Пусть будет, что будет, а будет и на нашей улице праздник!»

Под окном нашел смятый обрывок «Hessische Landeszeitung»^{169 170}.
Читаю: «Sewastopol – ist gefallen»¹⁷¹. Deutsche Fahre weht über Stadt und Haven». И дальше:
«Крупнейшая и неприступнейшая в мире морская крепость взята нашими солдатами. Остатки большевиков загнаны на Херсонский мыс¹⁷² и уничтожены». Мне как-то особенно горько слышать весть о падении Севастополя. Ведь я под его стенами был ранен и попал в плен.

Ничить трава жалощами,
А древо с тугою к земли преклонилося¹⁷³.

---

¹⁵⁶ Да здравствует коммунизм!

¹⁵⁷ Да, да. Я знаю. Ты – агент Сталина.

¹⁵⁸ Я тоже коммунист.

¹⁵⁹ Да, да, конечно, вы нацист.

¹⁶⁰ К черту нацизм, проклятое дело. Надо повесить Гитлера – этого сумасшедшего парня!

¹⁶¹ Как вы осмелились ругать своего вождя?

¹⁶² Это не мой вождь. Я исповедую коммунизм.

¹⁶³ Кафе, рабочая столовая.

¹⁶⁴ Что нового, Валентин?

¹⁶⁵ Не знаю. В 12 часов особая сводка верховного командования вермахта.

¹⁶⁶ ОКВ (нем. OKW — Oberkommando der Wehrmacht) – Верховное командование вермахта.

¹⁶⁷ Старый жулик.

¹⁶⁸ Внимание, внимание. Говорит Франкфурт-на-Майне: Севастополь пал.

¹⁶⁹ Газета Гессенской земли.

¹⁷⁰ «Гессенская земельная газета», с 1935 г. орган нацистской партии. В сентябре 1944 г. переименована в «Дармштадтскую газету». Последний номер вышел 24 марта 1945 г.

¹⁷¹ Севастополь пал. Германский флаг веет над городом и портом.

¹⁷² Имеется в виду Херсонесский мыс.

¹⁷³ «Ничить трава жалощами, а древо с тугою кь земли преклонилося» (др.-рус.) – строка из «Слова о полку Игореве».

– Махт никс¹⁷⁴, – говорит токарь Фриц Штайнбрешер, – русские все равно будут здесь. Нисколько не сомневаюсь. А он? Не кривит ли душою? Через полчаса Фриц подходит снова.

– Вы знакомы, камрад Шош¹⁷⁵, с советской сельскохозяйственной политикой?

– Знаком в главных чертах. А что?

– Вот какой вопрос. Я живу в Нидер-Рамштадте¹⁷⁶. У меня там домик с садиком и маленьким огородом. Есть корова, свинья, кролики, куры. Как вы думаете, отберут у меня русские всё это, когда они придут сюда?

– Но почему? Разве вы юнкер, капиталист, кулак?¹⁷⁷

– Нет, я потомственный пролетарий.

– Может быть, вы – нацист?

– Избави боже!

– Вы пользуетесь, вероятно, наемным трудом. Есть у вас батраки?

– Что вы, я обрабатываю землю своими руками и ничего не продаю.

– Тогда чего же вам бояться. Спите спокойно, русские вас не обидят. А может статься, выйдете в большие люди при русских.

Фалдин с комическим ужасом говорит:

– Ин Сибириен филь калът, гелът? Ви канст ду, Сергей, ин Сибириен вонен? О, Сибириен ист шрекенслянд, нет вар, камраден¹⁷⁸.

– Вот бы тебя туда, слона толстозадого.

– Авось будет там. Заставят строить дорогу где-нибудь около Верхоянска.

– Вас, вас¹⁷⁹.

– Хрен тебе в глаз. Говорю: геен в Сибирь, в Верхоянск, понимаешь? Верхоянск шен штадт зибицишь град калът, ферштанд?¹⁸⁰

– О гот, гот! Ви шреклишь!¹⁸¹

– Врешь, Сибирь шен. Ду фарен нах Сибирь, Фалдин?¹⁸²

– Эррете мишь гот! Сибириен никс гут¹⁸³.

– Дох, чтоб ты сдох. В Сибири филь шпек унд гольд¹⁸⁴.

– О я ин Сибириен филь гольд. Дас вайс ишь ганц генау¹⁸⁵.

– Ду либен, Фалдин, шпек и гольд?

«Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле преклонилось» (перевод Д. С. Лихачева).

¹⁷⁴ Ничего не значит.

¹⁷⁵ Шош – искаженное Жорж, Георгий.

¹⁷⁶ Нидер-Рамштадт находится в нескольких километрах к юго-востоку от Дармштадта.

¹⁷⁷ Ср. эту дискуссию с фрагментом воспоминаний военнопленного Д. Т. Чирова, работавшего в крестьянском хозяйстве в Австрии. Уже после вступления Красной армии на австрийскую территорию один из бауэров, с которым у автора сложились доверительные отношения, показал ему пистолет и сказал, что, если русские заставят его вступить в колхоз, он застрелит 13-летнего сына, жену и себя. См.: Чиров Д. Т. Среди без вести пропавших: воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг. М., 2010. С. 269.

¹⁷⁸ В Сибири очень холодно, не так ли? Как ты можешь, Сергей, жить в Сибири? О, Сибирь – страна ужаса. Не правда ли, товарищи?

¹⁷⁹ Что, что?

¹⁸⁰ Верхоянск – хороший город, но там семьдесят градусов мороза, понимаешь? (нем.).

¹⁸¹ О боже, боже, какой ужас!

¹⁸² В Сибири хорошо. Ты едешь в Сибирь, Валентин? (нем.).

¹⁸³ Спаси меня бог! В Сибири нехорошо.

¹⁸⁴ ...много сала и золота (нем.).

¹⁸⁵ О да, в Сибири много золота. Это я точно знаю.

– Натирлишь, еда либт ден шпек унд гольд, ишь вайс бешайд. Сибириен ист Эльдорадо, нет? Аба ишь кан нишйт ди кельте фертраген унд майне фрау аух нет¹⁸⁶.

– Ишь иксосос¹⁸⁷, золото любит, а холода боится. Мечтает: всех русских на копи сошлю, а сам Европой буду править. Только врешь, поедешь в Сибирь со своей либе фрауей.

– Зо, камраден, Сибириен ист шрекенслянд, гельт. Аба бай унс, ин унзере дойче хаймат ист шен, вундербар, нет¹⁸⁸.

– О нет! Дойчлянд никс гут. Никс эссен, иммер клёпфен, унд иммер калът¹⁸⁹.

Да, действительно калът, как нигде в Сибири. Зябнем днем и ночью, зябнем в цеху, зябнем на койках. На дворе июль, в бараке, что сельдей в бочке, спим, не раздеваясь – а все-таки зябнем.

Или это от голода, от истощения, от тяжелого морального состояния?

Всё здесь никс гут: земля, дома, климат, люди. Всё здесь калът! Солнце, луна, звезды, небо, воздух, стены и люди. Даже пташки не хотят жить в этой стране: не слышно их веселого щебетанья.

И оттого душа еще больше тоскует по воле и по родной небесной сини. «Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ!»¹⁹⁰

А если суждено увидеть не горы Кавказа, а снежные просторы Верхоянска?

Что ж, пусть Верхоянск, лишь бы не чужбина.

Мы всегда говорим в таких случаях: «Я Сибири не боюсь. Сибирь ведь тоже русская земля!»¹⁹¹

Бывают минуты, когда наши отупевшие головы и окаменевшие сердца восприимчивы не только к пищевым раздражителям. Иногда душа просит песен. И вот затянут пленяги какую-либо каторжную:

Не для меня придет весна.
Не для меня Дон разольется,
А сердце радостно забьется
Восторгом чувств не для меня¹⁹².

Звуки песни вызывают слезы, рой воспоминаний о далекой отчизне. В такие минуты даже Камчатский острог кажется чем-то родным, желанным.

Вареник ругмя ругает колхозы.

– Разорили крестьянина, житья ему не стало в деревне.

– Что ж, тебе под немцами лучше?

---

¹⁸⁶ Конечно, каждый любит сало и золото. Я знаю, Сибирь – это Эльдорадо. Не так ли? Но я не могу переносить холода, и моя жена тоже не может.

¹⁸⁷ Эвфемизм, основанный на сходстве начертания кириллического «х» с латинским «иксом».

¹⁸⁸ Так, товарищи, Сибирь – страна ужаса. Не так ли? Но у нас в нашем немецком отечестве прекрасно, чудесно. Не так ли?

¹⁸⁹ Германия – плохая страна, нечего есть, всегда бьют и всегда холодно.

¹⁹⁰ Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Кавказ» (1830).

¹⁹¹ Строка из дореволюционной песни каторжников «Чубчик». Песня получила широкое распространение в 1930-х гг. благодаря пластинкам с записью исполнения ее П. К. Лещенко.

¹⁹² Песня «Не для меня придет весна» известна в нескольких вариантах. В ее основе – романс Н. П. Девитте на слова морского офицера А. Молчанова (1838). В измененном варианте вошла в репертуар Ф. И. Шаляпина. Определение «каторжный» указывает на «советский» вариант песни со словами: А для меня народный суд. Осудят сроком на три года, возьмет конвой меня жестоко и поведет меня в тюрьму. А из тюрьмы сошлют в Сибирь, сошлют на дальнюю сторону. Сошлют с народом арестантским, побег и пуля ждет меня.

– Не лучше. Но ведь сейчас война. Вот кончится война – тогда заживу. Выйду на волю, куплю себе землю, хату, коня, корову.

– Где ж ты купишь?

– Да тут, в Немечине.

Ишь размечтался, чертов куркуль. А на какие финики¹⁹³ купишь?

– Зароблю, я ведь сапожник.

– А вы, Вареник, программу NSDAP читали?

– Где ж мне ее прочитать?

– В цеху, на доске.

– Не разумею по-немецки.

– Жаль. Почитали бы – многое уразумели бы.

– А что там пишут?

– А вот что. Ни один недойч (Nichtdeutsche) не может быть гражданином Райха. Недойч не пользуется никакими правами и не может владеть собственностью. Так что оставьте ваши мечты о хате в Немечине. Вечными рабами будем, если только победят немцы.

Голодному, истерзанному, физически и морально истощенному пленяге особенно тяжелы ночные смены.

Похлебав в 17 час. 30 мин. баланду, сидишь, повесив голову, и ждешь с тревогой, когда вахман заорет ненавистное «арбайтен!»¹⁹⁴ Но ни пронзительный гудок, ни повторные крики вахмана не могут стронуть нас с места. И только удары и пинки заставляют подняться и понуро плестись в цех.

Медленно тянется ночь. Медленно еще и потому, что все свои слабые силы прилагаешь к тому, чтобы не работать, замаскироваться, скрыться в ферштеке¹⁹⁵. Один глаз направлен на мастера, так и рыскающего по цеху в поисках укрывшихся от работы, а другой на стрелку стенных часов. Стоишь и напряженно смотришь до тех пор, пока все окружающие предметы не замелькают перед тобой в образе желанной пайки. Но, увы, встреча с нею произойдет не ранее 9 часов утра.

Хорошо еще, если сменный ночной мастер Педа Либишь. Этот спокойный, молчаливый немец со скорбными глазами не дерется, не кричит, не понукает. Он подойдет, блеснет очками, вздохнет и скажет:

– Я, я. Гут, гут. Иммер лянгзам, нет!¹⁹⁶

Но иная интонация у Педы для беверте¹⁹⁷, то есть для тех, кто старательно работает ради экстрапайки¹⁹⁸. Он остановится перед таким беверте, покачает головой и процедит сквозь зубы:

– Я, я. Гут, гут!

В этом «гут» есть что-то негативное, осуждающее. Оглянется беверте и как-то невольно замедлит свои действия, а то и вовсе бросит работу.

Фриц и Адам говорят, что Педа – старый член КПД¹⁹⁹. В 1933 году он участвовал в антинацистском восстании в Пфунгштадте²⁰⁰. Сидел за это в тюрьме и в кацете, а сейчас под глас-

---

¹⁹³ Пфенниги.

¹⁹⁴ Работать!

¹⁹⁵ Потаенное место, укрытие.

¹⁹⁶ Да, да. Хорошо, хорошо. Работать всегда медленно. Не так ли?

¹⁹⁷ Термин, образованный от немецкого глагола *bewähren* – зарекомендовать, показать себя. Аналог советского термина «ударник». Далее автор раскрывает его содержание.

¹⁹⁸ Добавочная порция хлеба за хорошую работу.

¹⁹⁹ Коммунистическая партия Германии.

²⁰⁰ Пфунгштадт – населенный пункт в Германии в земле Гессен, пригород Дармштадта.

ным надзором гештапо. Его родной брат – коммунист до сих пор в концлагере. Единственный сын Либиша убит на фронте. Виновником смерти сына Педа считает не русских, а Гитлера.

Ночью вышел я во двор. Взглянул на мерцающие звезды и почему-то вспомнил Огюста Бланки²⁰¹. Увидев как-то звездочку из окна своей одиночки, французский революционер подумал: «На каждой звездочке есть город Париж, а в нем тюрьма, в которой томится Огюст Бланки».

Мои грустные размышления прервал Педа.

– Я, я, гут гут.

– Вас ист нойёс, камрад Либишь?²⁰²

– Вайс нет. Ишь лезе кайне цайтунген²⁰³.

– Варум ден?²⁰⁴

– Аллес люге, аллес бетруг²⁰⁵.

– Скажите, вы не родственник Юстуса Либиха?²⁰⁶

– Нет, только земляк. Недалеко отсюда, на Таунусринг, Либишь-гимназиум, в которой учился великий химик²⁰⁷. Перед гимназией памятник ему. Когда-то на весь мир славился химический факультет основанной Либихом в Дармштадте Politechnische Hochschule^{208 209}. Раньше здесь учились сотни русских. Я был знаком со многими. Хорошие люди. Да, славное прошлое было у Дармштадта, у немецкого народа. Аба ешт аллес гет капут!²¹⁰ Гибнет страна философов и поэтов, гибнет великий народ, гибнет его вековая культура. Я, я. Дойчлянд гет капут!²¹¹

И вдруг, словно реквием отходящему миру, откуда-то из глубины ночи раздался минорный перезвон колоколов.

– Где это, камрад Либишь?

– Турмурглёкеншпиль. Старинные куранты на башне в замке великого герцога Hessen und bei Rhein²¹². Они играют через каждые 15 минут полный час – гимн, полчаса – отрывок из него, четверть часа – музыкальная фраза. Репертуар у них богатый: 24 различных мелодии, то есть каждый час – новая. Раньше на Рождество, Пасху, Троицу, тезоименитство великого герцога куранты играли особую, соответствующую торжественному случаю музыку. Едт никс мер до. Дойчлянд гет капут!²¹³

6 часов утра. Смена. Выходя из цеха во двор, поворачиваем голову вправо. Там у забора – наша кудрявая. Там за забором – кок на церковном шпиле²¹⁴.

---

²⁰¹ Луи Огюст Бланки (1805–1881) – французский революционер, сторонник установления революционной диктатуры. Успех грядущей революции связывал с хорошо подготовленным заговором сплоченной организации, поддержанной в решающий момент народными массами. Неоднократно арестовывался, провел в общей сложности почти 37 лет в тюремном заключении.

²⁰² Что нового, товарищ Либишь?

²⁰³ Не знаю. Я не читаю газет.

²⁰⁴ Почему же?

²⁰⁵ Всё ложь, всё обман.

²⁰⁶ Юстус фон Либих (1803–1873) – немецкий химик-органик, один из основателей агрохимии, уроженец Дармштадта.

²⁰⁷ Либих учился в Людвиг-Георге-гимназии в Дармштадте в возрасте от 8 до 14 лет. Покинув гимназию без свидетельства об окончании, он подрабатывал, а после поступил на учебу в Боннский университет.

²⁰⁸ Высшее техническое училище.

²⁰⁹ Дармштадтская высшая техническая школа (Technische Hochschule zu Darmstadt) была основана в 1877 г. Позднее приобрела статус высшего учебного заведения. Известна своим приоритетом в деле преподавания курса электротехники (с 1882 г.) и основанием электротехнической кафедры, а с 1883 г. электротехнического факультета.

²¹⁰ Но сейчас все гибнет!

²¹¹ Да, да. Германия гибнет!

²¹² Гессенский и Прирейнский.

²¹³ Сейчас ничего этого больше нет. Германия идет к своей гибели.

²¹⁴ Кок (*фр.*) – петух. Имеется в виду изображение петуха на шпилях католических и протестантских храмов. Оно связано

– Кок смотрит на нас, – говорит Беломар, – ветер с востока.

Жадно ловим его ласковое дыхание. Ищем в шелесте родные звуки.

Ожила и опутанная штахельдратом березка; затрепетали, залепетали ее серебристые листочки.

Мацукин – голубоглазый блондин. Ему лет тридцать. До войны – маляр, гуляка, игрок. Он красив, очень неглуп, но хитер и беспринципен свыше меры²¹⁵.

Стали мы примечать, что за последнее время он поздоровел, поправился, округлился. Все пленяги точно скелеты, а он словно огурчик.

В чем дело? На каких таких хлебах жиреет Мацукин?

Оказывается, на чужих.

Завел у нас очко, играет только на пайки. Ставят по 1/4 пайки и проигрывают ему всю. Отыгрываясь, спускают пайки за несколько дней вперед. На следующий день Мацукин собирает дань с неудачников. Никакие мольбы и просьбы тут не помогут. С бессердечием паука он вырывает пайку из рук голодного пленяги.

– Зачем, ребята, играете? Ведь он на руку нечист.

– Знаем сами, да больно хитер, не попадает. А попадет – дадим бубны.

Пустая похвальба. Мацукин щелчком убьет каждого, кто на него полезет.

– Как не стыдно, Мацукин, лишать голодного товарища пайки. Надо же совесть иметь!

– Вот еще проповедник сыскался. Какую-то совесть выдумал. На кой ляд мне твоя совесть? За нее, браток, и финика не дадут.

– Кабы были с совестью, – вторит ему Халим, – давно подошли бы. А по-моему, пусть каждый живет, как может.

Словом, *homo homini lupus est*²¹⁶. Вот она, максима мацукиных и халимов.

Досаднее всего, что проделки Мацукина вызывают не гнев, а некоторое восхищение у молодых пленяг. «Вот, дескать, какой удивительный человек: обманщик, шулер, вор, но все это так ловко обделает, что не поймашь, не придерешься. Артист, как есть артист!» Нашлись даже подражатели.

Страшно подумать, как рабские привычки начинают исподволь овладевать нами.

Александр Владимирович изливает свою обиду:

– Сергей думает, что я всегда сыт, потому что кох²¹⁷. А разве я похож на сытого? Что с того, что я кох: я так же голоден, как все.

И вовсе не потому, что честен, потому что пикирнуть^{218 219} нечего. Посудите сами, что я могу скамсить²²⁰, кроме воды, соли, сушеной капусты, сушеного кольраби и молотого конского

с образом Христа, зажегшего, как полагают верующие, свет новой религии, подобно тому как петух своим криком возвещает о наступлении нового дня после ночных сумерек. Пробуждающий людей на заре от ночной спячки и призывающий к активной жизни, он вызывает ассоциации с Христом, проповедовавшим идеи нравственного пробуждения человечества от долгого духовного сна. Первые христиане до эпохи колокольного звона (V в. н. э.) собирались на утреннюю молитву с пением петуха, изображение которого и появилось позже на колокольнях.

²¹⁵ Возможно, имеется в виду рядовой Федор Александрович Мацукин (1910 – ?). Он попал в плен под Ельней 5 октября 1941 г. и находился в шталаге VI В Neu Versen.

²¹⁶ Человек человеку волк (*лат.*).

²¹⁷ Повар.

²¹⁸ Украсть.

²¹⁹ Переосмысление авиационного термина. На жаргоне военнопленных – совершить кражу, выбрав цель, действуя быстро и решительно.

²²⁰ Скомсить (скамсить) – украсть (синоним «пикирнуть») – от *фр.* *comme ci, comme ça* – ни то ни се, так себе, серединка на половинку, потихоньку. Происхождение этого выражения неясно. Часто употребляется в ответ на вопрос: «Как жизнь (как дела)?» Частота употребления французами, очевидно, и способствовала переосмыслению без всякой связи с семантикой. Может быть, неопределенность, уклончивость такого рода ответа имели сходство со скрытностью совершаемых действий при

каштана. Других продуктов ведь нет. Да и эти Кайдль отпускает строго по норме и притом смотрит, чтобы не дай боже я не утащил щепотку соли. Ведь буквально так обстоит дело, вы сами знаете, Георгий. С сушеной капусты сыт не будешь, если даже украдешь ее котелок.

Шеф и Самурай всегда твердят нам: «Эссен гут, эссен прима!»²²¹

Нечего сказать – прима, когда коху абсолютно нечего украсть.

Вернувшись с ночной, улегся на койку. Моя – на третьем ярусе.

Не спится. Думы о том, о сем, а больше о пайке. Томительные три часа до встречи с нею.

«Так ждет любовник молодой минуты сладкого свиданья»²²².

Вздрыгнул от лязга замка и от крика:

– Тавай!

Самурай лупит Петра Кривого и тащит его с койки.

– Пан, я болен. Пан, форштейн я кранк!²²³

– Та, та, та! Яйца тольсти к... большой. Никс больной. Фауленца²²⁴. Саботаже.

– Пан, ей-богу, кранк!

– Никс кранк. Русски иммер эссен, иммер шпать унд никс ропота. Тикай!²²⁵

Самурай толкает Петра в спину и ведет из барака.

Через час Петро возвращается.

– Ну что, отпустили?

– Отпустили, хотя и отлупили. Упал я в обморок. Вышел шеф, поглядел и крикнул: «Раус!

Кушат нет. Кайн брот унд никс суп!»²²⁶

Каримов – баракенэльте²²⁷, а по-нашему – полицей.

Нередко он орет на товарищей, угрожает, даже пытается ударить. Словом, лезет из кожи, чтобы доказать шефу и командофюреру свою преданность.

Работает он так, что немцы с тревогой поглядывают на него.

Ведь Геббельс и Лай²²⁸ внушают своим землякам, будто они самые что ни на есть «арбайт-слюстигсте унд арбайтефеигсте меншен ин дер вельт»²²⁹. Когда пленяга работает наравне с немцем, то шеф рычит на своих «фольксгеноссов»²³⁰: «Какие вы немцы, раз русские вас обгоняют. Вы хальбруссе или хальбполе!»²³¹ Чтобы не подвергнуться проверке расовой чистоты, немец вынужден или значительно повысить производительность труда, или сдерживать ретивых русаков.

Вот почему немцы часто говорят Каримову:

кражах у немцев. Выражение, очевидно, имело широкое распространение и встречается, например, в автобиографическом романе С. П. Злобина («...Отто шепнул, что на разгрузке команда сумеет “комсикомса”, то есть накрасть брюквы» (*Злобин С. П. Пропавшие без вести. М., 1964. Кн. 1. С. 686*)).

²²¹ Пицца хорошая, пицца первоклассная.

²²² Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» (1818?).

²²³ Господин, поймите, я болен! (*искаж. нем.*).

²²⁴ Лентяй.

²²⁵ Не болен. Русские вечно голодны и готовы дрыхнуть, но только не работать. Бегом! (смесь искаженных русских и немецких слов).

²²⁶ Вон! Никакой еды. Ни хлеба и ни супа! (смесь искаженных русских и немецких слов).

²²⁷ Староста барака.

²²⁸ Геббельс Пауль Йозеф (1897–1945) – рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии (1933–1945), канцлер Третьего рейха (апрель – май 1945), комиссар обороны Берлина (1942–1945). Роберт Лей (1890–1945) – доктор филологии, рейхсляйтер, обергруппенфюрер СА, заведующий организационным отделом НСДАП, руководитель Германского трудового фронта. 16 мая 1945 г. был арестован союзниками. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

²²⁹ Самые трудолюбивые и самые трудоспособные люди в мире.

²³⁰ Компатриотов.

²³¹ Полурусский или полуполяк.

– Лянгзам, иммер лянгзам!²³²

Куды там, Каримов не слушает их, он готов наизнанку вывернуться, в аборт²³³ и обратно бегают рысью.

Славы ищет? Нет, экстрапайки.

Петра Кривого водили к врачу.

– Ну как, Петро, освободил доктор?

– Хиба ж это доктор, это полицей. Орет, толкает, бранится, дерется. Я и мундёра своё не скидал. Этот арц-полицай²³⁴ посмотрел на меня сквозь окуляры да как крикнет: «Никс, шлим, арбай!»²³⁵ Стукнул меня с размаха ногой по дупе²³⁶ и выпихнул из кабинета.

20 часов. Дверь на запоре. Перед дверью символ нашего общественного положения – большая параша-кибель²³⁷ без крышки.

Лежу на верхотуре, почти упираясь головой в железобетонную балку. Подо мной наш кох Александр Владимирович. Слышу его плавную речь.

– ...и вот я лежу, голодный как цуцик. Ну разве не смешно, ребята!

– Пошел ты, кох, к своей одесской маме. Ха, ему смешно. Тут плакать хочется, да сил нет.

– Это ты верно говоришь, Сергей, что сил нет ни плакать, ни смеяться. А все ж таки смешно, как подумаешь. Ну посуди сам: вот перед тобой расквалифицированнейший повар и кондитер. Всю жизнь провел среди утонченнейших блюд и деликатесов. И вот теперь голоден, как та татарская собака. А я ведь потомственный кондитер. Мой отец был главным мастером в лучшей одесской конфизери²³⁸. Я сам вот с таких лет начал учиться кондитерскому делу и отлично знаю всю французскую рецептуру.

– Ну и жри ее. Авось сыт будешь.

– Кок, а кок! Ты торт испекти можешь?

– Хоть сейчас.

– Ну, ну!

– Что ну! Поддай сюда муки, масла, сахару, яиц, ванили, шоколаду – через два часа получишь торт.

– Эх ма! Кабы дали мне муки да масла, я бы их так слопал. Ей-бо, без печева сглотнул бы.

– Что торт – баловство одно. А я, знаете, больше люблю подсолнечную халву. Вот немцы о ней понятия не имеют, а ведь вкусно.

– Нимцы люди тэмны. Ничого воны нэ бачили. Тики и е в цей Нимечине, шо кольраби, та буряковый мармалат. А бачили вы, хлопцы, яки у их бутерброты? Тонюсеньки, аж свитятся. А щоб галушкы, або, наприклад, халва, цэ воны нэ розумиють. Нэма людынської ижи²³⁹ у цих нимцев. Що нэ кажы, а люды темны.

– Да, халва вещь хорошая. Но знаете ли, подсолнечная халва – эрзац. А настоящую халву мы готовили из аравийского семени, название которого сейчас не припомню. Вот та халва – цимес, как говорят у нас в Одессе, а подсолнечная – эрзац.

---

²³² Медленно, всегда медленно!

²³³ Уборная.

²³⁴ Врач-полицейский.

²³⁵ Ничего нет, работай!

²³⁶ Задница (*польск.*).

²³⁷ Чан, параша (*нем.*).

²³⁸ Кондитерской (*фр.*).

²³⁹ Еды (*укр.*).

– Это подсолнух-то эрзац? Что ж, по-твоему, немецкий маргарин из угля лучше? Ты еще скажешь, кох, что русский ржаной хлеб – эрзац, а немецкий гольцброт²⁴⁰ – натуральный продукт. Эх, кох, видно, сам ты эрзац.

– А вот еще хороши у нас в России пирожные. Помню, мама мне покупала «наполеон» и «микадо»²⁴¹. Я очень любил их.

– Ишь чего захотел. А если [бы] маменька чудом каким доставила сюда торбу лушпак – не стал бы кусать?

– Спрашиваешь. Ох, как рад бы был. Ах, мама, мам! Знаешь ли ты, о чем мечтает твой сын?

– А ты поплачь, может, мама и прилетит на крыльях утешить сына. Эх, покусать бы чего. Комиссионка, дайте трохи лушпак!

– Где мы их тебе возьмем?

– Вот видишь, лушпак поганных нет. А ты говоришь: «микадо», «наполеон»!

– Эх, ребята, пропадем мы в Немечине!

– Подохнем, все здесь подохнем!

– Как есть все околеет. До нового года не доживем!

– Нэ бачиить нам ридной Украины!

– Сгинем, все сгинем тут!

– Бросьте, хлопцы, скулить. Не легче ведь от этого. Лучше расскажите, кто что знает.

Все скорее забудешь муку.

– Забудешь ее, когда в нутре гложет.

– Братцы, кто читал «Как закалялась сталь»²⁴²?

– Ну, я.

– Расскажи.

– Не умею. Да и не помню.

– Эх вы, молодежь! Семилетки-десятилетки кончили, а рассказать толком не умеете. Вот гляди – я неграмотный, а от начала до конца расскажу «Как гартувалась сталь».

– Ты, Петро, лучше Расскажи, как тебе глаз выбили.

– Ну, фрицы выбили.

– А може, за баланду с кем подрался?

– Пушай за баланду. Выбили, да и только. Словно бы как Соловью-разбойнику. Слыхали про Соловья-разбойника?

– Слыхали. А ты все равно Расскажи.

– Да оно словно бы и не совсем как Соловью-разбойнику. Ведь Илья Муромец – наш русак, а Соловей-разбойник вроде поганого фрица. Ему бы, фрицу, надо было глаз выбить, а вышло так, что мне пришлось свой потерять!

– Да ты не тяни, рассказывай.

– Ну, ладно, слушайте. Едет полем Илья, а встреч ему мужики. «Куда едешь, браток?» – «Еду в Киев на весилля к князю Владимиру». – «Слышь, не ездь Брянским лесом, там засел Соловей-разбойник. Свистит Соловей по-соловьиному, ажно деревья валятся». Не послушался Илья. Вот въезжает он в Брянский лес. А лес-то темный, дремучий. Кто был, хлопцы, в Брянском лесу?

– Я был. Сам оттуда.

---

²⁴⁰ Хольцброт – эрзац-хлеб, приготовленный с добавлением опилок.

²⁴¹ «Микадо» – слоеный торт, напоминающий более известный торт «наполеон».

²⁴² «Как закалялась сталь» (1932–1934) – популярный в СССР автобиографический роман Н. А. Островского, который многократно переиздавался и вошел в школьную программу.

– Лес-то, что твоя тайга! Верно говорю?.. Вот едет, значит, Илья. Вдруг как засвищет Соловей по-соловьиному. Испугался конь да как – шарах. Мало не свалился Илья. Обозлился тут он, скидывает свой ППШ²⁴³ да как пальнет! Вышиб правый глаз Соловью, вот как мне фрицы. Привязал Соловья к седлу да поехал дальше. Вот въезжает он в стольный Киев, к самому дворцу князя Владимира направляет своо коня. У паратного встречают его лакеи и ведут в зало. А там столы уже накрыты для гулянки. И какой только ижи там нет! И борщ, и сало, и галушки, и котлеты, и халва, и «микадо», и «наполеон». Ну, словом, вся французская рецептура, – вот про которую сейчас кох говорил...

– Стало быть, и лягушки?

– Какие лягушки!.. Опомнись, князь-то Владимир, чать, православный, а не какой-нибудь мусью-жабоед.

– А вареники с сыром были?

– Были, были. И вареники были, и галушки, и пельмени. Одним словом, все было, окромя жаб, кольраби, сушеной капусты да как его...

– Скаркон, что-ли?

– Эскарго²⁴⁴.

– Вот-вот. Оно самое.

– А про щи не сказал. Иль, по-твоему, князь Владимир брезговал русской пищей?

– Бач, бач, шо вин каже! Хиба шти ижа? Це все одно шо кольраби. Эгаль²⁴⁵. Володимир наш, кийвський князь, а в нас на Кийвщини шти нэ розумиють. Борщ – ось це смачна ижа.

– Да ладно тебе там, хитрожопый борщовник. А показали бы постные щи – небось облизывался бы... Откуда у нас, братцы, гетьвидмосковит²⁴⁶ сыскался?.. Продолжай, Соловей-разбойник.

– И впрямь Соловей-разбойник. Ну, рассказывай.

– Нет мочи, хлопцы. Дали бы пожевать чего, до утра рассказывал бы.

– Ух, как хочется кусать. Ну хоть бы лушпаек.

– Держи карман шире. Тут и траве бы рад, да всю уже выщипали.

– Да, братки, скоро подохнем мы в этой распроклятой Дойчлянд.

– Видно, и вправду сыграем в ящик.

– Здесь нам будет и конец.

– Как есть все подохнем тут.

– Ой, лыхо нам, хлопцы! Уси загинем у цей немецкой неволи!

Неожиданно объявили о поголовном медицинском осмотре. Загнали нас в эсраум²⁴⁷, заставили раздеться догола и построили в затылок. Врач стал на дистанцию вытянутой ноги от правофлангового. Спрятав руки за спину, он брезгливо разглядывал наши тощие телеса.

– Хенде хох!²⁴⁸

Слова команды он дополнял пинками и бранью. Так, чтобы повернуть пленягу кругом, сей эскулап бил его ногой в живот или в бок и при этом рычал:

²⁴³ ППШ – пистолет-пулемет системы Г. С. Шпагина, принятый на вооружение Красной армии 21 декабря 1940 г.

²⁴⁴ Виноградные улитки.

²⁴⁵ Эгаль – здесь: то же самое, от *фр.* *egale* – равный.

²⁴⁶ Одно из прозвищ украинских националистов. Автор призыва «Геть від Москви!» («Прочь от Москвы!») – украинский писатель, поэт и общественный деятель Микола Хвильевой (наст. имя и фамилия Николай Григорьевич Фитилёв, 1893–1933). Антимосковская (читай: антисоветская) агитация поддерживалась немецкими оккупационными властями. Так, одна из статей в газете «Українська думка» носила название «Геть від Москви! Орієнтація на психологічну Європу».

²⁴⁷ Столовая (*нем.*).

²⁴⁸ Руки вверх!

– Рум!²⁴⁹

Потом отпихивал обследованного, толкая всей ступней в ягодицы.

– Вег! Нексте!²⁵⁰

Медицинское обследование, скорее напоминавшее сеанс французского бокса²⁵¹, продолжалось не более 10 минут.

– Москау балд капут. Нох айне, хёхстенс цво вохе унд данн кришь аус²⁵².

Так, брызжа слюной, Фалдин извергает свои сокровенные мечты.

Врешь, майне фрау. Позором для вас кончится Drang nach Osten²⁵³, как кончился когда-то.

Четвертому Риму не быть!²⁵⁴

Настанет день, не будет и следа
от ваших Постумов, быть может!²⁵⁵

Так и кажется, что это написано сегодня.

Изо рта Фалдина летят брызги.

– Никс гуте камраден руссен. Кайне эрлишкайт. Иммер клауен, иммер штелен. Мусс аллес ферштекен. Хойте еманд фон майнем таше брот гекляут²⁵⁶.

– Молодец, так вам и надо.

– Погоди, еще не так разбомбим: без штанов домой пойдете.

– Правильно, ребята. У русского не тронь, а у немца сам бог велел пикировать.

– Вас, вас?²⁵⁷

– Хрен тебе в глаз.

– Я-а-а. Хаб аух венишь брот²⁵⁸.

– Хрен тебе в рот.

– Нед ферштее²⁵⁹.

– Хреном по шее. Вот тогда, может быть, поймешь.

– Я-а. Ишь бин аух арме тойфель²⁶⁰.

Подходит Педа Либишь.

– Вас ист денн лёс, Фалдин?²⁶¹

– Руссен брот гекляут²⁶².

---

²⁴⁹ Кругом!

²⁵⁰ Прочь! Следующий!

²⁵¹ Имеется в виду сават – французское боевое искусство, в котором удары наносятся как руками, так и ногами.

²⁵² Скоро Москве конец. Еще одна, самое большое две недели – и тогда война кончится.

²⁵³ Наступление на Восток.

²⁵⁴ Вольное изложение цитаты из послания великому князю Василию III старца псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея (ок. 1465 – 1542) – автора концепции «Москва – Третий Рим»: «*Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти*».

²⁵⁵ Неточная цитата из стихотворения А. А. Блока «Скифы» (1918).

²⁵⁶ Русские – плохие товарищи. Никакого понятия о честности. Всё тащат, всё воруют. Я должен все прятать. Сегодня кто-то вытащил хлеб из моего портфеля.

²⁵⁷ Что, что? (нем.).

²⁵⁸ Да-а-а. У меня тоже мало хлеба.

²⁵⁹ Не понимаю.

²⁶⁰ Да-а. Я ведь тоже бедный человек.

²⁶¹ Что тут произошло, Валентин?

²⁶² Русские украли хлеб.

– Я, я. Гут, гут... Аба золль никс дем шеф заген. Ди арме лёйте иммер хабен хунгер²⁶³.
Фалдин никому не сказал.

Cogito – ergo sum²⁶⁴.

Sum ergo cogito²⁶⁵.

Какая жизнь без мысли, без думы!

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать²⁶⁶ (то есть чувствовать, любить).

Мыслить и любить – вот содержание полноценной жизни.

А мысль пленяги взлететь не может: она скована, как сковано тело.

Запереть мыслящего человека, истязать его физически и морально и вдобавок ко всему этому лишить духовной пищи – вот безмерная жестокость. Как тут не вспомнить свирепость мучителей Уголино²⁶⁷.

Настанет день, и рухнет башня глада.

Тогда берегись, Tedesco Rugieri²⁶⁸.

Непереносимы муки физического голода. Они превращают человека в бессловесное четвероногое. Шаришь воспаленными глазами, роешься в мусорке, тащишь всякое дерьмо в рот.

А разве духовный голод лучше? Нередко и он клонит долу очи пленяги, жаждущего пищи для ума. Найдешь в альтпапиркорбе²⁶⁹ обрывок газеты или страничку журнала – и рад им, словно пайкам и лушпайкам. Заберешься куда-нибудь подальше от вахманских глаз и читаешь, пока вокруг не лягут сумеречные тени.

– Литератор!! – злобно говорит Мацукин. – Книгами да совестью питаешься.

– Видать, не все сало вытопили фрицы, в кишках еще осталось. Погоди, скоро выбросишь свои листочки в аборт.

– Без книги подохнешь и с книгой подохнешь. Как ни крутись, браток, а все равно сыг-раешь в ящик.

– Бог не выдаст, свинья не съест. Авось не подохну.

– Что же, ты средство какое знаешь? Говори, может, и нам поможет.

– Средства не знаю, а поддаваться психозу голода не стану. Печатное слово как раз и помогает мне бороться с ним.

– Вот антимию развел. Сплошная черная магия.

– Не спасут, браток, и черные книги²⁷⁰. Все равно подохнешь с нами.

А я продолжал собирать клочки газет и журналов. Правда, это была геббельсовская печатная брехня, но я научился анатомировать ее и читать между строк. Кроме того, кое-что узнавал от Фрица и Адама, слушавших тайком советское и английское радио. Так постепенно, по кусочкам воссоздавалась правда о положении на фронтах, о внутренней политике

²⁶³ Да, да. Хорошо. Но ты не должен говорить шефу. Ведь эти бедные люди всегда голодны.

²⁶⁴ Я мыслю, следовательно, я существую.

²⁶⁵ Существую, следовательно, мыслю (*лат.*).

²⁶⁶ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») (1830).

²⁶⁷ Граф Уголино делла Герардеска (ок. 1220 – 1289) – свергнутый правитель Пизы. Выведен в «Божественной комедии» Данте, где рассказывается о его смерти вместе с сыновьями от голода.

²⁶⁸ Руджери дельи Убальдини (? – 1295) – итальянский архиепископ, чье имя также упоминается в «Божественной комедии» Данте. Переселение Руджери в Пизу совпало с началом конфликта между сторонниками Уголино и Висконти. Войдя в доверие к Висконти, Руджери способствовал разжиганию конфликта, закончившегося восстанием, в котором сторонники Уголино потерпели поражение. Согласно версии Данте, заимствованной из хроник, Руджери заключил Уголино вместе с двумя сыновьями и двумя племянниками в башню Муда (башня Гваланди), где они умерли от голода. У Данте в 9-м круге Ада Уголино, отвлекаясь от поедания своей жертвы – архиепископа Руджери, рассказывает ему свою историю.

²⁶⁹ Корзинка для старой бумаги.

²⁷⁰ Черными книгами называют издания по черной магии и оккультизму.

фашистской Германии, о фактическом бесправии немцев-рабочих, об изуверском плане Гитлера уничтожить русский народ, о стремлении нацистов построить *Neue Europa* (*Neue Ordnung in Europa*)²⁷¹ по спартанскому образцу, то есть превратить всех немцев в илотов, добывающих материальные блага для нордических спартиатов.

Товарищи стали иногда обращаться с вопросами:

- А что наши, всё отступают или уже остановились?
- А как англичане?
- А где Сталин?

Число вопросов с каждым днем возрастало, беседы делались более частыми и продолжительными. В истерзанных пленящих душах, где почти вся интеллектуально-эмоциональная сфера подавлена пищевой доминантой, постепенно пробуждались проблески мысли. Правда, некоторые еще говорили:

- Нет, силен распроклятый немец. Не выдюжить нашим.

Но уже звучали и другие голоса:

- А может, и прав Сталин: победа будет за нами²⁷².

Многие не удовлетворялись и этой робко высказанной надеждой.

- Врешь, Петро, совсем не то говоришь. Скажи – Сталин прав: победа будет за нами!

Саша Сценцов²⁷³ возмущен своим напарником по станку Харисом Каримовым.

– Сволочь черножопая. Мало того, что он добровольно чистит немецкий аборт, чуть ли не языком вылизывает стульчаки. Теперь он вкалывает на станке так, что немцев оторопь берет.

– Это верно. Позавчера подошел ко мне Фриц Штайнбрешер: «Чего хочет добиться Каримов своей сверхскорой работой? Скажите ему, чтоб он замедлил темпы». Говорил Каримову. А что толку: он все равно свою линию тянет.

- Ну а что делать мне – напарнику Каримова?

- Как что? Уж не думаешь ли ты равняться на него? Или и тебе мерещится экстрапайка?

– Плевать я хотел на экстрапайку. Но ведь шеф скажет: «Варум-почему? Каримов гут арбай, и ты, дескать, мус гут арбай»²⁷⁴.

- А ты плюнь и на дике швайн²⁷⁵, и на черножопого гада.

- Да, тебе хорошо говорить. А как набьют морду да посадят в карцер без баланды и пайки!

- Ну и что ж такого? Не ты первый, не ты последний.

- Хорошо еще, если в карцер, а то, пожалуй, в гештапо за саботаж.

- погоди, оторву Каримову голову да в немецкий аборт брошу.

- Гляди, какой герой сыскался. Небось скоро сам начнешь втыкать.

- Шалишь, брат. От моей работы немцам накладно будет. Знаешь, где мое рабочее место?

Вон, по ту сторону карцера.

²⁷¹ «Новая Европа», «Новый европейский порядок» – политический строй, который нацистская Германия стремилась установить на оккупированных территориях. Считалось, что «новый порядок» будет построен на принципах народности и немецко-нордического вожизма. Это означало признание расового неравенства различных народов, объявление одних «народами господ», а других пригодными лишь к повиновению. Сообщество народов с их разными расово-биологическими ценностями должно создать, по убеждению теоретиков НСДАП, естественную целостность Европы, покоящуюся на законе «органической свободы». Подробнее см.: *Буханов В. А.* Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945). 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2013.

²⁷² Слова «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» были произнесены В. М. Молотовым в обращении по радио к советскому народу 22 июня 1941 г. В выступлении И. В. Сталина 3 июля 1941 г. присутствовало схожее выражение: «...все <...> видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить».

²⁷³ Так в тексте. Видимо, имеется в виду Саша Сизенцов, упоминаемый далее.

²⁷⁴ Хорошо работает... должен хорошо работать.

²⁷⁵ Толстая свинья.

Саша Романов показал в сторону пленяжьей уборной. Там наше основное убежище, ферштек, рефушум²⁷⁶, место для маскировки.

Яркое, но почему-то холодное солнце. После митагсбаланды²⁷⁷ греюсь во дворе. Петро Ткаченко и вся его «комиссионка» заняты поисками пищи.

– Брось, Петро, – говорит Беломар, – двор чисто выметен, ничего не найдешь.

Петро не отвечает. Вдруг из кучи металлических стружек он извлекает нечто. К нему спешит бывший конник по прозвищу Кронштадт.

– Ну что там, Кронштадт?

– Капуста.

– Много ли?

– Эскадрон.

– Хорошая?

– Комсоставская.

Адам смял газету и, мигнув мне, бросил под верстак. Улучив момент, я поднял ее. «Deutsche Allgemeine Zeitung»²⁷⁸. После ужина переводил ее ребятам и по-своему комментировал. Неожиданно вошел Самурай. Я не успел спрятать.

– Газета. Кто тавай?

– Нашел в альтпапиркорбе.

– Пошему?

– Курить, раухен.

Оторвал клочок, вытряс пыль из кармана и стал скручивать сигарку.

Водили в энтлязунганштальт. На сей раз почти каждый взял с собой торбочку. Куча мусора оказалась на том же месте. Как обычно, набросились на нее. Осторотенко посчастливилось выудить кость. Другой бы утаил от товарищей, а этот просиял и стал размахивать ею над головой.

– Ребята, гляди: мясо нашел!

Кинулись к Остротенко²⁷⁹, чтобы вырвать из рук лакомый кусок, но счастливчик вовремя отбежал в сторону. Обласкав добычу нежным взглядом, он начал глотать ее на зависть всем.

– Как вкусно, хлопцы! Эх, давно я мясного духа не чуял.

Удачливее всех Вареник: он нашел большую банку, набитую каким-то густым жиром.

– Добрый жир, хлопчики. Теперь заживу.

И я запустил руку в кучу и вытащил толстенную книгу большого формата. Это комплект журнала «Die Woche»²⁸⁰ за 1885 год. Теперь надолго хватит чтива.

Сунул книгу в Плаксунову торбу. Там килограмма 4 лушпак. Плаксун рад, как ребенок конфетке.

– Вместе будем варить, Георгий.

Несли торбу по очереди.

Вареник продал и обменял часть жира. Взял у него и Беломар. Поев этого жира вместе с вареными лушпайками, он чуть не кончился.

---

²⁷⁶ Refuschum – отказ (нем.). Здесь: место, где прячутся «отказчики».

²⁷⁷ Дневная (обеденная) баланда. От Mittag (нем.) – полдень.

²⁷⁸ Deutsche Allgemeine Zeitung (DAZ) («Немецкая всеобщая газета»; Берлин, 1861–1945).

²⁷⁹ Автор пишет фамилию по-разному: Осторотенко и Остротенко.

²⁸⁰ «Неделя» (нем.) – иллюстрированная еженедельная газета, выходившая в Берлине с 1899 по 1944 г., в которой сообщалось о популярных развлечениях, преступлениях, жизни знаменитостей.

– Ей-богу, Георгий, это какая-то отрута²⁸¹. Ведь так недолго отдать концы.

А Вареник ест да похваливает:

– Ешь, Беломар, поправляйся. Добрый жир. Такого бы нам побольше.

– Дайте-ка посмотреть, что за жир.

Вареник протягивает банку из белой глины. Внутри – светло-коричневая жирная масса. На этикетке: «Salbe, für äusseren Gebrauch»²⁸².

– Ну что, Георгий?

– Ничего...

– Значит, добрый жир – можно пользоваться?

– Вполне. Это лучшее средство от чесотки²⁸³.

– Ну ви гут?²⁸⁴

– Прима, Фриц, вундершен²⁸⁵.

– Зо?²⁸⁶

– Яволь²⁸⁷. Так нам хорошо, так расчудесно, что до Нового года все подохнем здесь.

Фриц смотрит mitleidig²⁸⁸ и качает головой.

– Знаете, Шош, если победит Россия, вы вернетесь домой. Но если верх возьмет Германия, родины вам не видать.

Конечно, это истина. Кто же станет ее оспаривать? Однако слова Фрица чуточку меня покоробили. Собственно, не сами слова, а тон откровения, прозвучавший в них. Дескать, ты не совсем отчетливо представляешь это, потому что русский! Вот Фриц Штайнбрешер хорошо понимает обстановку, ибо он немец.

Многие немцы заражены идеей превосходства германской нации над другими народами Земли. Зараза проникла даже в умы антифашистски настроенных рабочих. Нет-нет да и сорвется у них с языка:

– Чистоплотнее немца нет никого на свете, умнее тоже. Немецкий рабочий – самый трудолюбивый и высокопроизводительный рабочий в мире.

Геббельс и Лай²⁸⁹ играют на этой струнке.

Скрипнула дверь, ведущая из конторы в цех.

– Руе, шеф киммт²⁹⁰, – шепчет встревоженный Педа по прозвищу Сакрамент (у него с языка не сходит «Sakramento noch emol»²⁹¹, поэтому мы дали ему эту кличку).

Немцы истово застучали молотками, засуетились около своих рабочих мест.

В цех вваливается туша, именуемая «Хер шеф Кишлер»²⁹². Это высокий старик с оплывшей мордой, толстыми ляжками и гомерическим брюхом. Он едва влачит свои телеса, опираясь на суковатую палку.

²⁸¹ Яд, отравы (укр.).

²⁸² Мазь. Для наружного употребления.

²⁸³ Ср. с дневниковой записью бывшего военнопленного, писателя С. П. Злобина: «Больной спер ложку мази Вишневого, продает ее: ложка – пайка хлеба. Говорят: на хлеб с солью “вкусно!” (пахнет дегтем)» (Злобин С. В Минском лагере военнопленных: из записных книжек 1941–1942 гг. // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1966. Кн. 2. С. 139).

²⁸⁴ Ну как, хорошо?

²⁸⁵ Прекрасно, Фриц, чудесно (нем.).

²⁸⁶ Вот как?

²⁸⁷ Так точно (нем.).

²⁸⁸ Сострадательно.

²⁸⁹ Имеется в виду Роберт Лей.

²⁹⁰ Тише, шеф идет.

²⁹¹ Sakramento noch mal (нем.) – О черт! Проклятье!

²⁹² Господин начальник Кишлер (нем.). Возможно, имеется в виду August Küchler. Проживал по адресу Annastrasse, 18.

Немцы подобострастно склоняют выи. Кишлер лает, подняв руку:

– Хайля!

– Хай Гитлер сдохнет! – громко произносит Саша Романов.

Шеф услышал. Кося глазом на Сашу, он что-то говорит обер-мастеру. Тот подлетает к Романову и, тыча в грудь ему кулаком, орет:

– Золль никс унзере дойче хитлербекенунгсгрусс анвенден. Мусс иммер заген: «Гутен морген одер гутен таг, майн либер херр шеф». Ферштанден?²⁹³

– Ист аух фауленца, – кричит шеф, – нексте цво вохе хальбрацион унд кайн табак!²⁹⁴

Продолжая «физит», как говорят немцы, шеф остановился перед станком, на котором работает 15-летний лерлинг²⁹⁵ Хайне. Вдруг Кишлер взмахнул палкой и, громко бранясь, ударил Хайне по правой руке, потом по левой и, наконец, по спине.

Оробевший малец понурил голову и опустил руки.

Окончив «физит», шеф удалился в бюро. Боязливо-льстивая маска мгновенно слетела с немецких лиц. Ленивее застучали молотки. К наказанному лерлингу крадется Халим.

– Ну ви, Хайне, шмект эс гут?²⁹⁶

– Ге форт, ляусбуб!²⁹⁷

– А ду пригельбуб²⁹⁸.

– Варум ляхст ду? Ибералль унд ибераус ист зо. Ин Русслянд аух зо²⁹⁹.

– Никс зо. Ин Руслянд мастер клёпфт айнмаль – гляйш ин гефенгнис³⁰⁰.

– Гляубе нет³⁰¹.

– Дох, чтоб ты сдох.

Инженер подобострастно склоняет голову перед шефом, мастер в три погибели гнется перед инженером, рабочий раболепствует перед мастером.

Но стоит сильным мира сего уйти за дверь – рептилия распрямляет свои позвонки. Последний по своему общественному положению немец, какой-нибудь золотарь, пресмыкающийся перед рогатым шупо³⁰², вдруг осознает в себе иберменша³⁰³. Он свысока смотрит на русского и требует, чтобы тот называл его не иначе как «херр Вальтер» или «херр Кайдль». А у этого херра ровно ничего нет за душой кроме хера.

Вот она, «лествица» классово-расовых отношений в ариизированной Германии.

– Вы неохотно и однословно отвечали на мои вопросы, – говорит Фриц Штайнбрешер, – но я сразу понял, кто вы.

Ему вторит Адам:

---

²⁹³ Ты не должен употреблять наше немецкое приветствие – выражение преданности Гитлеру. Ты должен всегда говорить: «Доброе утро или добрый день, мой дорогой господин шеф». Понял?

²⁹⁴ Кроме того, он лентяй. Следующие две недели будет получать половину рациона и ни грамма табака.

²⁹⁵ Ученик.

²⁹⁶ Ну как, Хайне, вкусно?

²⁹⁷ Иди прочь, вшивый мальчишка!

²⁹⁸ А ты – мальчик, которого бьют.

²⁹⁹ Чему ты смеешься? Всюду и везде так. В России тоже так.

³⁰⁰ Нет, не так. В России мастер ударит раз – тотчас в тюрьму.

³⁰¹ Не верю.

³⁰² Сокращение от Schutzpolizei (нем.). Так называлось специализированное полицейское формирование по обеспечению общественной безопасности и порядка, составная часть земельной полиции. Прозвище полицейских «рогатые» возникло из-за особенностей каски М1933 с характерным навершием – «гребнем». В 1933 г. она была снята с производства и заменена моделью М1935, а оставшийся запас передан пожарным и полиции.

³⁰³ Сверхчеловека.

– Ваша сдержанность только подтвердила мои первые впечатления и предположения. Не пытайтесь возражать. Я замечаю, что вы имеете влияние на своих товарищей. А меня не бойтесь: я тоже коммунист.

Они думают, что я Agent von Stalin³⁰⁴, имеющий секретное поручение вести пропаганду и завязать связи с подпольем.

Ах, если бы только существовало подполье! Но мне думается, что КПГ, как организованной политической силы, в Германии нет. Часть ее членов физически уничтожена, часть эмигрировала, часть в кацетах, часть покоричневела, а немалая часть уподобилась премудрому пескарю³⁰⁵. Что же касается таких людей, как Фриц и Адам, то у них ничего нет, кроме антифашистских взглядов и настроений. Во всяком случае, они не отваживаются на смелые поступки и серьезные действия.

Вспомнилась беседа с А. В. Поздняковым в 1940 г.

– Я, Георгий Николаевич, только что с пленума райкома партии. Слушали доклад члена ИККИ³⁰⁶.

– Интересно?

– Очень. Оказывается, наша братская КПГ замечательно работает в подполье: печатаются газеты, разбрасываются листовки, действуют тайные радиопередатчики. Солдаты ненавидят фашистов. Если Гитлер нападет на нас, то немецкие солдаты повернут свое оружие против него.

– Болтовня.

– То есть как болтовня? Ведь это слова ответственного товарища, члена ИККИ.

– А болтает он безответственные благоглупости. Нам нужно рассчитывать только на свои силы, а не на помощь КПГ. Имейте в виду, что солдаты гитлеровской армии будут упорно драться с нами.

Вот где подлинная правда. С иллюзиями же и с шапкозакидательством надо жестоко бороться, ибо они могут дорого нам обойтись.

Эта беседа была перед войной. Сейчас вижу, что иллюзии тех лет нанесли нам огромный ущерб.

Фриц Штайнбрешер хочет выведать мое отношение к Германии, мои чувства к ней. Он начинает исподволь.

– Дойчлянд ист шене лянд, ништ вар?³⁰⁷

– Вас майнен зи: дойче натур?³⁰⁸

– Я, натур аух³⁰⁹.

– Вайс нихт бешайд. Ихь кенне нур унзере галера унд зонст гар нихт³¹⁰.

– Унд дойче культур?³¹¹

– Фюр михь унд майне камраден дойче культур ист: хунгер, цвангзарбайт, целле, кацет, бешимфен унд книпель³¹².

– Филляйшт, зи хассен Дойчлянд?³¹³

---

³⁰⁴ Агент Сталина.

³⁰⁵ Отсылка к сатирической сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь» (1883).

³⁰⁶ ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

³⁰⁷ Германия – прекрасная земля, не правда ли?

³⁰⁸ Что вы имеете в виду: природу Германии?

³⁰⁹ Да, природу тоже.

³¹⁰ Не знаю ее. Я знаю только нашу галеру и ничего больше.

³¹¹ А немецкую культуру?

³¹² Для меня и моих товарищей немецкая культура – это голод, каторжная работа, карцер, концлагерь, брань и битье.

³¹³ Может быть, вы ненавидите Германию?

– Об хас ихь?... Маг зайн. Я, ихь хасе... унд либе³¹⁴.

Россия – сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..³¹⁵

Кажется, Тибулл сказал: *Amo et odio*³¹⁶. Вот слова, которыми можно выразить мое отношение к Германии. Люблю Германию, давшую человечеству сокровища гуманистической культуры. Ненавижу Германию, зачумленную человеконенавистничеством.

Бьет девять. Вожделенный час фриштыка³¹⁷.

С душевным трепетом приступаем к дележке паек. Плаксун перерезает килограммовую буханку вдоль, потом каждую половинку на три части. Пять частей он выкладывает в ряд, а от шестой отрезает добавки для уравнивания паек.

– Ну как, добре?

Все горят нетерпением, но каждый боится промахнуться.

– Отбавь отсюда, добавь сюда.

– Ну теперь?

– Ця малэнька.

– Куда еще добавить?

– Кажись, равные. Ну давай, Беломар, отворачивайся.

– Кому?

– Мне.

– Кому?

– Тебе.

– Кому?

– Георгию.

– Кому?

– Гарасиму.

– Кому?

– Халиму.

– Всё, фетишь³¹⁸.

Начинается второй акт священнодействия. У каждого выработался свой ритуал, свои приемы обращения с пайкой. Удмурт (прозвище Вершинина) делит ее на 8 частей. Семь долек он рассовывает по карманам (через час по чайной ложке), а восьмую съедает тут же на месте. Проглотив кусочек, хлопнет себя по впалине, где полагается быть пузу, и скажет пресерьезно:

– Уф, наивься!

Быстро расправляется с пайкой Беломар. Слизнув последнюю крошку с ладони, он грустно скажет:

– Считай, день прошел, пайка съедена. Ждешь, ждешь этого мгновения, как светлого праздника, а счастье пролетит, как сон.

---

³¹⁴ Ненавижу ли я? Может быть. Да, я ненавижу... и люблю.

³¹⁵ Цитата из стихотворения А. А. Блока «Скифы».

³¹⁶ Люблю и ненавижу (*лат.*). Альбиус Тибулл (55–19 до н. э.) – латинский поэт.

³¹⁷ Завтрак.

³¹⁸ Искажённое «фertiшь» – готово (от *нем.* Fertig). У автора здесь и далее – «фетишь».

Машкин срезает ажурные листики. Они не толще ватмана. Обильно умастив их солью, ворованной у Кайдля, он старательно растирает ее черным пальцем. Потом сосредоточенно откусывает микрокусочки и долго со вкусом жуёт.

– Мишка, – раздраженно говорит Саша Романов, – перестань! Прекрати свои фрицевские штучки. Кушай по-русски, а то сброшу с лавки.

– А тебе какое дело? Моя пайка, ем как хочу.

– Противно смотреть на твои немецкие манеры, точно фрау³¹⁹ какая. Ты, наверно, не русский, а фольксдойч.

– Сам ты фольксдойч. А вот назло тебе буду есть как фройляйн.

– Ну и упрямый же ты осел. А ну, слазь с лавки!

Машкина спихивают на пол. Однако эта мера не помогает: он упорно продолжает свое колдовство с пайкой.

Садо (Васько), получив пайку, тут же прячет ее за пазуху, садится на корточки и сосет пустую трубку. С двумя вещами Садо не расстается: с котелком и с трубкой. В котелок он получит митагсбланду и понесет ее в цех, маскируя себя и свое богатство. Потом сюда же вольтует его вечернюю порцию. Садо поставит котелок на печку, всыпет сюда же искрошенную пайку и долго-долго мешает варево, подливая все время воду. Когда в 20-00 прогонят в барак и запрут, кончится сейрам и начнется байрам³²⁰ Садо.

Прячет пайку и Верченко. В будни он совсем не ест хлеба. Зато к воскресенью у него накапливается семь паек. Вот тут-то и наступает для Верченко великдень³²¹.

Но всех превзошел Гарасим Самборский. Сей охочлаченный поляк совсем не ест хлеба. Чому?

Тому, шо вин дуже «мондрый»³²². Вин бажае усих перемондрить: и нимцив, и русских, и навить смерть. Думка у його така: як переможе Гитлер – купляю соби хату на Україні; як переможе Сталин – купляю хаус у Німечини та заживу бауэром. Так чи нэ так, а усё гарно³²³.

Вот он и продает пайки, получает финики. Копит гроши для покупки хаты чи хауса. Скоро месяц, как Гарасим не прикладывался к пайке, питаясь одной баландой. Оголодал, ото-щал, а не сдается. Видно, вправду говорится, что мечта сильнее смерти.

А хлопцы издеваются над ним:

– Слышь, Гарасим! Говорят, что все хохлы больно хитрожопы. А уж хитрожопее тебя, почитай, нигде на свете нет.

Не так давно мы ругмя ругали Немечину еще и за то, что зябли днем, дрожали от холода ночью. Браним ее и теперь, но уже за удушливые ночи. Мы изнываем, гибнем, сходим с ума. Нет предела нашим мукам.

Яркое солнце накаляет за день крышу и стены. В запертый барак свежий воздух не поступает, ибо единственное окошечко с железной решеткой закупорено. Так как кубатура барака 60 м³, а напихано в него 50 пленяг, то на каждого приходится 1,2 м³. Открытая параша-кибель слишком мала для 50 человек. К середине ночи она наполняется до краев. Вонючая жидкость разливается по выщербленному цементному полу, подтекает под койки, забирается во все щели. Напоенный ее парами горячий воздух душит нас всю ночь напролет. Нечем дышать, некуда скрыться, негде преклонить голову свою.

³¹⁹ Искажённое «фрау» – женщина (нем.).

³²⁰ Байрам – здесь: праздник (тюркск.).

³²¹ Великдень – народное название Пасхи у восточных и некоторых южных славян.

³²² Мондрый – умный, рассудительный; от *mađry* (польск.).

³²³ Он думает всех перемудрить: и немцев, и русских. Мысли у него такие: если победит Гитлер – куплю себе хату на Украине, а если победит Сталин – куплю дом в Германии и заживу своим крестьянским хозяйством. Что так, что этак, а всё хорошо (укр.).

О, если бы покой был на земле,
О, если бы покой найти в земле!
О. Хайям³²⁴

В журнале «Die Woche» за 1888 г., добытом мною в вошебойке, прочел роман о Евгении Савойском: *Prinz Eugen – der edle Ritter*³²⁵. Автор пишет, между прочим, о тактике «голой пустыни» или «выжженной земли», которую в XVII веке применили французы. Они жгли тогда немецкие города и села, опустошали поля, рубили виноградники, угоняли в рабство мирное население. Разумеется, автор с негодованием говорит об этой варварской тактике Людовика XIV³²⁶.

Значит, Гитлер не оригинален и здесь. Правда, ученик превзошел учителя. Король-Солнце выглядит сейчас желторотым младенцем по сравнению с бесноватым фюрером.

Говорили о том, сколько дней может жить человек без пищи.

– Тыждень³²⁷, – сказал Плаксун.

– Нет, больше, – возразил Беломар, – дней десять.

– А я знал человека, который голодал 40 дней.

– Брехня.

– Истинная правда. Помню даже фамилию: Шевелёв. Он болел язвой желудка. Врачи решили: «Оперировать поздно, безнадежно». Знакомый сказал: «Есть радикальное средство, но вы не выдержите». – «Какое?». – «Голодать». – «Выдержу». Сорок дней и сорок ночей ничего не ел. Вылечился.

– Совсем ничего не ел?

– Абсолютно.

– Чудно что-то. Даже не верится.

– Почти невероятно, а не выдумка.

Правда, одно дело, когда сам идешь на это, и совсем другое, когда тебя немцы морят голодом. Второе перенести гораздо труднее.

Помню, во дни юности мне приходилось часто голодать. Моя студенческая жизнь была перенасыщена голодовками. В те годы я ел три, а иногда два раза в неделю. Голодал я и позже, но уже, правда, с целью закаливания. Однажды, это было в Свердловске в 1932 году, я в течение 10 суток ничего не ел и не пил. Перенес голодовку легко, на ногах, не бросая работы на Верх-Исетском заводе, куда каждый день ходил пешком из центра города.

Может быть, эта закалка сделала меня менее подверженным психозу голода.

Днем солнце накалило кровлю, стены, раздвижные железные двери. Вечер и ночь не принесли прохлады. В бараке невыносимая жара, спирающая грудь духота, вонь. В горле сухо, тело горит, нервы натянуты до предела.

А тут еще, неведомо по какой причине, у Вершинина заболел живот.

– Ребята, разрешите сходить в парашу!

– Лежи. Параша не для того дела.

---

³²⁴ Целиком рубаи звучит так: О, если бы покой был на земле! О, если бы покой найти в земле! Нет! – оживешь весеннюю травой И будешь вновь растоптан на земле. Перевод И. Тхоржевского. Приводится по: Хайям О. Четверостишия избранные. Сталинабад, 1954.

³²⁵ «Принц Евгений, рыцарь славный» (*Prinz Eugenius, der edle Ritter...*) – начало популярной в Австрийской империи песни, посвященной повторному взятию Белграда в 1717 г. принцем Евгением Савойским во время Австро-турецкой войны 1716–1718 гг. Принц Евгений Савойский (1663–1736) – полководец Священной Римской империи, генералиссимус.

³²⁶ Людовик XIV (1638–1715) – король Франции и Наварры (1643–1715). Автор имеет в виду эпизоды войны за Пфальц в 1688 г., когда Людовик приказал своим войскам занять Бонн и напасть на Пфальц, Баден, Вюртемберг и Трир.

³²⁷ Тыждень – неделя (укр.).

- Ребята, мочи нет.
- Терпи. Раньше-то о чем думал? Мог бы сходить до восьми часов.
- Тогда не хотелось, а сейчас терпежу нет.
- Не знаю, откуда только у тебя берется. Тут по неделе не ходишь, а у него живот болит.
- Верно говоришь, ходить-то ведь нечем.
- Хлопцы, пустите! Ой, не могу больше!
- Тебе говорят, Удмурт, не смей!

Головы поднялись, руки протянулись к Вершинину, пытаясь его удержать. Он вырвался и присел над парашей. Зловонный воздух стал еще плотнее, гуще, удушливее.

– Сволочь, Удмурт черножопый! Видать, ты заодно с фрицами. Ты хочешь, чтоб мы задохнулись в бараке, как в душегубке!

Припадок безумной ярости охватил всех. Соскочив с коек, бросились к Вершинину и стали его бить, сопровождая удары истерическими воплями. Потом, свалив на землю, топтали Удмурта ногами. Били, топтали и выкрикивали злобные слова, выражавшие самые нелепые, сумасшедшие мысли. Можно было подумать, что он, единственно он – виновник всех наших несчастий.

– Ребята, не троньте, – взмолился Вершинин, – не бейте меня! Я накрою парашу своим одеялом.

– Вот тебе параша, вот тебе кибель. Из-за вас, черножопых, страдали раньше, страдаем теперь!

Расправа продолжалась.

Но вот затихли злобные крики, неистовые вопли. Наступила реакция.

В эту ночь никто не мог уснуть. Измученные пленяги долго ворочались на лежанках, метались, били ногами поперечину койки, всхлипывали, стонали, изрыгали хулу всем и вся.

- За что? Чем виноват? Перед кем? За какую вину такие муки?
- Зачем я жив остался? Почему не подцепила меня на фронте поганая фрицевская пуля?
- Скорей бы подохнуть! Чем так мучиться, лучше смерть в газвагоне.
- Мамо, маты ридна! Чи чуешь ты, як стогне, як гине твоя кохана дитына?³²⁸

В команде есть люди, заслужившие благоволение шефа – экстрапайку. Но их немного, и они у нас не в чести. Каждый пленяга норовит учинить им какую-нибудь пакость, вынуть и спрятать резцы, утащить штангель³²⁹ и лекала, пережечь мотор, испортить станок.

Подавляющее большинство нашего брата не работает, а маскируется, просиживает в аборте (уборной), прячется в кеселе (котле) или в других ферштеках (потайных местах). Когда же нас вылавливают и приводят к рабочим местам, мы заставляем станки работать вхолостую, ломаем сверла и резцы, долго их точим.

Отношение немцев к такому скрытому саботажу – презрительно-благожелательное. Презируя нас якобы за исконную русскую лень, они тычут нам в нос своим истинно немецким трудолюбием. Вместе с тем они довольны нашей медлительностью, ибо в противном случае шеф будет их подгонять. «Ду мусс иммер шаффен, дамит бевайзен, дасс дойче арбайтер ист арбайтслюстигсте менш ин дер вельт!»³³⁰

Они постоянно твердят нам: «Русские не умеют работать так, как работаем мы – немцы».

Многие пленяги поддерживают эту иллюзию, маскируя леностью саботаж. На днях подслушал беседу двух немцев.

---

³²⁸ Мама, мать родная! Чуешь ли ты, как стонет, как погибает твое возлюбленное дитя? (укр.).

³²⁹ То есть штангельциркуль – прибор, предназначенный для высокоточных измерений наружных и внутренних линейных размеров, а также глубины отверстий.

³³⁰ Ты должен всегда трудиться, чтобы доказать, что немецкий рабочий – самый трудолюбивый человек в мире.

- В России мужчины не работают, – говорит Филипп.
- Кто же пашет, плотничает, делает машины, доит коров? – удивляется Макс.
- Женщины.
- А что же делают мужчины?
- Пьют водку, дерутся или спят на печке, как медведи.
- Не может быть.
- Правда. Спроси любого русского.
- Беломар, ист дас вар?³³¹
- Я, я. Штымп³³².
- Либе гот! Вундерзаме фольк³³³.
- Таково их знание России. Туманное и анекдотичное, как во времена Геродота³³⁴.

Бетрибсобманн³³⁵ Монн спрашивает о положении рабочих в России.

Рассказываю об оплачиваемых отпусках, государственном страховании, бесплатном лечении, санаториях и домах отдыха для трудящихся, пионерских лагерях, школах и о многом другом. Монн сомневается, недоверчиво качает головой.

- Неужели все это действительно есть в России?
- Конечно, есть и было бы еще больше, если бы вы не напали на нас.

Фриц говорит, что Монн хороший человек, но голова у него не совсем в порядке. Я не раз убеждался в справедливости этой оценки. Действительно, мозги у Монна немножко набекрень. Самые несовместимые понятия и явления легко укладываются в его черепной коробке. Помню, он как-то на днях восторженно говорил о Карле Либкнехте, Розе Люксембург и Эрнсте Тельмане³³⁶.

– Да, это настоящие вожди рабочего класса. Тельмана я много раз видел и слышал. Хороший человек. Он любим всем немецким народом. Ах, если бы Тельман был у власти, этой войны, конечно, не было. Ты знаешь, Шош, в 1914 году был убит мой отец, и я остался сиротой. Страшно подумать, что эта война может осиротить мою восьмилетнюю дочку.

Монн печально склонил голову. Потом он снова поднял ее и патетически воскликнул:

– Кришь ист никс гут. Унд варум золлен вир кемпфен? Ду бист арбайта, ишь аух арбайта. Альзо вир зинд бруда. Аба заг эмоль, Шош, варум кришь, варум кришь?³³⁷

- Я, я, Монн, варум кришь?

Монн смущен вопросом. Он не знает, что ответить. Но, подумав немного, уверенно утверждает:

- Во всем виноваты евреи. Это они затеяли войну.
- По-твоему, Монн, все евреи – сторонники войны?
- Все без исключения, потому что все они капиталисты..
- Стало быть, Карл Либкнехт и Роза Люксембург тоже капиталисты и поджигатели войны?

---

³³¹ Это правда, Беломар?

³³² Да, да. Верно.

³³³ Боже милосердный! Какой странный народ.

³³⁴ Геродот Галикарнасский (ок. 484 – ок. 425 до н. э.) – древнегреческий историк.

³³⁵ Заводской уполномоченный Арбайтсфронта.

³³⁶ Либкнехт Карл (1871–1919) и Роза Люксембург (1871–1919) – немецкие революционеры, лидеры левого крыла германской социал-демократии, основатели Коммунистической партии Германии. Были схвачены и убиты после подавления восстания берлинских рабочих, направленного на свержение социал-демократического руководства Германии и установление советской власти (январь 1919 г.). Тельман Эрнст (1886–1944) – лидер немецких коммунистов, депутат рейхстага в 1925–1933 гг. Арестован 3 марта 1933 г., заключен в концлагерь. 18 августа 1944 г. расстрелян по прямому указанию Гитлера и Гиммлера.

³³⁷ Война – плохое дело. Почему мы должны воевать друг с другом? Ты рабочий и я рабочий. А значит, мы братья. Но скажи, Жорж, почему война?

– Что ты, Шош, наш Карл и наша Роза всю жизнь боролись против войны, всегда выступали за мир между рабочими всех стран.

– Но ведь они – евреи.

– Нет, Шош, Либкнехт и Люксембург – чистокровные немцы.

– Евреи, Монн.

– А я тебе говорю, Шош, немцы. Не веришь? Подожди, я сейчас спрошу у Фрица Штайнбрешера – он знает.

Через три минуты Монн возвращается.

– Ты прав, Шош, они – евреи³³⁸. Впрочем, это не имеет никакого значения. Кто бы ни были по национальности Карл Либкнехт и Роза Люксембург – они наши учителя и подлинные вожди германского пролетариата!

Тут Монн делает головомный скачок, заканчивая свою реплику аффектированным восклицанием:

– Ишь бин кайн фашист, аба ишь штербе фюр майн фюрер!³³⁹

Монн все-таки добился некоторого облегчения для нас. Со вчерашнего дня барак стали запирать с помощью особого приспособления, исключающего необходимость плотно сдвигать обе половинки раздвижной двери. Сквозь образовавшуюся щель нельзя просунуть руку, но можно мочиться в парашу, стоящую снаружи. Другая параша с крышкой ставится внутри помещения.

Стало лучше еще и потому, что через щель в барак проходит некоторое количество свежего воздуха.

Утром выдали новые кандалы³⁴⁰. Они тяжелы и неудобны, ибо выдолблены из цельного куска дерева. К тому же эти голыц-пантоффель (так их называют немцы) спадают с ног и сильно стучат³⁴¹.

В полдень явился фотограф из гештапо. Посадив пленягу на табуретку, он совал ему в руки большую черную дощечку (30 × 40 см), которую заставлял плотно прижимать к груди. На дощечке мелом выведены фамилия и номер.

Голод подретушировал наши лица: молодые красивые парни выглядят дикими людьми. Конечно, приложит старания и фотограф-гештаповец. Очень возможно, что эти снимки поместят в немецком журнале с подписью: «Типы русских солдат и офицеров». А рядом, для срав-

³³⁸ Карл Либкнехт евреем не был.

³³⁹ Я не фашист, но я готов умереть за своего фюрера.

³⁴⁰ Кандалы, колодки – так советские военнопленные называли деревянную обувь – сабо, выдаваемую военнопленным. Согласно классификации Ю. А. Апеля, немцы для пленных делали три вида деревянной обуви: Holzklumpen – выдолбленные из дерева «полуботинки», их называли колодками или клюмпами, Holzschuhe – ботинки с дерматиновым верхом на трехсантиметровой подошве, и, наконец, Holzpantoffel – деревянная подошва с козырьком впереди, как на ночных тапочках. См.: Апель Ю. Доходяга: воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М., 2009. С. 91–92.

³⁴¹ Ср. с воспоминаниями И. А. Лугина и Ф. Я. Черона: «Обувью служат большие деревянные колодки, очень неудобные для ходьбы. Быстро двигаться или бежать в колодках можно было только двумя способами, не отрывая ног от земли на манер лыжника или же высоко поднимая ноги, подобно породистому рысаку. Колодки стали опознавательным знаком советского пленного. Пленные других государств носили собственную обувь. В колодках нельзя было бежать, они слетали с ног на ходу. Быстро идти тоже не было никакой возможности. Для охраны почти 80 человек требовалось только два-три конвоира. В сырую и дождь, в снег и жару колодки верно стерегли нас. Когда колонна в 76 человек шла на работу, то вся деревня слышала. Наши колодки громыхали по булыжникам. Зимой многие падали: колодки скользили по льду» (цит. по: Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 253). В такой обуви, естественно, было трудно совершить побег, о чем упоминает Н. В. Ващенко, замечая по этому поводу: «Первое, что приготавливалось к побегу, – это обувь» (Ващенко Н. В. Из жизни военнопленного // Палий П. Н. В немецком плену. Ващенко Н. В. Из жизни военнопленного. Париж, 1987. С. 270).

нения, напечатают художественно исполненные портреты откормленных, вылощенных немецких вояк. Взглянет какая-нибудь Гретшен³⁴² на наши воспаленные лики и воскликнет:

– О, хайлиже Мари, вы шреклись! Зинд кайне меншен³⁴³.

Обермайстер поймал Вершинина и Сергея Ильяшенко: они систематически делали брак, тщательно его маскируя. Инженер орал, топал, угрожал отсылкой в гештапо, тюрьмой, штрафным и даже каторжным лагерем.

Действительно, достаточно одного его слова, чтобы любого из нас не только упрятали в Бухенвальд, но и отправили на виселицу. Ведь мы, русские военнопленные, фактически вне закона. Нет никаких правил, которые охраняли бы нашу жизнь и ограничивали произвол властей.

К счастью для Вершинина и Ильяшенко, альтешеш³⁴⁴ болен. Инженер же ограничился сравнительно мягким наказанием: он заключил их на трое суток в карцер.

Всех по очереди вызывали в вахштубе³⁴⁵, где сидел гештаповский дактилоскопист. Он сделал оттиски с большого и указательного пальцев.

Эта унижительная процедура широко применяется в Германии. Ей подвергаются все немцы, даже правоверные нацисты. В паспорте каждого райхсдойча³⁴⁶, наряду с данными о чистоте крови до энного поколения, есть фотография с номером на груди и дактилоскопия³⁴⁷.

Вот она, «страна истинного социализма», где каждого гражданина трактуют как арестанта. Вот он, «Neue Ordnung in Europa», строящийся по образцу тотального концлагеря.

Наш аборт очень маленький. Низенькая дверь не прикрывает даже голов сидящих пленяг. Чтобы проходящие через двор немцы не замечали нас, садимся рядком прямо на пол. Так накапливается до 15 человек. Сидим, пока не подкрадется мастер и не крикнет в упор:

– Лёс! Раус! Работа!

Приглашение дублируется, то есть дублируется ударом по дупе.

Несколько минут уборная пуста, но скоро заполняется вновь. Кто-нибудь стоит на страже. Остальные сидят на полу и передают друг другу всякого рода параша (слухи). Так в жаркий летний день сидят на корточках под навесом аркадаши³⁴⁸ и разводят хабары³⁴⁹, лениво потягивая трубки.

Но вот беда – трубки пусты, в карманах ни табачинки.

Входит Ткаченко и разжимает кулак: на ладони три бычка.

– Где подцепил, Петро?

– Пид станком.

– Петро, сорок!

---

³⁴² Гретхен (уменьшительно-ласкательное от Маргарита) – так звали возлюбленную Фауста, и это имя превратилось в нарицательное, как обозначение красивой немецкой девушки.

³⁴³ О, святая Мария, какой ужас! Ведь это совсем не люди.

³⁴⁴ Старый шеф.

³⁴⁵ Караульное помещение, комната вахманов.

³⁴⁶ Немец – гражданин гитлеровской Германии (в отличие от фольксдойча, то есть немца, живущего за пределами Германии и не являющегося ее подданным).

³⁴⁷ Имеется в виду Kennkarte (паспорт) – основной документ, удостоверяющий личность гражданина Германии. В нем имелись отпечатки указательных пальцев левой и правой руки, фотография в полупрофиль (позволяющая видеть левое ухо). Владельцу присваивался индивидуальный идентификационный номер. С началом Второй мировой войны Kennkarte стала обязательной для всех граждан Германии старше 15 лет, а с 1941 г. ее стали выдавать также лицам, проживающим на оккупированной территории.

³⁴⁸ Товарищ (по-татарски).

³⁴⁹ Обмен новостями (по-татарски).

– Петро, двадцать!

– Десять!³⁵⁰

– Оставь, Петро, хоть разок потянуть.

– Ладно, Беломар, оставляю.

Нетерпеливо ждем очереди, не сводя глаз с дымка и жадно втягивая его ароматный дух.

– Я сегодня десятый раз в аборте, – с гордостью говорит Ткаченко.

– Вот удивил, да я семнадцатый. А всего просидел сегодня в уборной больше четырех часов.

– А я, почитай, уже тридцатый раз.

Коллективно раскуренная сигарка только разожгла аппетит.

– Хлопцы, давайте трясти карманы, авось наберем на тоненькую.

Карманы выворачиваются, и на свет божий извлекаются крохотные табачинки, перемешанные с пылью; с миру по крошке – скрутили сигарку.

– Шухер, алярм!

Все зашевелились, многие расстегнули портки.

– Энтварнунг³⁵¹, – раздается ободряющий голос стремача, – ошибка.

Входят Самборский и Геращенко. Они неразлучны и во всем похожи друг на друга. Заходят только на минутку: курнут и живо к станкам. Беверте, как говорят немцы.

– Оставь докурить, Герасим.

– Нэ будэ.

Нашел у кого просить. У него зимой снега не выпросишь.

– Самборскому и мне не дашь потянуть?

– Ни, Беломар, нэ будэ.

– Эх ты, хохол хитрожопый! На хаус собираешь? Нэ будэ. Погорит твой хаус вместе с Райшем.

Во второй половине дня на МАД прибыла группа гештаповцев. Сам заместитель начальника гештапо Юго-Западной Германии удостоил нас посещением. Команду вывели во двор и построили «драй-унд-драй». Против нас картинно стали баннфюреры, штурмбаннфюреры и оберштурмбаннфюреры³⁵², а также Дикеншвайн и Самурай.

– Ахтунг! Мице аб!³⁵³

Все замерли.

Из толпы гештаповцев вышел переводчик (противная образина, русский белогвардеец). Пункт за пунктом прочел нам правила поведения никсдойчев на территории Гросдойчлянд. Читал громко, внятно, раздельно. Как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой.

Правил много, но любое из них заканчивается стереотипным: «Не дозволено, запрещено под страхом сурового наказания».

Особенно пикантно прозвучал один из последних параграфов: «Запрещаются сношения с немецкими женщинами и девушками. Нарушение этого правила наказывается смертью».

---

³⁵⁰ Традиционные просьбы оставить покурить, выражающиеся символически в процентах. В стихотворении Ю. Друниной «Я курила недолго, давно – на войне...» (1974) встречаем такие строки: Я курила недолго, давно —на войне. (Мал кусочек той жизни, да дорог!) До сих пор почему-то вдруг слышится мне: «Друг! Оставь “шестьдесят” или “сорок”!» И далее: А за тем, кто дымит, уже жадно следят. Не сумеет и он отказаться, Если кто-нибудь скажет: «Будь другом, солдат...» – И оставит не «сорок», так «двадцать».

³⁵¹ Отбой.

³⁵² Звания баннфюрера не было, званию штурмбаннфюрера в СС предшествовало звание гауптштурмфюрера. Штурмбаннфюрер – звание в СС, соответствовавшее званию майора в вермахте; оберштурмбаннфюрер – звание в СС, соответствовавшее званию оберст-лейтенанта (подполковника) в вермахте.

³⁵³ Смирно! Головные уборы снять!

Страшное слово показалось нам смешным. «Пошел ты к... со своими доскогрудыми фраями. Глядеть на них тошно. Пайку сюда подай, иксосос!»

Пайка – вот кумир пленяги, его принцесса грез, его прекрасная Дама. Все прочее – реникса (чепуха). Любовные утехы? Да ведь это нечто трансцендентальное. Они не задевают ни чувств, ни чувственности, они не доходят до сознания. Не слышно столь обычных в мужской среде рассказов о любовных похождениях, анекдотов для некурящих, скабрёзных шуток и забавок. Даже матерится наш брат пленяга редко и как-то лениво. Барков ушел куда-то в тень: забыты его прелестные поэмы с фривольным содержанием. А если кто и затынет «Луку М..ищева»³⁵⁴, его тут же прервут:

– Брось, Сергей. Лучше расскажи, как у вас в Сибири варят пельмени и пекут паляницу³⁵⁵.

На МАД есть целле (карцер). Шеф может заключить в него любого своего рабочего, даже если он самой что ни на есть густопсово-нордической расы. Но в основном клиентами сего воспитательного учреждения являемся мы – русские пленные.

Наш карцер – крошечная сырая каморка. Она без окон и без всяких других источников света. В целле совершеннейшая система звукоизоляции и светомаскировки: слышать можно только самого себя, а видеть ничего нельзя. Для вентиляции устроен специальный кривоколенный ход в толстой стене.

Карцер настолько тесен, что сидеть можно, только поджав ноги. Когда же в целле двое, им все время приходится стоять.

Знаю по собственному опыту, как нелегко выстоять 24 часа в этом застенке. А ведь это не предел: некоторые ребята сидели здесь по трое суток.

Адам сунул «Schwarzes Korps»³⁵⁶. Это орган имперского главного управления войск СС (Reichshauptamt Waffen SS)³⁵⁷. Газета рассчитана на эсэсовцев и поэтому откровенно выбалтывает кое-какие фашистские замыслы. Многое можно прочесть между строк.

Вот военно-политический обзор. Он посвящен текущему наступлению на юге. Гитлеровские вояки стремятся прорваться в двух направлениях.

Одно направление имеет целью выходом к Сталинграду перерезать Волгу. Американские товары, пишет эсэсовский писака, ввозятся в Россию водно-железнодорожным путем: Персидский залив – Трансперсидская железная дорога – Каспийское море – Волга. По Волге же идет бакинская нефть для фронта и тыла. Перерезав эту водную артерию, немцы надеются закрыть доступ в СССР англо-американским товарам и бакинской нефти, а тем самым задушить Рос-

---

³⁵⁴ «Лука Мудишев» – «классическое» произведение «срамной», или «потаенной», литературы, эротическая поэма, созданная в XIX в. и приписываемая автору непристойных стихов Ивану Баркову (1732–1768). Долго бытовала исключительно в устной и рукописной традициях.

³⁵⁵ Ср. с воспоминаниями другого военнопленного – Юрия Апеля: «Очень любили слушать о том, кто и как хорошо и интересно жил, учился, работал до войны, о том, что и сколько ел. Кому нечем было похвастать, помалкивали и глотали слюны. И никогда не говорили о женщинах. Этой темы не касались вовсе не потому, что в бараке жили одни бывшие или будущие монахи, просто все мы постоянным голодом были доведены до состояния, при котором образ женщины не вызывал и не мог вызвать никаких эмоций. Поверьте бывшему доходяге на слово, настоящий систематический голод делает человека совершенно неспособным на близость с женщиной, и даже мысли об этом у доходяги не может возникнуть» (Апель Ю. Указ. соч. С. 131. См. также с. 189). Описанный автором эффект хорошо известен из мемуарной литературы о сталинских лагерях. Так, например, П. З. Демант, вспоминая о лагерной больнице, пишет: «Весьма характерным для нашего состояния было то, что, невзирая на присутствие молодых, иногда красивых санитарок и сестер в общих палатах, где сотни мужчин жили на одном пайке, никогда не возникало разговоров на эротические темы». В другом месте, описывая свое впечатление о знакомстве в лагерном бараке с книгой английского писателя Пристли, он замечает: «Сравнивая нашу судьбу с судьбой демобилизованных английских фронтовиков, я живо вошел в их положение и, дочитав до того места, где герой отказался провести месяц в коттедже с весьма соблазнительной молодой дамой, очень этим возмущился (из чего следует заключить, что мое положение и упитанность были не столь плачевными)...» (Кресс Вернон [Демант П. З.]. Зекамерон XX века. М., 1992. С. 74, 159).

³⁵⁶ Черный корпус.

³⁵⁷ «Черный корпус» – еженедельная газета, официальный печатный орган СС.

сию. «Мы не пойдем на Москву, – пишет эсэсовский борзописец, – она нам не нужна (видно, солоно пришлось под Москвой). Мы ее обойдем с юга и все равно поставим на колени».

Второе направление, по мнению «Schwarzes Korps», должно обеспечить немцам выход к Баку. Захватив Кавказ, гитлеровцы рассчитывают лишить Россию нефти и марганца. Они уверены, что в тот момент, когда вермахт появится в Закавказье, Турция выступит на стороне «Оси»³⁵⁸. С помощью пятой колонны будут быстро захвачены Ирак, Сирия, Палестина, Йемен, Саудовская Аравия, Иран, Афганистан. Объединенные немецко-турецкие войска достигнут Индии и Суэцкого канала. Одновременно начнут наступление дивизии Роммеля в Африке³⁵⁹ и японские силы на Дальнем Востоке. В результате этих действий Британская корона лишится всех своих колоний, Средиземное и Черное моря превратятся во внутренние немецкие бассейны, Empire³⁶⁰ распадется, а Россия останется только как историческое понятие.

Так «Schwarzes Korps» делится с эсэсовцами своими черными замыслами.

Но, как говорится,

Гладко вышло на бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить³⁶¹.

Каримова не узнаю: от работы уклоняется, маскируется, подолгу просиживает в уборной, хотя совсем не курит.

Словом, «человек меняет кожу»³⁶².

Что на него подействовало: угрозы Саши Романова, насмешки товарищей, пример образцовых маскировщиков и кранковщиков, наши ли попытки усовестить и убедить?

Не знаю. Но, вероятно, не только это. Каримов – неглупый парень. Он, видимо, понял, что, сколько бы ни вопили немцы о близкой победе их оружия, Райш по-прежнему трещит по всем швам и расползается.

Как бы то ни было, а Каримов стал другим человеком. Мастер орет на него и лупит почем зря за «мале рапота», шеф воздействует карцером и хальбрационом³⁶³, командофюрер лишил его высокого звания баракенельтесте.

---

³⁵⁸ «Ось: Берлин – Рим – Токио» – наименование военно-политического блока (1940–1945) во главе с гитлеровской Германией, к которому примкнул и ряд других государств.

³⁵⁹ Эрвин Роммель (1891–1944) – генерал-фельдмаршал, один из самых популярных военачальников вермахта периода Второй мировой войны. С 14 февраля 1941 г. командующий Африканским корпусом (Deutsches Afrika-Korps), имеющим задачу отеснить британские войска в Северной Африке в Египет. После захвата Тобрука (1942) – ключевого пункта британской обороны – удостоен звания генерал-фельдмаршала. После приостановки продвижения своих войск в конце октября 1942 г. отбыл в Германию на лечение и вернулся только после поражения корпуса в битве при Эль-Аламейне. Менее чем за две недели его войска отступили на 1000 км. 9 марта 1943 г. покинул Тунис и, сославшись на болезнь, улетел в ставку Гитлера на Украине, но не смог его убедить вернуть находящиеся на Африканском континенте армии в Европу. С 15 июля 1943 г. – командующий группой армий «В» в Северной Италии, с января 1944 г. – командующий группой армий «В» в Северной Франции. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. был заподозрен в участии в заговоре и с учетом популярности поставлен перед выбором между привлечением к суду и самоубийством. 14 октября 1944 г. принял цианистый калий и был похоронен с почестями, как национальный герой. В качестве причины смерти были названы последствия автомобильной аварии.

³⁶⁰ Эмпайр, Британская империя.

³⁶¹ Цитата из стихотворения Л. Н. Толстого, написанного во время Крымской войны (1853–1855) и обороны Севастополя. В оригинале: «Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить». Стихотворение быстро обрело популярность и послужило основой солдатской песни под названием «Как четвертого числа...».

³⁶² Название популярного до войны романа Бруно Ясенского (1901–1938), вышедшего в 1932–1933 гг. и неоднократно переиздававшегося вплоть до ареста автора в 1937 г.

³⁶³ Половинный рацион (нем.).

Искренно ли раскаяние? Не уверен. Посмотрим, как поведет себя в дальнейшем наша Магдалина³⁶⁴ в штанах.

Ordnung und Sauberkeit – unsere Ehre³⁶⁵. Так гласит плакат на стене.

По правде сказать, в цехах МАД он звучит как ирония. Здесь нет ни порядка, ни особенной чистоты, а в производственном процессе – чистейший хаос.

– Это правда, – соглашается Монн, – что на МАД устаревшие станки, допотопные методы производства. Но работать здесь легче. На других фабриках – Банбедарф, Демаг, Локверке, Мерк, Рем унд Хаас³⁶⁶ и др. – самое современное оборудование, рациональные методы работы, чистота и порядок. Только я не хочу, чтобы Арбайтсамт³⁶⁷ перевел меня туда: там у рабочего выжимают все соки.

– Да и вы пожалеете, – прибавляет Шош Пардонна, – если окажетесь там. На тех фабриках от русских требуют больше, а бьют крепче. Я-то знаю. На МАД спокойнее. Унзере юнгешэф ист дох глэйбише унд гуте менш³⁶⁸.

Ну и хорошо, что нет Ordnung'a³⁶⁹ на МАД. Его отсутствие нам в[о] благо. Больше порядка – больше работы, крепче побои, меньше возможностей маскироваться, труднее саботировать.

Ordo ex chaos³⁷⁰, гласит масонский девиз. Мы стремимся к другому: Chaos ex ordo.

– Ду ин Педабож гевезен?³⁷¹ – спросил Пардонна.

– Во ист ден Педабож?³⁷²

– Ин Русслянд³⁷³.

– Хаб кайне анунг. Филяйхт кляйне штатт?³⁷⁴

– Нет кляйне штатт. Ист гроссе штатт³⁷⁵.

– Педабош ист гроссе штатт? Вайс нихт бешайд: Хаб нимальс гехерт³⁷⁶.

– Визо? Педабож?... А, Петербург, Петроград, Ленинград.

³⁶⁴ Имеется в виду раскаявшаяся блудница Мария Магдалина, согласно Евангелию присутствовавшая при распятии Христа и первой увидевшая его воскрешение. Была канонизирована как святая.

³⁶⁵ Наша честь – порядок и чистота.

³⁶⁶ Bahndebarf-Rodberg G. m. b. H. – немецкое акционерное общество, ведущее историю от основанного Артуром Родбергом в 1868 г. завода паровых котлов. Выпускало продукцию для железнодорожного транспорта: котлы, вагоны, рельсы и др. материалы. Demag – одна из крупнейших немецких компаний в области машиностроения. Она ведет начало от механической мастерской, основанной в 1819 г. в г. Веттер, в Рурском промышленном регионе. С 1910 г. компания стала специализироваться на производстве кранов (в том числе и самоходных на гусеничном ходу), компрессорного оборудования, паровых машин, прокатных станков, экскаваторов, локомотивов, железнодорожных вагонов и др. «Демаг» получил статус головного разработчика легких полугусеничных машин Sd.Kfz.10 для перевозки солдат и амуниции, установки вооружения и буксировки прицепов и орудий массой до 1 т. В годы Второй мировой войны Demag производила боевые бронированные машины. Reichsbahn Darmstadt Lokwerk – железнодорожная мастерская по ремонту локомотивов в Дармштадте. Merck – старейшая в мире немецкая фармацевтическая, химическая и биологическая компания, основанная в 1668 г. в Дармштадте. Röhm und Haas – компания, основанная в 1907 г. немецким химиком доктором Отто Ремом и бизнесменом Отто Хаасом в Эсслингене-на-Неккаре (земля Баден-Вюртемберг). В 1909 г. компания переехала в Дармштадт. В 1933 г. Отто Рем зарегистрировал бренд оргстекла, который продавался в Германии и США. Во время Второй мировой войны спрос на оргстекло и другие продукты из полиметилметакрилата со стороны военной промышленности помог компании добиться большого экономического успеха и роста.

³⁶⁷ Отдел труда.

³⁶⁸ Наш молодой шеф – верующий и хороший человек.

³⁶⁹ Порядка (нем.).

³⁷⁰ Из хаоса – порядок.

³⁷¹ Ты в Педабоже был?

³⁷² А где этот Педабож?

³⁷³ В России.

³⁷⁴ Понятия не имею. Может быть, маленький город?

³⁷⁵ Вовсе не маленький город. Большой город.

³⁷⁶ Педабож – большой город? Не знаю, никогда не слышал.

– Я, я. Ецт Ленинград, аба фрюэр Педабож³⁷⁷.

Наше первое знакомство с Пардонна началось со следующего диалога:

– Ви хайст ду?³⁷⁸

– Георгий.

– Кеоки, Кеоки. Ишь канн ништ аусшпрешен³⁷⁹.

– Ауф дойч, – вспомнил я школьные уроки, – дас хайст Георг³⁸⁰.

– Кеок, Кеок. Ман канн ди цунге цербрешен. Хаст гезагт ауф дойч Кеок? Аба ин Дойч-лянд гибтс нет зо айне наме. Вильст ду дайне наме лятайнишь ауфшрайбен?³⁸¹

Я написал мелом на верстаке: «Georg». Пардонна взгляделся в надпись и вдруг просиял:

– А, Шош! Вот это немецкое имя. А ты говорил Кеок. Такого имени у нас нет. А знаешь ли ты, что я тоже Шош? Мы с тобой тезки.

Однажды тот же Шош Пардонна (кстати, его фамилия пишется Pardonner³⁸²) сказал:

– Битте шен, холь эмоль хамма³⁸³.

Я сначала ничего не понял. Едва-едва догадался (и то лишь тогда, когда Шош призвал на помощь язык жестов), что ему нужен был Hammer³⁸⁴.

Гессенский или франконский Mundart³⁸⁵, который называют также Mitteldeutsch³⁸⁶, во многом отличается как от Hochdeutsch³⁸⁷ (это Schriftsprache, т. е. литературный язык), так и от Niederdeutsch³⁸⁸ (другое название – Plattdeutsch³⁸⁹).

Изучавшие немецкий язык в русской школе едва ли поймут дармштадтца или франкфуртца.

Вот некоторые примеры, характеризующие особенности (конечно, далеко не все) местного произношения:

emol вместо mal

schlafen —||– schlafen } a → o

obgeben —||– abgeben

hoim —||– heim

moim —||– mein } ei → oi

oin —||– ein

zwo вместо zwei } ei → o

Hamma —||– Hammer

rüba —||– rüber } er → a

Peda —||– Peter

---

³⁷⁷ Да, да. Сейчас Ленинград, а раньше Педабож.

³⁷⁸ Как тебя звать?

³⁷⁹ Кеоки, Кеоки, не могу произнести.

³⁸⁰ По-немецки Георг.

³⁸¹ Кеок, Кеок. Можно язык поломать. Ты сказал, по-немецки Кеок? Но в Германии такого имени нет. Напиши, пожалуйста, твое имя латинскими буквами.

³⁸² Pardonner Georg, слесарь указан в адресной книге Дармштадта за 1941 г.: Erbacher Str., 1.

³⁸³ Пожалуйста, принесите молоток (гессенский диалект нем.).

³⁸⁴ Молоток.

³⁸⁵ Говор.

³⁸⁶ Средненемецкий диалект.

³⁸⁷ Верхненемецкий диалект.

³⁸⁸ Нижненемецкий диалект.

³⁸⁹ Равнинно-немецкий диалект.

runa —||– runter } ter → a

isch —||– ich

Krisch —||– Krig

zwonzisch —||– zwanzig } Isch-laut

Reisch —||– Reich

fufzisch —||– fünfzig Ich-laut

Sischerheit —||– Sicherheit

Frankfut —||– Frankfurt

Hambursch —||– Hamburg } r не звучит

Damstadt —||– Darmstadt

Haidlbersch —||– Heiddelberg

dusch —||– durch

Schosch —||– Georg

Reschen —||– Regen

Moschen —||– Morgen } g → sch (между «ш» и «ж»)

Verpfleschung —||– Verpflegung

Badei —||– Partei } t → d

Своеобразное употребление отрицаний nix и net (nischт говорят только интеллигенты): они ставятся обычно впереди сказуемого (например, «net runa gehen» вместо «gehen sie nicht runter»).

Глагольные связки употребляются редко: nix gut Essen (Essen ist nicht gut). Du in Moskau gewesen (Bist du in Moskau gewesen).

Будущее время образуется с помощью глаголов wollen, sollen, können, müssen. Очень часто этой цели служит частица emol: Isch guck emol (Ich werde gucken).

Гессенцы совершенно не пользуются глаголом werden для образования Futurum³⁹⁰ и всегда поправляют тех, кто пытается строить будущее время с помощью этого вспомогательного глагола.

Der, die, das употребляются не в качестве артиклей, а в качестве указательных местоимений (да и то чаще в форме des).

Благодаря этим особенностям гессенского говора я вначале совершенно не понимал немцев с МАД. Потом я нашел очень выгодной роль Ивана Непонимающего. Маскируясь «канни-ферштанством»³⁹¹, принесешь не ту вещь и не туда, куда приказали; сделаешь не то и не так, как сказано. Прикрываясь этой маской непонимания, ломаешь станок и портишь материал.

– Ду эзель, – кричит немец, – ду фердаммте цойшь, вида капут гемахт!³⁹²

– Ишь никс капут ду заген зо работа. Ишь никс понимай.

Фалдина мы наградили кличкой «Майне фрау»: о чем бы ни зашла речь, он обязательно вставит панегирик жене.

---

³⁹⁰ Будущее время (нем.).

³⁹¹ То есть непониманием.

³⁹² Ты осел, ты проклятый! Снова сломал!

– Майне фрау канн никс унхёфлишкайт фертраген. О, майне фрау, гут кохт, прима кохт. Майне фрау либт театер³⁹³.

Словом, Der König im Thule und seine Buhle³⁹⁴.

Это было бы очень трогательно, если бы мы не знали, почему Фалдин поет дифирамбы своей супруге. Дело в том, что его жена – дальняя родственница шефа. Разумеется, Кишлеру нет дела до нищего свояка: бетрибсфюрер не признает родства и не пускает Майне фрау даже на порог своего дома. Но чем больше третирует шеф Фалдина, тем сильнее старается агне Teufel^{395 396} подчеркнуть свою близость к шефу.

Фалдин ни капли не похож на своего храброго тезку из «Фауста». Форалярм³⁹⁷ приводит Элефант³⁹⁸ (другое придуманное нами прозвище) в трепет, риштише алярм³⁹⁹ – в паническое состояние. Хорошо петь мужественным голосом Bomben, Bomben auf England^{400 401}, но когда бомбы падают на «schöne Vaterland»⁴⁰², у Майне фрау – истерика.

Больше всего Элефант боится призыва в армию. Наш патриот воевать не хочет: куда спокойнее сидеть возле фрау. Однако душа его жаждет победы немецкого оружия. Зишь⁴⁰³ вознесет Deutsche Volk⁴⁰⁴ над миром (über alles in der Welt), и, кто знает, может быть, и Слону кое-что перепадет. В самом деле, почему бы фюреру не сделать Майне фрау владельцем поместья на Украине или шефом крупного завода в Рутении (Белоруссии)?

Этот дар он охотно примет, но дарить свою кровь никому не хочет.

Его бросает в жар, когда соседу приносят призывную повестку: ведь могут вспомнить и Фалдина. В такие минуты Слон заражается антивоенной демагогией.

– Никс гут кришь, – говорит Майне фрау. – Дойче фольк унд унзере фюрер – вир волль-тен нет ден кришь. Юден хабен шульд даран⁴⁰⁵.

– Фалдин, варум дойче либен никс юден?⁴⁰⁶

– О, я, бештиммт. Майне фрау аух либт кайне юден⁴⁰⁷.

– Абер варум? Почему? У вас общий язык, общая культура. Вообще, вы так похожи, что трудно отличить еврея от немца.

– Фердаммте цойш!⁴⁰⁸ Как можешь ты так говорить? Мы во всем различны, во всем противоположны. А не любим мы евреев за то, что они считают себя богоизбранным народом, народом-мессией.

– Ну да, как и вы.

– Евреи говорят, что они призваны богом построить новое вселенское царство на земле...

– А вы хотите установить новый порядок в Европе.

³⁹³ Моя жена не переносит неучтивость. Моя жена хорошо, первоклассно готовит еду. Моя жена любит театр.

³⁹⁴ «Король в Фуле и его возлюбленная» (нем.). Имеется в виду персонаж баллады И. В. Гёте «Фульский король» (1774). Г. Н. Сатиров иронически рисует своего героя в образе мужа, преданно хранившего свою любовь к жене. Ниже он приводит начальное четверостишие этого стихотворения.

³⁹⁵ Бедняк.

³⁹⁶ Здесь: бедняга, несчастный человек.

³⁹⁷ Предварительный сигнал тревоги.

³⁹⁸ Элефант (нем.) – слон.

³⁹⁹ Тревога.

⁴⁰⁰ Бомбы, бомбы на Англию.

⁴⁰¹ Слова из немецкого марша времен Второй мировой войны «Bomben auf England» («Бомбы на Англию»).

⁴⁰² Прекрасное отечество.

⁴⁰³ Победа.

⁴⁰⁴ Немецкий народ.

⁴⁰⁵ Война – плохое дело. Немецкий народ и наш фюрер – мы не хотели войны. Виновники ее – евреи.

⁴⁰⁶ Валентин, почему немцы не любят евреев?

⁴⁰⁷ О да, конечно. Моя жена тоже не любит евреев.

⁴⁰⁸ Проклятие!

- Евреи хотят подчинить себе весь мир...
- И вы также.
- ...и все народы превратить в рабов, а часть даже уничтожить. Ферштанден? О, юден никс гуте меншен⁴⁰⁹.
- Ганц гут ферштанден. Ду хаст айн зельбстбильднис гемальт⁴¹⁰.

В цеху на стене большая доска. На доске программа NSDAP (National-sozialistische Deutsche Arbeiter Partei)⁴¹¹. Из каждой строчки так и прет дух реваншизма, милитаризма, империализма, расизма, дискриминации и сегрегации никсдойчев.

Ночью, пользуясь отсутствием сменного мастера, подхожу к доске.

Ко мне присоединяются Беломар, Романов и еще несколько человек. Читаю и перевожу отдельные параграфы программы.

- Неужели, – удивляются ребята, – так прямо и написано?
- Так прямо и пишется. Вот, например, параграф: «NSDAP требует отмены всех пунктов позорного Версальского диктата, возвращения всех колоний и всех оккупированных земель». А вот другой параграф: «NSDAP требует воссоединения всех немцев в единую Германскую империю» (Deutsches Reich).

– Другими словами, присоединения Австрии и Судетской области к Германии. Не так ли?

– Совершенно верно. А также Люксембурга, Эльзаса и Лотарингии, Эйпена и Мальмеди⁴¹², значительной части Швейцарии и Трансильвании (Siebenburg, Семиградье)⁴¹³. Ведь нацисты утверждают, что все эти земли – исконные германские марки с коренным немецким населением.

– Вот они где, корни «Нового порядка в Европе».

– А вот еще параграф: «NSDAP требует права свободного вооружения немецкого народа».

– Но ведь это война. Захватническая, грабительская, империалистическая война.

– Значит, еще в 1922 году, когда писалась программа гитлеровской партии, фашисты хотели войну и готовились к ней⁴¹⁴.

– Да, это так. Еще один параграф: «...ненемцы (Nicht-Deutsche) не могут быть гражданами Райша. Они имеют право быть только гостями немецкого народа. Они не должны занимать государственные должности, владеть финансово-банковскими и издательскими предприятиями, работать в прессе». И дальше: «...иностранцы, прибывшие в Германию после 1 августа 1914 года, должны покинуть пределы Райха»⁴¹⁵.

⁴⁰⁹ О, евреи – нехорошие люди.

⁴¹⁰ Хорошо понял. Ведь ты нарисовал автопортрет.

⁴¹¹ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

⁴¹² Эйпен-Мальмеди – часть территории Бельгии на границе с Германией. В настоящее время – часть округа города Вервье провинции Льеж.

⁴¹³ Трансильвания (немецкое название Siebenbürgen – Семиградье) – историческая область на северо-западе Румынии. Согласно распространенной немецкой версии венгро-румынская провинция была когда-то колонизирована этническими немцами.

⁴¹⁴ Программа, названная «25 пунктов», была оглашена Гитлером на собрании в пивной «Хофбройхаус» 24 февраля 1920 г. С 1 апреля она стала официальной программой НСДАП, а в 1926 г. ее положения объявлены «незыблемыми». Ее пункт № 22 гласил: «Мы требуем ликвидации наемного войска и создания народной армии».

⁴¹⁵ Упомянуты следующие пункты программы: № 5 «Тот, кто не является гражданином Германии, может проживать в ней как гость, на правах иностранца»; № 8 «Вся дальнейшая иммиграция в Германию лиц негерманской расы должна быть приостановлена. Мы требуем, чтобы все лица негерманской расы, которые иммигрировали в Германию после 2 августа 1914 года, немедленно покинули рейх»; № 23 «Мы требуем открытой политической борьбы против заведомой политической лжи и ее распространения в прессе. С целью создания германской национальной прессы мы требуем, чтобы: а) все редакторы и издатели германских газет были бы гражданами Германии <...>; в) негражданам Германии запрещалось бы по закону иметь любой финансовый интерес или влияние на германские газеты. В наказание за нарушения данного закона такая газета будет запрещена, а иностранцы немедленно депортированы...».

– Вот оно что, – говорит Беломар, – теперь многое стало яснее. Конечно, я и раньше знал, чего добивается Гитлер. Но я не предполагал, чтобы он мог записать эти наглые требования в программу фашистской партии.

За стеной, в немецкой кантине, радиоголос:

– Ахтунг, ахтунг! Хир ист Франкфурт-ам-Майн. Люфтгефар, Люфтгефар! Штарке фербиндунген файндлихе люфтцойхе ибер зюдвестдойчлянд⁴¹⁶.

Три протяжных гудка возвестили форальарм. Через 5 минут раздались частые гудки: фолльбальарм или риштиже алярм⁴¹⁷.

Вахманы выгнали нас из цеха, впихнули в барак и заперли. Немцы попрятались в келя⁴¹⁸. Мы вдвойне рады бомбежке: для нас это отдых и развлечение, для немцев *momento mori*⁴¹⁹. Одно плохо: сидим взаперти и не видим феерии. Куда веселее стоять во дворе и сочувственно комментировать взрывы английских бомб (ночью налетают англичане, днем – американцы).

Бомбы падают почти без интервалов, земля так и ходит под ногами, стены трясутся, окопанные двери трещат и визжат.

Петруnek (Плаксун) забился под койку.

– Неужели, – дрожа всем телом и заикаясь, говорит Плаксун, – будут бомбить МАД?

– А тебе жалко? Пусть вдребезги разнесут и МАД, и всю треклятую Немечину.

– Все-таки досадно умереть от английской бомбы.

– А по-твоему, лучше погибнуть от немецких палок? Нет, Плаксун, я предпочитаю въехать в рай на бомбе.

– Не хочу ни в рай, ни в Райш. Уж лучше ко всем чертям в пекло.

Рев и грохот смолкли. Четверть часа торжественной тишины, а потом прозвучал долгий протяжный гудок: Энтварнунг⁴²⁰.

Ночную смену вывели из барака. Во дворе светло как днем. Справа огромное зарево.

«Флюгфельд»⁴²¹, – говорят немцы.

У французов *reine* – труд, работа. Но это существительное имеет и другое значение: скорбь, мука, наказание. В древнерусском языке прилагательное «трудный» употреблялось в смысле: горестный, печальный, скорбный, тягостный («...трудных повестей о плыку Игорьье»). Известно, что *κάτεργον* также означает труд, работу. А это греческое слово дало начало русской «каторге»⁴²².

Такое отождествление понятий «труд» и «мука» закономерно и оправдано всем ходом истории. Оно особенно понятно нам – пленягам. Ведь радостен и благороден только свободный труд. Рабский труд – мука, наказание, каторга.

Самая тяжелая работа легка, когда видишь пользу, которую приносишь обществу, народу, отчизне. Но какая мука сознавать, что каждый взмах твоего молотка – удар в спину брата. Мысль эта жесточе голода и побоев.

«Räder müssen rollen für den Sieg!»⁴²³ – кричат фашистские плакаты на всех стенках и заборах.

⁴¹⁶ Внимание, внимание! Говорит Франкфурт-на-Майне. Воздушная опасность, воздушная опасность. Сильные соединения вражеских самолетов над Юго-Западной Германией.

⁴¹⁷ Полная или истинная тревога.

⁴¹⁸ Подвал, погреб, убежище.

⁴¹⁹ Правильно: *Memento mori* (лат.). Здесь: напоминание о смерти.

⁴²⁰ Отбой.

⁴²¹ Аэродром.

⁴²² *κάτεργον* – катергон (греч.) – большое гребное судно, более позднее название – галера, с работой гребцов на которой ассоциировался рабский, подневольный труд.

⁴²³ Колеса должны вертеться для победы.

[Далее в оригинале отсутствует страница.]

– Гляубе ништ⁴²⁴.

– Дох! Дас виссен, алле майне арбайтскамраден⁴²⁵ (это он обоих рабочих назвал товарищами по труду!).

– Я, я, – согласно поддакнули Монн и Кайдль (попробуй не поддакнуть, мигом за Можай загонит).

– Абер, герр шеф, эссен ист ништ гут унд аух цу венишь⁴²⁶.

– Хальте мауль! – взревел Дике швайн. – Фердаммте керль, ду вирст цу фреш. Зофорт ин целле, унд нексте драй таге хальбрацион брот унд кайне зуппе⁴²⁷.

В 5 часов вечера выгнали нас во двор, построили «драй-унд-драй» и под усиленным конвоем вывели на улицу. На каждом углу рогатый щупо (каска с «рогом» впереди, на роге Adler и Nakenkreuz)⁴²⁸, вдоль тротуаров прохаживаются гештаповские агенты.

Куда ведут? Зачем?

Нам все равно, эгаль и вшистка едно⁴²⁹. Не вперед, а вниз обращены наши взоры. Здесь, на мостовой, можно наловить бычков, счастливчику иногда удается схватить почти целую сигарету.

На Параденпляц сталкиваемся с колонной пленных завода Демаг⁴³⁰.

– Здорово, братцы! С праздником!

– И вас также!

Вот подвели нас к большому зданию с куполом. На фасаде огромными золочеными буквами надпись: Orpheum⁴³¹. Это театр музыкальной комедии.

Сквозь строй полицейских и гештаповских агентов прошли мы в зрительный зал. Мужчин рассадили в партере и амфитеатре, а женщин на балконе. Крайние стулья в каждом ряду заняли вахманы. Гештаповцы, полицаи, сыщики, охранники в мундирах и без мундиров блокировали все входы и выходы, сплошным кольцом окружили партер. Длинной лентой они протянулись по всем внешним и внутренним проходам зрительного зала.

Не выключая света, подняли занавес и начали ломать какую-то комедию. Не знаю, что происходило на сцене, хорошо или плохо играли актеры. Мы были слепы и глухи к ним, наши сердца были закрыты для них. Я никогда не предполагал, что зрительный зал может быть так оторван от сцены. Актеры и зрители действовали независимо друг от друга, как если бы мановением волшебного жезла между ними воздвиглась неодолимая каменная гряда.

---

⁴²⁴ Не верю.

⁴²⁵ Все-таки правда! Это знают все мои товарищи по работе.

⁴²⁶ Но, господин шеф, пища плохая и ее слишком мало.

⁴²⁷ Заткни глотку! Проклятый парень, ты становишься слишком дерзким. Тотчас в карцер, и следующие три дня – половинная порция хлеба и никакого супа.

⁴²⁸ Орел и свастика.

⁴²⁹ Все равно (польск.).

⁴³⁰ Имеется в виду дармштадтский завод Demag Motorenwerke AG, Берлин, история которого восходит к 1902 г. В 1906 г. инженер Август Кох вместе с бизнесменом Фридрихом Маем и тремя другими акционерами учредил Motorenfabrik Darmstadt AG (MODAAG). Известность компании принесло производство дизельных двигателей. Оно стимулировало расширение завода и дало толчок сотрудничеству с компанией Demag, что привело к объединению с принадлежащей ей Kämpfer AG из Берлина-Мариенфельде.

⁴³¹ Здание, построенное в 1877 г. в период правления великого герцога Людвига IV для его супруги Алисы, первоначально предназначалось для катания на коньках. В 1895 г. было выкуплено семьей Финк и переоборудовано под театр с названием «Орфей» на 1200 мест. 1 октября 1940 г. национальная организация «Kraft durch Freude» («Сила через радость») взяла на себя управление театром и вторично реконструировала здание. В ночь с 25 на 26 августа 1944 г. оно было полностью разрушено во время авианалета.

Но мы действовали, и притом очень бурно, ибо в зале стоял неумолчный гул. Наши головы непрерывно вертелись по сторонам, выискивая знакомые лица среди пленяг из других арбайтскоманд. Когда находили родственников или друзей, зал оглашался радостными криками, шумным потоком изливались вопросы, жалобы, сетования, негодования. Хотелось подойти к близкому человеку и пожать ему руку, но увы, это было «ферботен»⁴³². Вахманы не позволяли ни сойти с места, ни даже привстать со стула. Но ни брань немецких псов, ни меры физического воздействия не могли воспрепятствовать нам перекликаться, обмениваться мнениями, сообщать друг другу новости, свободно выражать свои мысли и чувства.

Невеселые это были голоса. Слезой просолено каждое слово. Скорбь, безысходная печаль в каждом взгляде. На сердце будто тяжелый камень.

Зачем же немцы согнали нас в «Орфеум»? Почему они надумали вдруг позабавить нас спектаклем?

Нацисты знали, что в этот день весь трудовой мир празднует 25-летие Октября. Они боялись, что и советские военнопленные отметят в своих бараках славную годовщину. Чтобы предотвратить нежелательные для них акции, нацисты решили собрать пленяг в «Орфеуме» и весь вечер держать под неусыпным контролем. Они хотели отвлечь нас от мыслей об отечестве.

Но разве есть на свете такая сила, которая могла бы заглушить в нас тоску по родине и свободе? Здесь, под сводами «Орфеума», мы еще резче и сильнее ощутили и всю горечь этих чувств, и всю тяжесть рабских цепей.

Вчера, когда я беседовал с Фрицем Штайнбрешером, к нам неожиданно подошел инженер Вальтер Кишлер⁴³³. Он уловил кое-какие обрывки фраз и кое-что понял.

Сегодня я спросил Фрица:

– Вы не боитесь инженера? Ведь он может сообщить гештаповцам о наших беседах с вами.

– Это исключено. Инженер знает меня давно, ему известно, что я коммунист. Но Вальтер Кишлер хороший человек, и я нисколько не опасуюсь его.

– Почему?

– Он не способен продать или предать.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Но какие у вас основания?

– Видите ли, инженер – католик, глубоко и искренне верующий человек.

– Инквизиторы и иезуиты тоже были католиками...

– Это верно, но наш инженер – католик совсем иного рода. Он католик-гуманист. Ему чужда расовая идеология, ибо он признаёт равенство всех людей и всех наций. А самое главное: инженер считает предательство подлостью высшей марки.

– У вас, Фриц, довольно шаткое основание. С моей точки зрения, католицизм не может служить гарантией от предательства.

– И все-таки я говорю правду. Вы сами когда-нибудь убедитесь в этом. Мой совет вам: бойтесь не инженера, а его тезку магацинера⁴³⁴ Вальтера. Это законченный иезуит и фашист. Лицо у Вальтера приветливое и доброжелательное, а душа у него змеиная. Доверьтесь ему хоть на миг, и он предаст вас без зазрения совести.

---

⁴³² Запрещено (нем.).

⁴³³ Инженер Вальтер Кишлер упоминается в адресной книге Дармштадта за 1941 г. (Adressbuch der Haupt- und Residenzstadt Darmstadt, Darmstadt, 1941).

⁴³⁴ Зав. складом.

Просматривал последний номер «Deutsche Allgemeine Zeitung». Особенное внимание привлекла статья-рецензия, в которой подробно рассматривается и обсуждается книга некоего ведущего чиновника из Министерства по делам восточных провинций. Рецензируемый труд называется: «Об организации восточного пространства». В пределы «Восточного пространства» (Ostraum) гитлеровцы включают Белоруссию, Украину и другие оккупированные Германией области Советского Союза.

Рецензент любовно цитирует ряд мест из книги, насыщенной расистской теорией. Вот одна из цитат (привожу ее дословно): «Восток – огромное пространство без народа. Он только тогда станет производительной частью Райша, когда будет населен немецкими крестьянами».

Прочел и перевел этот отрывок товарищам. Комментарии оказались излишними. Поняли даже украинцы, которые налитаны гетьвидмосковизмом.

Соловья-разбойника за саботаж отправили в гештапо. Он симулировал слепоту. Его дважды водили к глазнику. Самурай все время следил за ним и потом сказал шефу:

– В цехе натывается на станки и верстаки, а когда ведут по улице, он за 50 метров видит сигаретенштиммель⁴³⁵.

Вахман Ганс вдруг стал добряком и благодетелем.

– О, арме лёйте!⁴³⁶ – шепчет он, сокрушенно качая головой. Стремясь облегчить наши муки, он отпускает нам сушеную капусту и брюкву. Ганс берет эти продукты из келя (ключ у него), когда на МАД нет Самурая. Снабжает нас, конечно, не бескорыстно: за котелок капусты или кольраби требует три марки. Но это доступно лишь немногим. Большинство истекает слюной, глядя на пиршество Мацукина и Вареника. Правда, некоторые ловкачи умудряются пикировать сушеную капусту и брюкву, а иногда даже картофель из-под самого носа вахмана.

Сам Ганс комсит газкокс⁴³⁷. Чтобы мы не рассказали Самураю о его проделках, он разрешает нам до 8 часов (нас запирают в это время) топить плиту.

Немцы готовятся к своему Вайнахту (Рождеству). Собираясь кучками в цеху, обсуждают приказ о выдаче фольксгеноссам дополнительного рождественского пайка (Вайнахтсцуляге).

Награбленное на Украине позволило гитлеровскому правительству выдать немцам рождественский добавочный паек (почти дословный перевод приказа о «вайнхтсцуляге»).

В «Deutsche Allgemeine Zeitung» напечатано выступление Геринга⁴³⁸: «Если бы вы только видели, meine Volksgenossen⁴³⁹, широкие просторы Кубанской равнины. Куда ни кинешь взгляд – всюду волнующееся море пшеницы и подсолнечника. Мы прокормим всю Германию кубанским хлебом и маслом».

Однако не мешало бы тебе, alter Gauner⁴⁴⁰, запомнить старую русскую пословицу: «Цып-лят по осени считают».

---

⁴³⁵ Окуроч, бычок.

⁴³⁶ О, бедные люди!

⁴³⁷ Газкокс – горючий газ, образующийся в процессе коксования каменного угля. Он находил применение как топливо в промышленных печах, газовых двигателях, как сырье в химической промышленности. Ранее широко использовался и в быту (газовые плиты, газовое отопление и т. п.).

⁴³⁸ Геринг Герман Вильгельм (1893–1946) – рейхсминистр авиации. С 29 июня 1941 г. официально являлся «преемником фюрера».

⁴³⁹ Мои соотечественники (нем.).

⁴⁴⁰ Старый мошенник (нем.).

Спрашиваю как-то на днях Жоржа Пардонна:

– Ты читал, Шош, Гёте?

– Нет, не читал.

– А Шиллера?

– Не читал.

– Странно. У нас в Советском Союзе каждый рабочий может прочесть наизусть ряд стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского. Больше того, все знают Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона, Бальзака. А вы, немцы, понятия не имеете о своих гениальных поэтах.

– Кое-что мы знаем.

– Но ты, Шош, сам сказал, что не читал Гёте.

– Я не читал, но слышал о нем.

– Что же ты знаешь из произведений Гёте?

– Я знаю песню. Как это, дай вспомнить. Да: Es war ein Könisch im Thule.

– А дальше?

– ... im Thule... не могу вспомнить. Забыл.

– Хочешь, я тебе напомним, Шош:

Es war ein König im Thule,
Gar treu bis an das Grab,
Dem sterbend seine Buhle
Einen goldnen Becher gab⁴⁴¹.

– Ах, какие хорошие слова. Где ты научился, Шош? Просто удивительно. Но я тоже кое-что знаю. Хочешь, прочту наизусть Евангелие?

– Вот видишь, Шош, Гёте и Шиллера ты не читаешь, а евангелие от Адольфа знаешь наизусть.

– Что ты говоришь, Шош? Какое евангелие от Адольфа?

– Mein Kampf.

– Я признаю только евангелие от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. А «Mein Kampf» не читал и читать никогда не буду. Ведь я католик, верующий человек (Ich bin doch katolisch, gläubische Mensch). А Гитлер, – скажу тебе по секрету, Шош, – враг католичества. Он хочет искоренить (ausrotten) нашу римско-католическую церковь. Сотни, а может быть, и тысячи наших священников, епископов и кардиналов сидят в тюрьмах и концлагерях. И как же можно сравнивать святое евангелие с нечестивой книгой Гитлера? Ай-ай, Шош, это нехорошо с твоей стороны.

Монн говорит, что выдача или невыдача вайнахтсцуляге немцам-рабочим зависит если не целиком, то главным образом от шефа. Он не просто владелец фабрики, он бетрибсфюрер, то есть вождь предприятия. Ему даны Гитлером большие права. Рабочий, по существу, находится в крепостной зависимости от шефа. Бетрибсфюрер распоряжается не только трудом рабочих на производстве, он властитель их душ, он повелевает их жизнью и смертью. Шеф может лишить рабочего и вайнахтсцуляге, и шверсте карте, и шверкарте, и даже обычной лебенсмиттелькарте⁴⁴². Одного его слова достаточно, чтобы забронированного за фабрикой рабочего (реклямирте арбайтер) отправили на фронт, в гефенгнис⁴⁴³, в кацет⁴⁴⁴. Вот почему

---

⁴⁴¹ Король жил в Фуле дальней, И кубок золотой Хранил он, дар прощальный Возлюбленной одной... Перевод Б. Пастернака.

⁴⁴² Различные виды продуктовых карточек.

⁴⁴³ Тюрьма.

⁴⁴⁴ Концлагерь.

немцы так трепещут перед бетрибсфюрером. Страх ради иудейска они в три погибели гнутся перед ним, как перед восточным деспотом. Да и нельзя их ни в чем винить: ведь никому не хочется наряжаться в Zebraanzug⁴⁴⁵ или в graugrün Mantel⁴⁴⁶.

После ужина в нашу кантину (так претенциозно называем мы х..., в котором лакаем свою баланду) вошел шеф. Вместо привычной гримасы злобы и презрения на лице Кишлера маска кротости и терпения. Левой рукой он прижимает к сердцу книгу с золотым обрезом. На добротном кожаном переплете мы видим крест, а в глазах шефа читаем умиление. Нам стало ясно все: сегодня, по случаю немецкого сочельника, бетрибсфюрер возвестит нам свет истины.

Мы не ошиблись. Смирненным, умильным тоном, так напоминающим Иудушку Головлева⁴⁴⁷, Кишлер повел свою речь так:

– Знаете ли вы, meine Herrschaften, что завтра великий праздник – Рождество Христово?

– Это у вас, герр шеф. Какой праздник может быть у нас, когда мы с голоду подыхаем.

– Это рука провидения карает вас за то, что вы не хотите покориться нашему фюреру, который несет варварской России свет и мир, тишину и покой.

– Какой же это мир, герр шеф, когда реки крови льются на русских полях?

– В этом виноваты не мы, а ваши большевистские руководители. Наш фюрер жаждет мира и добьется его. Да, meine Herrschaften, придет время – его теперь недолго ждать, – немецкое оружие победит, и на земле восторжествует мир. Но какой мир? – спрошу я вас. Конечно, тот, который мы называем Рах germanica. Тогда наступит то блаженное царство, которое предсказал Христос: овцы будут мирно пастись среди волков.

– Вы хотите сказать, герр шеф, что коммунисты будут жить в мире и взаимной любви с фашистами. Но ведь это невозможно.

– Не будет коммунистов, не будет фашистов! Будут только национал-социалисты.

– Понимаю, герр шеф: волки пожрут овец. А если наоборот?

– Я знаю, что вы ненавидите всех немцев и, в частности, меня, вашего бетрибсфюрера. Я вижу, что вы хотите вывести меня из терпения. Предупреждаю: вам это не удастся. Сегодня я терпелив и кроток, как все истинные христиане. Напрасны все ваши уловки. Меня, alter Freund⁴⁴⁸, не проведешь. Ведь я хорошо знаю Россию и русских, потому что 10 лет, с 1902 по 1912 год, работал мастером в Петербурге. Я видел вашу русскую лень, пьянство, грязь, нищету и бескультурие. Мне известно, что с тех пор ничего не изменилось. Большевики ни на йоту не повысили культуру русского народа, им удалось только напичкать ваши головы демагогией. Я знаю, вам большевики твердили: в Германии капитализм, немецкий народ стонет под ярмом эксплуатации. Ложь, обман! Нет у нас эксплуатации, как нет и капитализма.

– А что же у вас, герр шеф?

– Как что? У нас истинный социализм: каждый трудится по мере своих сил и способностей на благо фюрера и фатерлянда.

– А вы, герр шеф, тоже не капиталист и тоже трудитесь?

– Нет, я не капиталист. Я такой же трудящийся, как все мои рабочие. Я – schaffende Mensch⁴⁴⁹.

Внезапно Кишлер разъярился, забыв про свое намерение говорить кротким тоном.

---

⁴⁴⁵ Полосатый (зебровый) костюм заключенного.

⁴⁴⁶ Солдатская шинель.

⁴⁴⁷ Иудушка Головлев – прозвище персонажа романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (1880).

⁴⁴⁸ Дружище (нем.).

⁴⁴⁹ Трудящийся человек.

– Хальте мауль, фердаммте керль! Ду вирст цу фреш!⁴⁵⁰ Я не позволю смеяться надо мной. Вы саботажники, смутьяны, сталинские агенты. Я всех вас отправлю в гештапо. Я хотел завтра выдать вам вайнахтсцуляге, но теперь не дам. Благодарите за это тех, кто вас мутит.

Так и не удалась Кишлеру благочестивая проповедь.

Наш барак не освещается и не отапливается. С потолка и стен течет, в проходе и под койками лужи воды. Сквозь дверные щели дует вольный ветер. Холодно, сыро и мерзко. Ложимся на койки, не раздеваясь и не разуваясь. Всю ночь не спим, всю ночь дрожим мелкой дрожью. Вспоминаются адовы муки летних ночей. Тогда погибали от жары, теперь от холода.

Утром пригнали на МАД новичков! 10 пленяг с завода Банбедарф.

Есть среди них славные ребята. Вечером нашу арбайтскоманду перевели в лагерь фестхалле или экзерцирпляц. Он расположен вблизи Райнштрассе, на территории военного городка⁴⁵¹.

Четырехугольник лагеря с трех сторон огорожен высоким каменным забором, который отделяет наши бараки от солдатских казарм. С четвертой стороны тянется длинное здание фестхалле (солдатский клуб) и штахельдратцаун (проволочное ограждение), за которым окопалась зенитная батарея.

Снаружи лагерь круглосуточно охраняется часовыми от зенитной батареи и войсковых частей, расположенных на территории военного городка. Внутреннюю охрану ведут вахманы нашего лагеря.

За колючей проволокой лежит огромное поле, обрамленное липами. Это и есть экзерцирпляц, давший название нашему лагерю. С раннего утра и до позднего вечера фельдфебели и унтер-офицеры муштруют здесь солдат-новобранцев. Из разных уголков экзерцирпляца доносится грохот барабанов: это Hitler Jugend^{452 453} и Bund deutscher Mädchen^{454 455} проводят свои очередные занятия. Их натаскивают тянуться перед начальством, отдавать честь, маршировать гусиным шагом, выполнять прочие премудрости муштры.

По сравнению с МАД лагерь фестхалле – чистый рай. Каждый барак разделен умывальной комнатой (здесь около 75 сосков) на две неравные половины. В большей половине – сотня трехъярусных коек, в меньшей половине их до 30–35 штук. Посередине барака стол и две деревянные скамьи. На окнах решетки и черные бумажные шторы (фердункелюнг). В центре барака стоит чугунная печь, а по обе стороны ее свисают с потолка две лампочки по 100 ватт.

В здании фестхалле – наша кухня, контора лагерфюрера, другие подсобные помещения. Правда, для нужд лагеря используется лишь меньшая часть этого здания, большая его часть (зрительный и гимнастический зал, фойе, другие комнаты) занята под военный склад.

Две вещи особенно радуют нас в теперешнем быту: всамделишная печь и электрическое освещение. Мы давно уже отвыкли от этих удобств. Огорчает нас только то, что угля отпускают мало, а свет выключают рано.

Итак, у нас новоселье. Принесли два ведра брикета, затопили печь, включили электро-свет, расселись вокруг огня и развели тары-бары.

---

⁴⁵⁰ Заткни глотку, проклятый парень, ты становишься слишком дерзким.

⁴⁵¹ Festhalle, Städtische – городской павильон для проведения праздничных мероприятий.

⁴⁵² Гитлеровская молодежь.

⁴⁵³ Гитлерюгенд – молодежная организация НСДАП. Основана в 1926 г. в г. Веймаре как национал-социалистическое молодежное движение.

⁴⁵⁴ Союз немецких девушек.

⁴⁵⁵ Bund Deutscher Mädel (BDM) – молодежное и детское женское движение в составе гитлерюгенда для категории от 14 до 18 лет. Девочки в возрасте от 10 до 14 лет состояли в Юнгмедельбунде.

ГОД 1943

И вот наступил новый, 1943 год. Что-то он сулит нам? Впрочем, есть чему и порадоваться, если слухи не ложны. Говорят, что наши отлупили фрицев под Сталинградом.

Пели советские песни. Запевал Зотов. Вспомнили и старинушку: «Варяга»⁴⁵⁶, «В полдневный жар»⁴⁵⁷ и другие. Кто-то затянул «Трансвааль», и все стали ему подпевать:

Молитесь, вы, женщины,
За ваших сыновей⁴⁵⁸.

Козлов где-то достал «Леонардо да Винчи» из трилогии Мережковского «Христос и Антихрист»⁴⁵⁹. Это первая русская книга, попавшая мне в руки в плену. Я с жадностью накинусь на нее, хотя она для меня не новинка (читал еще в реальном училище).

С Козловым и Беломаром мы всегда вместе, всегда заодно. Вместе обсуждаем, вместе действуем. У нас что-то вроде хунты. Беломар – кадровый старший лейтенант. Вся армия, в которой он служил, попала в окружение под Киевом и была отдана на съедение немцам. Козлов – учитель. Он служил в Московском народном ополчении, которое постигла не менее трагическая судьба⁴⁶⁰.

Зондерберихт оберкоммандо вермахт⁴⁶¹ сообщает: «Все атаки большевиков отбиты с большими потерями для них».

Вранье! Есть более точные сведения: немцы отступают на юге. Фриц Штайнбрешер говорит: «Русские начали большое наступление на юге». У Фрица есть радиоприемник. Он регулярно слушает Москву и Лондон, хотя и рискует за это головой (нацисты казнят тех немцев, которые систематически слушают советские и англо-американские передачи).

Сегодня Фриц Штайнбрешер сказал уверенно и определенно: 6-я немецкая армия окружена в Сталинграде.

В газете «*Völkischer Beobachter*» (это центральный орган NSDAP)⁴⁶² напечатана речь Гитлера, посвященная Сталинградской битве. Вот небольшой отрывок: «Сталин приказывает своим солдатам умирать за Сталинград. Для него это вопрос престижа. Для меня этот город не стоит жизни десятка моих гренадеров. Я не стремился к захвату Сталинграда и к переправе через Волгу. Я хотел закрыть путь советским судам из Каспия в Нижний и в Москву. Я достиг этой цели: моя артиллерия не пропускает ни одного корабля, везущего англо-американские материалы из Ирана или нефть из Баку».

---

⁴⁵⁶ Песня на стихи австрийского поэта П. Грейнца (в переводе Е. М. Студенской). Автор музыки А. Турищев (1904).

⁴⁵⁷ «В полдневный жар в долине Дагестана...» – романс М. А. Балакирева (1904) на стихи М. Ю. Лермонтова (1841).

⁴⁵⁸ Прочитана народная песня «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...», созданная на основе стихотворения Галины Галиной «Бур и его сыновья» (1899).

⁴⁵⁹ «Христос и Антихрист» – трилогия Д. С. Мережковского, состоящая из романов «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901) и «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905).

⁴⁶⁰ О московском народном ополчении см.: *Марков Ю.* Московское народное ополчение // Новый журнал. 1976. № 123. С. 165–184.

⁴⁶¹ Специальная сводка Верховного главнокомандования вермахта.

⁴⁶² «*Völkischer Beobachter*» («Народный обозреватель», нем.) – ведущий орган нацистской пропаганды. С 1920 г. печатный орган НСДАП. С 1923 г. до 30 апреля 1945 г. выходила ежедневно. С 1933 г. газета являлась практически правительственным органом.

Он не стремился к захвату Сталинграда! А зачем в таком разе нахально лез на рожон? Вот теперь тебе, альте гаунер⁴⁶³, и капут.

Интересно сопоставить эту речь Гитлера с очерком «Jenseits Wolga»⁴⁶⁴, напечатанным в газете «Frankfurter Zeitung»⁴⁶⁵. Автор пишет:

«По ту сторону Волги лежит безжизненная пустыня. Там нет ни тучных полей, ни воды, ни корма для скота. Никакая армия не может развернуться и действовать по ту сторону Волги».

«Я не стремлюсь к захвату Сталинграда. Я не хочу переправиться через Волгу. По ту сторону Волги – пустыня».

Что это, психологическая подготовка к отступлению?

Конечно, так. Но вместе с тем и нелепая попытка оправдать свой провал, свой драп из-под Сталинграда.

География, вишь, виновата!

Вспоминали скорбные январские дни 1924 года.

– Расскажите, Георгий. Ведь вы были в это время в Москве.

Рассказал, как мог, о виденном и пережитом.

Помню все до мелочей, как будто это случилось вчера. Веселой гурьбой возвращались мы из столовой МВТУ⁴⁶⁶. Всю дорогу шалили, как дети, играли в снежки, шутили. Радостная улыбка не слетала с наших губ, смех буквально душил нас.

Какой-то мрачно настроенный гражданин злобно сказал:

– Чему вы радуетесь, молодые люди?

– А почему бы нам не повеселиться? Gadeamus igitur, juvenes dum sumus⁴⁶⁷.

– Смеяться и шутить нет причины. Разве вы не знаете, что умер Ильич?

– Вы лжете, гражданин! Этого быть не может. Признайтесь, что это неправда.

– К сожалению, это горькая правда.

Как громом пораженные, мы долго смотрели вслед удалявшемуся гражданину. Языки у нас отнялись, руки беспомощно повисли, ноги словно приросли к земле. Мы не могли ни вымолвить слова, ни сдвинуться с места.

Не знаю, сколько минут продолжалось это оцепенение, но когда оно прошло – мы, как подстегнутые, все вдруг бросились бежать домой, в институт. Там уже знали все.

Ночью ходили в Колонный зал, а три дня спустя хоронили Ильича. Стоял трескучий мороз. На площадях и перекрестках горели огромные костры. Колонна за колонной шли к центру рабочие, служащие, студенты, крестьяне из окрестных деревень. Не смолкали звуки траурных мелодий.

Голова нашей колонны только-только вошла на Красную площадь, как грянули орудийные залпы, загудели фабричные и паровозные гудки. Вся страна замерла, погрузилась в пяти-минутное молчание. Я отчетливо видел заснеженный Кремль, деревянный Мавзолей, у входа в него недвижных часовых, на трибуне вождей партии и правительства.

Возвращаясь домой, грелись почти у каждого костра. Столпившиеся вокруг огня люди всех званий и состояний говорили только об Ильиче, думали только о нем. Сколько искренней любви к Ленину в словах этих простых рабочих и крестьян. Они говорили о его светлом уме и чистом сердце, о простоте и скромности, о великодушии и доброте. Я был свидетелем того, как тут же у костра рождались легенды об Ильиче. Один рабочий сказал очень уверенно:

---

⁴⁶³ Старый мошенник (нем.).

⁴⁶⁴ «За Волгой».

⁴⁶⁵ «Frankfurter Zeitung» – газета, выходившая с 1856 по 1943 г. В период Второй мировой войны только она не была полностью подконтрольна Министерству пропаганды Геббельса. Закрыта в 1943 г. по указу Гитлера.

⁴⁶⁶ Московское высшее техническое училище (1918–1930), МВТУ им. Н. Э. Баумана (1943–1989).

⁴⁶⁷ Начало студенческого гимна, текст которого на латыни известен с XIII–XIV вв.: «Будем радоваться, пока мы юны».

«Ильич написал десять тысяч томов сочинений. Никто до него не смог написать столько, никто и не напишет. Один Ленин мог сделать это». Крестьянин поддакнул: «Это ты истинную правду сказал. А вот знаешь ли ты, что Ильич говорил на всех языках, какие только есть на свете. А самых этих языков, почитай, тыща, ежели не больше». Так конкретное мышление народа облекает в живую плоть несколько абстрактные представления о гениальности и величии.

После меня говорили и другие пленяги. Рой за роем потянулись воспоминания. Они захватили нас целиком, заглушили физические страдания, с новой силой пробудили тоску по родине, разожгли злобу к врагам⁴⁶⁸.

За ночь возбуждение не улеглось. Оно еще больше взвинтилось, когда во время обеденного перерыва мы вошли в нашу кантину и увидели баланду из сушеной брюквы. В порыве злобы мы опрокинули парашу (бак) с баландой, разбросали гнилое кольраби по всему полу. А ведь мы были так голодны. Еще вчера мы дрались бы за каждый ломтик сушеной брюквы, языком вылизали бы весь пол, если бы он был залит баландой. Сегодня другая доминанта овладела нами.

Немцев взволновало это происшествие. Они приняли его за бунт против властей, ибо знали: Heute ist Leninsgedenktage⁴⁶⁹. Явился лагерфюрер, за ним шеф с обермайстером, обманн⁴⁷⁰ Монн и другие. Кишлер встревожен [был] не столько политической, сколько экономической стороной дела. Его до глубины души возмутило наше пренебрежительное отношение к такому высокоценному продукту, каким в глазах немцев является кольраби.

Лагерфюрер и шеф выгнали нас из кантины, заперли ее и вызвали на место гештаповцев. Прибывший вскоре комиссар гештапо почему-то равнодушно отнесся к происшествию. Допросив с пристрастием многих из нас (надлежащее количество зуботычин и ударов было отпущено сполна), он порекомендовал шефу и лагерфюреру самим расправиться с нами. А если подобный случай повторится, сказал комиссар, тогда гештапо предпримет более крутые меры. С тем он и уехал.

Итак, все обошлось хорошо, а могло бы окончиться большими неприятностями для многих пленяг. Правда, почти всех посадили на хальбрацион (на 1 неделю), а Каримова и меня на 3 дня в cellule (карцер).

Фриц Штайнбрешер вновь подтвердил окружение 6-й армии в Сталинграде. 300 тысяч фрицев в капкане⁴⁷¹.

Нехорошие дела творятся в лагере: антагонизм между русскими и украинцами достиг чудовищных размеров.

– Эй вы, хохлы хитрожопые, – говорят русские пленяги, – за сколько продались немцам? Только ли «хохлы», и разве все «хохлы»?

Беломар резонно отвечает:

– Хохлы продались, а украинцы нет.

В нашем бараке втрое больше «хохлов», но командуют русские.

– Эй, хохлятина, бери метлы, мети пол!

Не идут – по шее.

Такой порядок завел матрос Жорж⁴⁷² – барачный полицаи.

---

⁴⁶⁸ Ср. со сценой из автобиографического романа С. П. Злобина, в которой военнопленные устроили 21 января 1943 г. тайное собрание по поводу траурной годовщины, где также выступил один из них с воспоминаниями о В. И. Ленине (*Злобин С. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 732–734*).

⁴⁶⁹ Сегодня день памяти Ленина.

⁴⁷⁰ Здесь: уполномоченный (*нем.*) (выше Монн назван бетрибсманном – уполномоченным Арбайтсфронта).

⁴⁷¹ На 17 октября 1942 г. численность 6-й армии составила 334 000 человек.

⁴⁷² Советские военнопленные пользовались прозвищами не только в силу общеизвестных причин. Часто они вынуждены

По жалобе ли «хохлов» или по другой причине – лагерфюрер Берг-Эмден приказал расселить отдельно русских и украинцев. Всех выгнали во двор и построили «драй-унд-драй».

– Украинер, хенде хох, альзо руки верш!⁴⁷³

Почему-то руки подняли и два чистокровных русака: Кронштадт и Чистенький.

Русских оказалось немного – около 300 человек, включая украинца Беломара, татарина Каримова и меня.

У «хохлов» вожаком – Галиция. У него душок пробандеровский⁴⁷⁴.

Наша тройка крепка. Около нас всегда Романов, Зотов, Николай Веркин, Жеронкин, Диксонов. На них положиться можно.

Саша Романов – парень что надо. Он вчера испортил мотор трансмиссии на МАД: набросал туда чего-то. Никто не дознался причины: фрицы довольно беспечны.

Ура! Трехдневный траур.

В 15-00 остановили станки – 5-минутное молчание в память «Helden von Stalingrad»⁴⁷⁵.

Картина своеобразная: унылые лица немцев, а рядом – торжествующий блеск наших глаз. Видя нашу радость, фрицы еще больше хмурятся.

Вершинин, стоявший недалеко от шефа, ухмыльнулся ему прямо в лицо. Тот ударил и посадил в cellule.

В нашем русском бараке настроение в общем хорошее. Ребята мигом раздолбают всякого пленягу, в словах которого почуют хоть легкий привкус антисоветчины. Не по душе мне только их антихохлаизм. Правда, это естественная реакция не гетьвидмосквизм Галиции и его хлопчиков. Они пока имеют влияние на некоторые неустойчивые элементы из украинцев. Ведь вот украинца Беломара все русские ребята любят, считают за своего! А все потому, что Костя Беломар резко противопоставляет себя гетьвидмосквистам.

Как бы ни были оправданны антихохлацкие настроения русских пленяг, нужно бороться с проявлениями великодержавного шовинизма, а равно и местного национализма. Ведь все эти измы лишь на руку немцам. Мы станем духовными (не только физическими) пленниками фашистов, коль скоро им удастся разжечь национальную рознь в нашей среде. А ведь так легко, что называется, исподволь, незаметно для себя попасть в сети духовного рабства. Чего стоит только пресловутая классификация пленяг по «жопному» признаку: высшая категория – беложопые (русские); средняя – хитрожопые (украинцы и белорусы); низшая категория – черножопые (все так называемые нацмены или ёлдаши, не подпадающие под обе первые категории).

Эта классификация и соответствующая номенклатура стали традиционными в нашей среде, получили все права гражданства в мышлении и в языке пленяг⁴⁷⁶.

Иногда можно слышать и такие тирады:

– Всех фрицев без различия пола, возраста и состояния надо уничтожить, как поганую тварь. Есть и другой способ искоренить это подлое семя: выслать всех в Сибирь, чтобы они

были скрывать свои настоящие имена и фамилии по причинам весьма специфическим: еврейской национальности, принадлежности к политсоставу, высоких воинских званий и должностей (что предполагало членство в ВКП(б)), рода службы и т. д. Так же поступали и те, кто соглашался сотрудничать с лагерной администрацией, занимая должности полицаяв, переводчиков и др.

⁴⁷³ Украинцы, руки вверх!

⁴⁷⁴ У автора ошибочно – пробандеровский.

⁴⁷⁵ Героев Сталинграда.

⁴⁷⁶ Ср. с тем, как предельно осторожно затронута эта проблема в повествовании С. П. Злобина. Один из персонажей романа обращается к сокамерникам 23 февраля 1943 г. со следующей тирадой: «И когда мы, советские люди, бойцы Красной армии, слышим в своей среде слова национального высокомерия, видим оскорбительное пренебрежение к какой-нибудь народности <...>, то так и знайте, что это гитлеровская агитация проникла в нашу среду, это фашисты сумели вбить в чью-то дурную башку свой расистский клин!» (Злобин С. П. Указ. соч. Кн. 2. С. 58).

там подошли на каторжной работе да на голодных харчах. Неплохо было бы заодно прихватить пшеков (поляков) и хохлов.

Послушаешь раз-другой эти речи, почешешь затылок пятерней, подумаешь да и скажешь:

– Я, ребята, не меньше вас ненавижу немецких фашистов, а также их оруженосцев из поляков, украинцев, русских, французов. Но скажите мне, чем мы будем отличаться от гитлеровцев, если станем проповедовать поголовное уничтожение немцев? Разве только тем, что себя объявим высшей расой, а все другие народы унтерменшами. А по-моему, русский фашизм так же мало отличается от немецкого, как зеленый черт от синего. Кроме того, не забывайте, ребята, что миллионы немцев-антифашистов томятся в тюрьмах и концлагерях. Не далее как вчера я вез на тачке обеденную баланду из фестхалле на МАД. Рядом со мной шагал вахман Шош. На площади мы увидели большую группу худых, бледных, истощенных людей в цебранцугах⁴⁷⁷. Под охраной эсэсовцев они копали ров. Вахман Шош покачал головой и с жалостливой ноткой в голосе сказал: «Видишь, Шош, этих несчастных. Ты думаешь, кто они? Это немцы, политические заключенные. А их в наших концлагерях сотни тысяч, миллионы». Так неужели у кого-либо из нас может подняться рука на этих врагов Гитлера?!

Ребята поспорят, погорячатся, но в конце концов согласятся. Ведь в основном это хорошие парни, проникнутые здоровыми настроениями.

Наша тройка не ограничивается задачей – вредить нацистам где только можно. Наше главное стремление – укрепить в пленягах качества и достоинства советского человека. Мы должны употребить все доступные нам средства, чтобы никто из нас не стал духовным пленником фашизма. Задача эта трудная, но кое-какие успехи уже есть.

Хорошо уже то, что к нам начал прилепляться народ. Никто, конечно, не знает о существовании «хунты» или тройки, но почти все признают наш авторитет.

Даже матрос Жорж подлизывается к нам. Это подозрительный, а может быть, и весьма опасный человек. Лагерфюрер Берг-Эмден, служивший в годы Первой мировой войны на пресловутом крейсере (откуда вторая половина его фамилии)⁴⁷⁸, узнав в Жорже военного моряка, проникся к нему симпатией и сделал его полицаем. Вот почему мы очень осторожны с этим доверенным лицом лагерфюрера. Правда, Жорж не глуп, он отлично понимает, что теперь не 41-й и не 42-й год: за продажу можно лишиться не одного ребра.

Упорные слухи, что Паулюс⁴⁷⁹ и его стотысячная армия в плену. Немецкие газеты, конечно, ничего об этом не пишут. Геббельс внушает своим фолькгеноссам, что фельдмаршал и его солдаты все как один погибли «смертью храбрых». Однако большинство немцев не верит этому и считает, что Паулюс сдался русским со всей своей «победоносной» армией.

Немало и наших сложило голову.

---

⁴⁷⁷ Зебровый костюм – полосатая одежда заключенных.

⁴⁷⁸ «Эмден» – легендарный немецкий бронепалубный крейсер, отличившийся в годы Первой мировой войны своими действиями в Индийском океане. До капитуляции команды в ходе боя у Кокосовых островов с австралийским крейсером «Сидней» 9 ноября 1914 г. «Эмден» захватил 23 торговых судна, потопил русский крейсер «Жемчуг» и французский эсминец. Командир и команда строго соблюдали законы и обычаи войны на море, в результате чего не погиб ни один человек из числа команд и пассажиров захваченных торговых судов. В 1920–1921 гг. постановлением правительства Пруссии члены команды «Эмдена» получили право сменить свою фамилию на двойную, с приставкой «-Emden». К ноябрю 1927 г. этим правом воспользовались 15 членов команды (без учета случаев смены фамилии вдовами и детьми членов команды). К сентябрю 1933 г. было удовлетворено 91 заявление на смену фамилии, причем удовлетворялись не все заявления.

⁴⁷⁹ Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) – немецкий военачальник (с 30 января 1943 г. – генерал-фельдмаршал), с 1 января 1942 г. – командующий 6-й армией, входившей в группу армий «Б». В ходе боев в окруженном Сталинграде 31 января 1943 г. сдался в плен. Находился в различных лагерях для высокопоставленных немецких военнопленных, все попытки склонить его к сотрудничеству отвергал. Только 8 августа 1944 г. подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», в котором заявлял о необходимости устранить Гитлера, а позже вступил в Союз немецких офицеров и Национальный комитет «Свободная Германия». С 1953 г. проживал в ГДР.

«Сватов напоиша, а сами полегоша за землю русскую»⁴⁸⁰.

Истерический визг фашистской прессы:

«Орды степных варваров снова угрожают Европе. Дикие гунны хотят уничтожить вековую культуру Запада».

Характерно: Геббельс больше не употребляет своих излюбленных выражений – «жидо-большевики», «жидомасоны». Главный гитлеровский пропагандист пугает теперь немцев ордами Аттилы и Чингисхана⁴⁸¹.

Видно, совсем плохи дела у фашистов, раз они дрожат от мысли о нашествии Азии.

Бойтесь и трепещите, чертово семя!

«Мы обернемся к вам своею азиатской рожей».

Теперь уже скоро.

«Настанет день, не будет и следа от ваших Постумов, быть может»⁴⁸².

Фриц Штайнбрешер – мне на ухо:

– Емалс Хитлер гезагт: «Дойче бляйбт иммер да, во эр штет». Хат решт, гельт. Ецт филь дойче солдатен бай Сталинград геблибен⁴⁸³.

Sonderbericht OKW⁴⁸⁴ сообщает об «успешном отражении всех атак большевиков».

Почему же в таком случае все фашистские газеты истерически вопят о «нашествии гуннов»?

Приказ Гитлера о «Frontverkürzung» (сокращение линии фронта). Эта операция мотивируется «стратегическими соображениями».

Мы все реготали⁴⁸⁵ над нелепой попыткой при помощи словесных ухищрений скрыть от немецкого народа паническое отступление фрицев. Нас покрывал своим раскатистым басовитым криком Козлов:

– Ого, стало быть, наши здорово дали фрицам под микитки!

– Славно драпанула немчура.

– Гляди, через месяц-другой наши будут здесь.

– Ну, не через месяц, конечно. А что будут, то факт.

Читаю немецкие газеты ежедневно. Ребята носят мне пачками.

Нашел, выпросил у немца, стащил у него из-под носа – волочет ко мне.

Достали карту: ежедневно отмечаю карандашом линию фронта, продвижение наших.

Конечно, читаю газеты между строк и дополняю сведениями, сообщенными немцами, а часто и французами. Им иногда удастся прослушать Лондон и Москву.

Карту и газету прячу в стружки, заменяющие мне матрац. Моя койка высоко (3-й ярус), вахман не полезет туда с обыском. Ребята нашего барака надежны. Подозрителен только матрос Жорж. Но сейчас он боится нас больше, чем немцев: можем сделать «темную».

---

⁴⁸⁰ Цитата из «Слова о полку Игореве».

⁴⁸¹ Аттила – правитель гуннов в 434–453 гг., завоеватель, объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена на пространстве от Рейна до Волги. Чингисхан (ок. 1155 или 1162 – 1227) – основатель и первый великий хан Монгольской империи, совершавший походы в Восточную Европу, Китай и Среднюю Азию.

⁴⁸² Цитаты из стихотворения А. А. Блока «Скифы».

⁴⁸³ Гитлер как-то сказал: «Немец навсегда остается там, где он ставит ногу». Он прав, не так ли? Сейчас немецкие солдаты навсегда остались под Сталинградом.

⁴⁸⁴ Специальная сводка Верховного главнокомандования вермахта.

⁴⁸⁵ Реготать – хохотать, заливаясь (южн., малорос., арханг.).

На стене цеха огромный плакат: «Большевизм несет тебе смерть». На светлой половинке плаката на фоне цветущего сада изображена дебилая Гретшен с ребенком на руках. С темной половинки глядит косоглазый звероподобный урод в буденовке, колющий штыком ту же Гретшен.

Геббельс внушает своим соотечественникам: большевики – это воинство Аттилы и Чингисхана, уничтожающее на своем пути все живое. Дескать, цель большевиков – не ликвидация фашизма, а физическое истребление немецкого народа.

У некоторых немцев поджилки трясутся при взгляде на плакатного «гунна» в буденовке. Но большинство МАДовских рабочих лишь ухмыляется, проходя мимо плаката.

– Слушай, Шош, – спросил Котлетка, – почему русский солдат воюет босиком и голышом? Ведь это же неудобно.

Сакрамент так и прыснул со смеху.

– О, Вильгельм, ду бист айн комикер⁴⁸⁶.

– Кто выдумал эти бабьи сказки, Вильгельм?

– Это не сказки, Шош, а правда. Спроси любого.

– Не верь басням, Вильгельм.

– А почему же, когда русских военнопленных привозят сюда, все они без сапог, без шинелей, без штанов и мундиров? Немецкому командованию приходится вас одевать в кайзеровские мундиры.

Волнуясь и горячась, пытаюсь объяснить Котлетке, но он перебивает меня:

– Не сердись, Шош, я пошутил. Ведь мне хорошо известно, что вас раздевают наши солдаты.

В «Deutsche Allgemeine Zeitung» напечатана речь Гитлера.

«Был опасный момент. Я прибегнул к крутым мерам, чтобы восстановить порядок на фронте. Сейчас отступление закончилось и фронт стабилизировался».

Стало быть, сам Гитлер подтверждает, что немцы панически, в беспорядке драпали с Волги, Дона и Кубани. Что же касается стабилизации фронта, то это бессовестнейшая брехня: инициатива по-прежнему в руках советского командования.

Православная Пасха.

Попросили лагерфюрера пустить нас в русскую церковь. Сверх ожидания старый кайзеровский морской офицер разрешил. Он даже умилился внезапному проявлению религиозного чувства в наших обольшевиченных душах.

А нам наплевать на эмоции лагерфюрера. Для нас это первая прогулка по городу.

Ходили втроем: Беломар, Козлов и я. Конвоировал нас вахман Ганс. Он оказался словоохотливым парнем. От него узнали кое-что о Дармштадте.

Оказывается, в городе около 120 тысяч жителей. Если же взять Гросс-Дармштадт, куда входят также и пригороды Нидер-Рамштадт, Обер-Рамштадт, Пфунгштадт, Грисхайм и другие, то жителей можно насчитать до 200 000.

До ноябрьской революции 1918 года Дармштадт был столицей великого герцогства Гессенского и Прирейнского (Großherzogtum von Hessen und bei Rhein). Герцогство состояло из трех провинций: Starkenburg (территория, опоясывающая Дармштадт), Obehessen (центр Гиссен⁴⁸⁷) и расположенный на левом берегу Рейна Rhein-Hessen (центр Вормс⁴⁸⁸).

---

⁴⁸⁶ О, Вильгельм, ты – комик.

⁴⁸⁷ Гиссен – город в земле Гессен, расположенный на изгибе реки Лан – правого притока Рейна. Известен своим университетом. Первое письменное упоминание нового поселения относится к 1197 г. В 1248 г. получил статус города. В 1604 г. вошел в состав ландграфства Гессен-Дармштадт. С 1803 г. стал столицей провинции Обергессен в Великом герцогстве Гессен.

Сейчас территория великого герцогства объединена с прусской провинцией Hessen-Nassau. Столицей вновь образованной Гитлером области (Gau⁴⁸⁹) Гессен-Нассау стал Франкфурт-на-Майне.

В одном отношении Дармштадт сохранил свое превосходство над Франкфуртом: бывшая столица единого герцогства сейчас является судебно-полицейским центром для Gau Hessen-Nassau. Более того, юрисдикция дармштадтского гештапо выходит за пределы гау и распространяется на всю Юго-Западную Германию.

В Дармштадте родилась последняя русская царица. В честь бракосочетания принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской⁴⁹⁰ с царем Николаем II и была построена русская церковь (Russische Kapelle)⁴⁹¹. Она стоит на холме, окруженном живописными местами. В архитектуре церкви есть что-то от Византии, но преобладает Ренессанс. Недалеко от русской капеллы – Hochzeitsturm (свадебная башня). Это большой герцогский дворец, над которым возвышается башня с солнечными часами. Во дворце жила царская чета после бракосочетания, а также во время других своих приездов в Дармштадт. Вошли в капеллу. У входа на стене портреты Николая II и Александры Федоровны. Внутри церковь очень светлая, уютная, красивая. Правда, православием здесь не пахнет: царские врата, иконы, фрески и скульптурные работы выполнены в итальянско-католическом стиле. Из всего убранства церкви нашли только одну икону чисто русского происхождения. Она поднесена брачующейся августейшей чете крестьянами какого-то исконно русского села.

Когда мы вошли в церковь, служба там еще не начиналась. Священник, специально приехавший из Висбадена, высокий статный старик с кавалергардской выправкой, исповедовал группу гражданских украинских девушек.

Вышли из капеллы. У фонтана-бассейна группа русских эмигрантов. Один из них подошел ко мне.

– Узнаю земляка издалека. Ведь вы с Кавказа?

– Да, с Кавказа. А вы?

– Я с Кубани. Ну как у нас там?

– До войны было хорошо.

Кубанец недавно приехал из Франции. Ругает немцев, нелестно отзывается о французах, скучает по России, мечтает вернуться на родину.

Подходит другой белогвардеец. Сам он из ставропольских тавричан, а жена – обрусевшая немка из Одессы. Он работает в русском отделе бывшей великогерцогской публичной библиотеки. Утверждает, что в библиотеке около 1,5 миллионов томов, из них свыше 100 тысяч русских книг.

– Скажите, – спросил я ставропольца, – вы не вступили еще в РОА⁴⁹²?

– Не вступил и никогда не вступлю. Ведь кто такой генерал Власов? Изменник и предатель русского народа. Это немецкая марионетка. Он делает, что ему прикажут немцы.

– А вы еще не отвыкли от России, не разлюбили ее?

⁴⁸⁸ Вормс – город в земле Рейнланд-Пфальц примерно в 60 км от Франкфурта-на-Майне. В 1815 г. вошел в состав Великого герцогства Гессен в соответствии с решением Венского конгресса.

⁴⁸⁹ Гау – наименование партийных округов, территориально совпадавших с избирательными округами на выборах в рейхстаг. Отсюда – гауляйтер.

⁴⁹⁰ Имеется в виду супруга императора Николая II императрица Александра Федоровна (1872–1918), урожденная принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская.

⁴⁹¹ Имеется в виду часовня Святой Марии Магдалины, построенная на средства императорской семьи по проекту архитектора Леона Бенуа в 1897–1899 гг. Освящена 26 сентября 1899 г.

⁴⁹² Русская освободительная армия (РОА) – название вооруженных формирований, созданных из числа советских военнопленных и воевавших на стороне Германии и ее союзников в 1942–1944 гг. В расширительном толковании – совокупность большинства русских антисоветских частей и подразделений из русских добровольцев, включенных в состав частей вермахта.

– Как можно забыть родину, разлюбить ее! Вы знаете, мы с женой живем в Германии с 1921 года, но никак не можем привыкнуть к этой стране, к ее нравам. Вам это может показаться странным, потому что моя жена – одесская немка. Но представьте себе, она скучает по России не меньше, чем я, и также жаждет вернуться на родину.

К нам приблизился юный красавец явно кавказского происхождения. Узнаю, что отец его – грузинский князь, служивший в армии Врангеля и убитый в Крыму в 1920 году. Грузинского языка молодой князек не знает, ибо родился он в Галлиполи вскоре после Великого драпа⁴⁹³, и, кроме того, мать у него – чисто русского происхождения.

Князек недавно прибыл из Белграда. Сейчас учится в Высшем техническом училище.

Спрашиваю его:

– Почему вы покинули Югославию?

– Русскому там невозможно жить.

– Что, разве немецкие оккупанты притесняют?

– Нет, сербы. Они ненавидят русских и даже убивают нас.

– Ой, что-то не верится. Сербы любят русских, как братьев. Они видят в русских своих защитников и освободителей не только в прошлом, но и в настоящем и в недалеком будущем.

– Может быть, может быть. А все-таки сербы нас ненавидят.

– Но почему же, объясните?

– Видите ли, они говорят нам: «Вы изменили родине, вы воевали против своего народа за интересы англичан, французов, немцев!» Но ведь это же неверно. Мой отец сражался и погиб за Единую неделимую великую Россию.

– Ах, вот в чем дело. Мне теперь все понятно.

В беседу включился молодой серб, коллега грузинского князька по Высшему техническому училищу. Говорили о событиях в Югославии.

– Я более чем уверен, – сказал серб, – что действия партизанской армии в Югославии не принесут успеха Иосипу Броз Тито⁴⁹⁴. Коммунисты будут разгромлены, а Тито окажется в полном одиночестве.

– Вы думаете, что немецкая оккупация Югославии будет вечной?

– Нет, я так не думаю. Немцы, безусловно, уйдут из Югославии. Но на их место придут англо-американцы. Они восстановят королевскую власть, а Тито будет вынужден уйти на задворки.

– А я убежден, что королевской власти нет возврата в Югославию. Ее реноме безнадежно подорвано. Авторитет же Тито растет не по дням, а по часам. Немцы будут разгромлены, власть в Югославии перейдет в руки коммунистов, во главе которых стоит Тито.

– Нет, этого не случится.

– Через год вы воочию убедитесь, что это так.

Пока мы спорили, из капеллы вышел еще один белогвардеец. Он чем-то возмущен: глаза его искрятся гневом, рот кривится, щека дергается.

– Это возмутительно, господа, это недопустимо, я протестую! Да кто дал ему право так не уважать наши святыни, так оскорблять наши национальные и религиозные чувства?

– Да говорите же, Иван Александрович, что случилось?

---

⁴⁹³ После разгрома Белой армии П. Н. Врангеля в Крыму в 1920 г. ее остатки были эвакуированы в Турцию. Часть солдат и офицеров во главе с генералом П. Н. Врангелем были размещены на полуострове Галлиполи военным лагерем, просуществовавшим до 1923 г.

⁴⁹⁴ Иосип Броз Тито (1892–1980) – югославский революционер. С декабря 1937 г. возглавлял Коммунистическую партию Югославии. После захвата страны Германией организовал отряды сопротивления, на основе которых была создана Народно-освободительная армия Югославии, которую он возглавил 4 июля 1941 г. После окончания Второй мировой войны до дня смерти государственный и партийный лидер страны.

– Представьте себе, господа, сейчас, во время богослужения, в церковь ворвался гештаповец. Не снимая головного убора, он протопал до самой солеи⁴⁹⁵ и крикнул в упор украинским девушкам: «Раус!»⁴⁹⁶ Те смолчали. Он повторил приказание. Девушки не отозвались. Тогда гештаповец взобрался на амвон и предложил священнику удалить русских девушек из храма. Богослужение было прервано, священник объявил громко распоряжение гештаповца. Каково! Ну разве это не возмутительно?

Наглость гитлеровского янычара привела в волнение всех наших собеседников. Пока они громко изливали свои оскорбленные чувства, к группе подлетел гештаповец. Он начал орать на вахмана и нас, угрожать всякими карами Гансу за то, что он привел русских военнопленных сюда. Вахман перепугался, стал торопить нас в лагерь. Шли мы нарочито медленно, гештаповец подгонял, плетясь сзади. С усмешкой глядя ему в глаза, Козлов запел:

Не видать вам красавицы Волги
И не пить вам из Волги воды⁴⁹⁷.

Гештаповец стукнул его ногой по дупе и отошел прочь.

Гитлеровцы запрещают нам общаться с белогвардейцами. Они боятся, что мы объединимся для совместных действий против Райша. Многие белогвардейцы и в самом деле настроены антинацистски. Они считают, что большевизм – меньшее зло для России, чем немецкий сапог.

Спустились с церковного холма. Внизу, под сенью густолиственных деревьев – памятник Гельдерлину⁴⁹⁸: обнаженный юноша простирает руки к солнцу, тянется ввысь. Скульптор мастерски воплотил порыв к светлому, к идеальному, столь характерный для романтизма Гельдерлина:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце⁴⁹⁹.

На Параденпляц хорош памятник жертвам Первой мировой войны: огромный бронзовый лев, пронзенный стрелой во время прыжка. Зато безобразен Лянге Людвиг – 50-метровая колонна, увенчанная бронзовой фигурой основателя великого герцогства Хессен унд бай Райн Людвиг I⁵⁰⁰. Верх безвкусицы – памятник великому герцогу Людвигу III (не то отец, не то брат Александры Федоровны⁵⁰¹). Он, подобно Александру III, на коне и столь же жандармообразен⁵⁰².

---

⁴⁹⁵ Солея – возвышение пола перед алтарной преградой или иконостасом в христианском храме.

⁴⁹⁶ Вон.

⁴⁹⁷ Цитата из «Песни о Волге», звучавшей в кинофильме «Волга-Волга» (1938) (автор текста В. Лебедев-Кумач, музыка И. Дунаевского): Пусть враги, как голодные волки, У границ оставляют следы, Не видать им красавицы Волги И не пить им из Волги воды.

⁴⁹⁸ Гельдерлин Иоганн Кристиан Фридрих (1770–1843) – немецкий поэт.

⁴⁹⁹ «“Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...” Анаксагор» – эпиграф к книге К. Д. Бальмонта «Будем как солнце» (1903).

⁵⁰⁰ Людвиг I – великий герцог Гессенский (1753–1830). После выхода сестры замуж за будущего российского императора Павла I находился в России и принимал участие в Русско-турецкой войне в генеральской должности (1774). В 1806 г., став союзником Наполеона, был возведен в звание великого герцога Гессена и вступил в Рейнский союз. Памятник ему высотой 39 метров, воздвигнутый в 1844 г., расположен в центре дармштадтской площади Луизенплац.

⁵⁰¹ Людвиг III Гессенский (1806–1877) – великий герцог Гессенский и Прирейнский (1848–1877). Людвиг Карл Альберт Вильгельм (1868–1937) – сын наследовавшего Людвигу III племянника Людвигу IV, великий герцог, брат Александры Федоровны и Елизаветы Федоровны. Следовательно, Александра Федоровна приходилась Людвигу III внучатой племянницей.

⁵⁰² Имеется в виду памятник Александру III в Петербурге работы П. Трубецкого (1909). Характеристика, данная автором, совпадает с нелестными оценками образа императора, высказанными многими современниками.

Красив Schloss – замок великих герцогов. Он окружен рвом, частью заполненным водой. Кое-где еще сохранились подъемные мосты. Стены внешнего обвода, часть замковых сооружений и башня с курантами (Turmuhrlockenspiel) построены в Средние века, а большой дворец в стиле итальянского Ренессанса – в начале XIX века. Здесь хранится знаменитая Мадонна Гольбейна⁵⁰³.

Вернулись мы в лагерь рано. Гештаповец так напугал вахмана Ганса, что наша прогулка ограничилась 1½ часами вместо разрешенных лагерфюрером 4 часов.

Жаль Николая Остроженко⁵⁰⁴. Он хороший, душевный, несколько даже сентиментальный парень. Я помню тот злополучный день, когда нас загнали в «Орфеум», чтобы «развлечь» каким-то балаганным представлением и тем самым отвлечь от мыслей о родине. Николай сидел тогда в партере, с глазами, полными слез. Он говорил мне на следующий день: «Если бы вы знали, Георгий, какого труда мне стоило сдержаться, не зареветь белугой на весь “Орфеум”».

Чувствительная натура, но чистая душа.

И вот его нет среди нас. Сегодня шеф отправил его за саботаж в гештапо.

Нас гнали из лагеря на ночную работу. Шли мы вразвалку, медленно, не торопясь. Вахманы нас не подгоняли и не тревожили.

Из переулка, вливающегося в Райнштрассе, вышла со вкусом одетая дама лет тридцати. Завидев ее издалека, Беломар толкнул в бок Козлова.

– Слушай, Козлик, ты всегда говоришь, что все немки – уроды. А вот ты и неправ. Посмотри на эту: красавица, какие только в сказках бывают.

– Что она красива, я не спорю, – пробасил Козлов, – но я убежден, что если она и немка, то в ней 50% процентов славянской крови. Не веришь? Держу пари на пайку. Хочешь?

– Ну тебя к бисовой маме! Ты еще, пожалуй, оставишь меня без пайки.

Но вот дама поравнялась с нами. И как же мы удивились, когда из ее уст полилась чистейшая русская речь:

– Здравствуйте, дорогие соотечественники!

– Гутен абенд, либе фрау или фройляйн! Не знаем, как вас лучше назвать.

– А вы не смеетесь надо мной, милые земляки. Какая я фрау, какая я фройляйн! Я просто несчастная русская женщина.

– Разве вы русская? А мы-то думали, что вы немка.

– Нет, я чистокровная русская.

– Вы военнопленная или гражданская?

– Ни то, ни другое.

– Но почему же вы несчастны? Ведь вы на свободе.

– Призрачная это свобода. Какая свобода может быть вне родной земли. Это – изгнание, экзиль⁵⁰⁵. Помните у Лермонтова: «Зеленый листок оторвался от ветки родимой...»⁵⁰⁶.

– Ай-ай-ай, как же это вы оторвались?

– Поверьте, что моей вины в этом нет: ведь я родилась на чужбине. Увы, я – русская без гражданства, без родины. Ах, как же я завидую вам!

– Нам завидуете, нашей каторжной жизни?! Разве вы не видите на наших спинах «SU»?

---

⁵⁰³ Речь идет о «Дармштадтской мадонне», или «Мадонне бургомистра Мейера», написанной Гансом Гольбейном Младшим (1497–1543) в 1526 г. в Базеле по заказу бургомистра города Якоба Мейера. Долгое время демонстрировалась в дворцовом музее. С января 2012 г. находится в бывшей церкви иоаннитов в городе Швебиш-Халль.

⁵⁰⁴ Сведений о нем, как и о многих других упомянутых автором советских военнопленных, в базе данных о военнопленных (<https://ru.stsg.de/cms/node/11118>) и обобщенном электронном банке данных (ОБД) «Мемориал» найти не удалось.

⁵⁰⁵ Exil (фр.) – ссылка.

⁵⁰⁶ Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» (1841).

– Именно этому я и завидую. Вы должны гордиться этими двумя буквами: они напоминают вам в изгнании о том, что у вас есть родина. А что сказать обо мне, моих родителей, моих друзьях... Горько, тяжело от сознания, что «нет у нас родины, нет нам изгнания»⁵⁰⁷.

Слезы блеснули в глазах дамы.

– Не говорите так. Раз вы испытываете муки ностальгии, значит, у вас есть родина. Как знать, может быть, мы еще встретимся с вами на родной земле.

Нам так хотелось сказать ей много хороших слов, но вахман заторопил на МАД.

Бережной удивил меня своей «добротой».

– Хотите, Георгий, научу вас хорошо работать?

– Вы это всерьез или в шутку?

– Зачем в шутку? Совершенно серьезно говорю.

– Мой дружеский совет вам, Бережной: никому не делайте таких постыдных предложений.

– Почему обижаетесь, Георгий? Ведь я вам добра желаю. Все-таки как-никак экстраброт заработать можно.

– Такого добра не надо. Пока вы на этой проклятой земле, постарайтесь разучиться хорошо работать. А если уж очень хочется учить чему-либо, так научите, как лучше маскироваться.

Парень он неплохой, но, видимо, не понял обстановки.

Ночью Петро Ткаченко переломал все сверла. Форарбайтер⁵⁰⁸ Филипп Хаас прогнал его и поставил к станку меня.

Просверлив одну дырку в крышке для картофелечистки, я отправился в аборт. Сидел там до тех пор, пока не выгнал Хаас.

Вернувшись к станку, включил его и перевел на холостой ход.

Так простоял до 6 часов утра.

Итог 12-часовой работы – одна просверленная вместо возможных 150 × 200.

В следующую ночь Хаас снова поставил меня к сверлильному станку, три часа я вертел все ту же дырку. Филипп заметил и стал орать. Я перевел сверло и, дав максимальную скорость, с размаху врезал его в крышку. Сверло полетело, электромотор сгорел.

Филипп взбесился, опрокинул на меня ушат из «сакраменто эмоль» и «сакраменто нох эмоль»⁵⁰⁹, но от применения физических методов отказался. Он прогнал меня от станка, заявив: «Зи хабен кайне арбайтсфеишкайт»⁵¹⁰. Такая оценка нисколько не вредит моему здоровью.

Распроставшись без сожаления с профессией сверлильщика, я вернулся на прежнюю работу грузчика и переносчика (Transport).

Здесь лучше, потому что больше всяких возможностей для маскировки.

Не знаю, как поступит Филипп дальше: донесет ли шефу на меня, умолчит ли, объяснит ли поломку объективными причинами. Вот тут-то и можно будет проверить, что за человек Хаас. Адам и Фриц Штайнбрешер очень его хвалят, говорят о нем как об убежденном коммунисте и крупном партработнике в прошлом. Странно только одно: Филипп злобно глядит на нас, а ночью после перерыва пинками подымает спящих на куче угля. Фриц и тут пытается оправдать Хааса.

---

⁵⁰⁷ Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тучи» (1840).

⁵⁰⁸ Бригадир.

⁵⁰⁹ Проклятие и еще раз проклятие.

⁵¹⁰ Вы неспособный к работе.

Он говорит, что у Филиппа нервное расстройство на почве вечного страха быть разоблаченным как коммунист. Кроме того, Хаас боится, что русские могут подвести его под гештапо.

Доктора (как мы называем Дениса Шаповалова) посадили на хальбрацион. Однако он плюет на все и продолжает маскироваться.

Саша Романов тоже молодчага, он растравил кислотой правую руку чуть не до кости. Это дает ему право кранковать едва ли не целый месяц. Отличный метод маскировки, надо его шире применять.

Хорошенькая контористка Клара (она поразительно похожа на грузинку) с интересом наблюдает за всеми нашими приемами увертывания и маскировки. Заметив кого-нибудь в ферштеке, она шутиливо угрожает пальчиком. От нее мы не прячемся, ибо давно уже уверились в ней.

Клара еженедельно выписывает и выдает нам «деньги» за работу. По субботам каждый пленяга получает в среднем от 5 до 15 марок. Казалось бы, немалая сумма, но она никак не сказывается на нашем благосостоянии. Ведь деньги, которые мы получаем, – это не рейхсмарки и даже не оккупационные марки, а специальные боны для военнопленных⁵¹¹. На них не купишь и стакана зельтерской. Они пригодны лишь для игры в очко.

Клара знает цену этим «пленным маркам». Вручая пленяге 10 марок, она шутиливо говорит:

– О, зи хабен зо филь гельд гекришт!⁵¹²

Когда же эта игривая девушка увидит где-нибудь в кеселе маскирующегося пленягу, она говорит ему с деланным ужасом в голосе и в глазах:

– Аба, зи верден кайн гельд фердинен!⁵¹³

Ребята где-то нашли американскую листовку на немецком языке и принесли мне. Окружили меня стеной, закрыли от взоров вахманов, бевертов (лижущих немцам пятки за экстраброт) и прочих подозрительных субъектов.

– Прочтите, Георгий, и расскажите нам.

Прочел, перевел, показал, рассказал, разъяснил.

⁵¹¹ Немецкие промышленники за использование труда советских военнопленных перечисляли определенную часть денежных средств государству и лагерям, сами же узники первоначально никаких денежных выплат на руки не получали. Только после выхода приказа отдела по делам военнопленных Верховного командования вермахта от 19 сентября 1941 г. из получаемых лагерем денежных средств им стали выплачивать 20 пфеннигов за рабочий день. Такие расценки подтверждаются дневниковыми записями Д. С. Цыганкова, находившегося в ноябре – декабре 1942 г. в рабочей команде на аэродроме в г. Швайнфурте-на-Майне (*Цыганков Д. С., Цыганков В. Д.* Отец: дневник майора Красной армии 7 октября 1941 г. – 12 сентября 1945 г. М., 2000. С. 41, 51). Большинство мемуаристов зафиксировали нововведение с денежными выплатами в 1943–1944 гг. Ф. Я. Черон вспоминал о введении оплаты в Саксонии в 1943 г. (2 марки в неделю) и о слухах, что платить начали еще в 1942-м (*Черон Ф. Я.* Немецкий плен и советское освобождение // Черон Ф. Я. Немецкий плен и советское освобождение; Лугин И. А. Полглотка свободы. Paris, 1987. С. 74). А. С. Малофеев летом 1943 г. получал в офицерской рабочей команде № 2595 на каменном карьере у ст. Лизинген 5 марок «лагерных денег» в месяц (*Малофеев А. С.* Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. – февраль 1945 г. // Беглецы из плена: воспоминания танкиста и морского артиллериста. М., 2010. С. 254). Ф. И. Чумаков относит введение заработной платы (2–3 марки) в лагере 326 (VI-K) Зенне на позднюю осень 1944 – зиму 1945 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 301). О двух марках месячного вознаграждения упоминал и работавший в рабочей команде в крестьянском хозяйстве в Австрии Д. Т. Чиров (*Чиров Д. Т.* Среди без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг. М., 2010. С. 165). «Нам, пленным, с 1944 г. стали давать деньги – 6 марок в месяц...» – пишет Н. П. Ундольский («...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад»: из воспоминаний бывшего военнопленного Н. П. Ундольского (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 2. С. 96). Ю. А. Апель в период пребывания в шталаге 1-А в г. Штаблаг (Восточная Пруссия) зафиксировал даже обменный курс черного лагерного рынка: «десять “пленных” марок за одну рейхсмарку» (*Апель Ю.* Указ. соч. С. 157).

⁵¹² О, вы получили много денег!

⁵¹³ Но вы ведь совсем не заработаете денег!

По существу, это даже не листовка, а напечатанная на хорошей бумаге брошюра объемом около 50 страниц. Нет, пожалуй, это и не брошюра, а альбом фотографий с пояснительным текстом.

Тема альбома – Сталинградская эпопея. Излагается весь ход операции: прорыв немцев к Сталинграду, бои на подступах к нему, героическая оборона города, окружение армии Паулюса, сдача остатков ее в плен, стремительно-панический отход немцев от Волги и Дона.

Особенно выразительна фотография на последней странице. Она изображает финал немецкого *Drang nach Süd-Ost*⁵¹⁴, морозная лунная ночь, руины каких-то строений, на искристом снегу окоченевшие немецкие трупы.

Доктор сломал станок. Посадили его в карцер. Началась прямо-таки эпидемия бракоделия и станколомки.

И другая эпидемия охватила нас: количество кранковщиков растет изо дня в день. К Саше Романову присоединился Покора, симулирующий аппендицит, за ним Беломар, имитирующий вывих плеча, и еще несколько человек.

Начал кранковать и я. Пока удастся симулировать тяжелую форму гриппа.

Ну просто настоящее кранкоповетрие.

Зотов узнал о нашей тройке.

Не понимаю: как ему удалось проникнуть в эту тайну? Беломар и Козлов клянутся, что не говорили, даже не намекали ему.

Как бы там ни было, а Зотов узнал или догадался и предложил себя четвертым. Мы высмеяли его, отрицали существование тройки, доказывали фантастичность и нелепость самой мысли о возможности организовать в лагере хунту.

Хотя Зотов и кадровый летчик-капитан, но лучше все-таки воздержаться от приема его в хунту. Пока еще рано расширять тройку.

Действовать на пленяг нужно исподволь, незаметно. Никто не должен подозревать о существовании тройки, о каком-то плане действий.

Вахманы выводили нас с фабрики после дневной смены. У ворот МАД стоял инженер Вальтер Кишлер, а рядом с ним какая-то немка средних лет. Женщина доставала из сумки книги и, стараясь быть не замеченной вахманами, совала в руки пленягам. Протянула и мне, шепнув:

– Немен зи эмаль, херр профессор⁵¹⁵.

Почему она решила, что я профессор?

Брали мы охотно и благодарили фрау: каково бы ни было содержание книги, а курительная бумага нам нужна.

В бараке рассмотрели подарки. Книга оказалась Евангелием на русском языке. Издано оно в Стокгольме в 1942 году.

Как ни странно, даже эту русскую книгу религиозного содержания надо прятать от лагерного начальства.

Курт Кишлер⁵¹⁶ – однофамилец бетрибсфюрера – до гитлеровского переворота был секретарем Баварского обкома комсомола. Когда нацисты захватили власть, он бежал из Мюнхена

---

⁵¹⁴ Наступление на Юго-Восток (*нем.*). Перефразирован лозунг «*Drang nach Osten*» (натиск на Восток), возникший еще в XIX в. и активно использовавшийся в нацистской пропаганде, обосновывавшей германскую колонизацию восточных территорий необходимостью расширения немецкого «жизненного пространства».

⁵¹⁵ Возьмите, господин профессор.

⁵¹⁶ Kurt Küchler, слесарь (Schlosser) указан в адресной книге Дармштадта за 1941 г. Проживал по адресу:

в Дармштадт. Не сделай Курт этого, висеть ему меж двух столбов, в лучшем случае – гнить в каторжном концлагере.

Проходя мимо его станка, я запнулся и остановился. Он перегнулся через станок и, задыхаясь от кашля (у него туберкулез), шепотом сказал:

– Знаете, Шош, о чем я сейчас думал? После войны всех фашистов надо отправить на каторгу, в Сибирь. Заставить их работать по 16–18 часов, а хлеба давать только по 100 граммов в день.

Сегодня в Москве, вероятно, особенно торжественно проходит первомайский парад. Есть чем гордиться советскому народу. Перелом совершенно очевиден. Немцы продолжают откатываться.

На МАД только два члена гитлеровской партии: бетрибсфюрер Кишлер и магацинер (зав. складом) Ганс. Последний внешне любезен, учтив, добродушен, а по существу – скотина и змея.

На днях Ганс донес инженеру (альтшеф болен, вот уже целый месяц не ходит на фабрику), что Фриц Штайнбрешер часто беседует со мной на политические темы. Инженер Вальтер Кишлер рассказал об этом Фрицу, прося его быть осторожным.

– Будем осторожнее, камрад Георги, – предупреждает меня в свою очередь Фриц. К счастью, альтшеф болен, а то несдобровать нам обоим. Инженер же слишком католик, чтобы предать.

Когда Фриц говорит о порядочности юнгешефа, он всегда объясняет ее религиозностью, истинным католицизмом Вальтера Кишлера. Это верно, что у рядовых католиков Гитлер не в чести. Но может ли «истинный католицизм» быть барьером против предательства?

Когда подвели нас к лагерю, у ворот стояла немка-миссионерка, пытающаяся распространять среди пленяг «свет евангельской истины».

Тщетны ее старания и надежды. Среди пленяг нашего лагеря я не знаю ни одного верующего, даже ни одного колеблющегося.

Меня удивляет это обстоятельство. Тяжелые переживания, кошмар голода, муки физических и духовных истязаний, жизнь на краю смерти обычно вызывают срыв нервной системы. Человек живет как в бреду, а это лучшая почва для мистики, поповщины: откуда-то из пропасти подсознания выныривает всякая чертовщина и ведьмовщина, попавшая туда из бабушкиных сказок. Отсюда недалек путь к церкви.

Но, видимо, даром потрудились большевики, если даже в кошмарных условиях плена наши сердца и умы закрыты для «божественного слова».

Итак, у ворот лагеря нас встретила миссионерка. Ребята, как и в прошлый раз, охотно брали у нее евангелие и учтиво благодарили.

– Данке шен, либе фрау⁵¹⁷. Бумага пригодится для курева.

Миссионерка принимает благодарность за чистую монету. Не понимая русской речи, она искренне убеждена, что заронила в нас искру религиозного жара. Пусть себе думает.

Миссионерка узнала меня.

– Абенд, херр профессор!⁵¹⁸

– Гутен абенд, гнедише фрау! Абер бин кайн профессор⁵¹⁹.

– Дох, ишь вайс сешайд⁵²⁰.

Pallasweisenstrasse, 30.

⁵¹⁷ Спасибо, госпожа (нем.).

⁵¹⁸ Добрый вечер, господин профессор!

⁵¹⁹ Добрый вечер, милостивая госпожа! Но я не профессор.

⁵²⁰ Нет, да. Я-то ведь знаю.

– Об бевендел зи нихт, – иронизирую я, – гитлербекенунгсгрус?⁵²¹

– О, нет! Готт мишь ретте! Ишь бин католишь, унд Хитлер ист дер файнд дес католицизмус. Об виссен зи нет, дас Хитлер ист Антихрист? Я, херр профессор, Хитлер ист Антихрист унд Сталин аух Антихрист⁵²².

Сашу Сизенцова за саботаж отправили в гештапо. В последнее время он действовал слишком открыто.

Хороший он парень. Жаль, если погибнет.

Принесли мне ребята американскую листовку-брошюру с фотографиями.

Авторы сопоставляют ход обеих мировых войн: слева даны боевые эпизоды 1914–1918 гг., справа – наших дней.

По мнению авторов, обе войны протекают аналогично: сначала немцы успешно наступают, захватывая огромные территории; затем они останавливаются и война из маневренной превращается в позиционную; потом их выбрасывают за рубеж и приканчивают.

Каким же будет конец текущей войны?

Ответ дан на предпоследней и последней страницах. Изображен Гитлер с разинутой пастью, а ниже, под ним, слова: «Вильгельм⁵²³ сложил оружие без пяти минут двенадцать. Я не капитулирую даже в пять минут первого».

На последней странице башенные часы: стрелка неудержимо движется, приближаясь к двенадцати часам.

Я больше не грузчик, а слесарь. Не жалуюсь: здесь легче маскироваться. Зажмешь в тиски круг для картофелечистки, схватишь напильник и стоишь. Появится на горизонте шеф, инженер или мастер – делаешь вид, что усердно трудишься. Весь день проходит так: час стою около тисков, два в abortе. Потом снова та же карусель.

---

⁵²¹ А разве вы не пользуетесь приветствием «Хайль Гитлер»?

⁵²² О, нет! Спаси и сохрани меня бог! Я – католичка, а Гитлер – враг католицизма. Разве вы не знаете, что Гитлер – Антихрист? Да, господин профессор, Гитлер – Антихрист и Сталин тоже Антихрист.

⁵²³ Имеется в виду Вильгельм II (1859–1941) – последний германский император (1888–1918), отрекшийся от престола 9 ноября 1918 г. в ходе революционных событий, вызванных поражением Германии в Первой мировой войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.